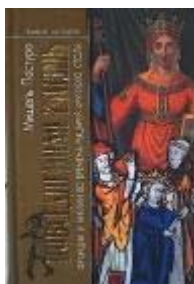


Мишель Пастуро.

Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола



Оглавление:

Мишель Пастуро. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого
стола

(Пер. с фр. М.О.Гончар; Науч. ред., коммент. и послесл. Т.Д. Сергеевой;- М.:Мол.гвардия,
2001.-239 с.)

Предисловие. А.П. Левандовский. Об Артуриане, рыцарях Круглого стола и просто
рыцарях

Введение

Глава 1. Ритм жизни

Население Англии и Франции · Рождение и крещение · Свадьба · Старость и смерть ·
Ритм времени · Короткое время: день · Долгое время: год и календарь

Глава 2. Общество феодалов и рыцарей

Общая характеристика общества · Сеньоры и вассалы · Сеньория: обстановка
повседневной жизни · Сервы и вилланы · Население городов · Клирики · Рыцарство ·
Жизнь рыцарства · Рыцарские идеалы и добродетели

Глава 3. Пейзаж. От "заброшенной" земли к цветущему саду

Раскорчевывание · Ланды и болота · Лес · Сад

Глава 4. "Каков сеньор, таков и двор": Замок и условия жизни

Замок: внешняя ограда · Замок: внутренние ограды · Донжон: внутреннее убранство и
мебель · Повседневная жизнь в замке · Крестьянский дом

Глава 5. "К столу, милости просим!"

Еда крестьянина · Еда сеньоров · Напитки и вино · Пост · Манеры аристократического
застолья

Глава 6. Одежда, цвета, эмблемы

Рождение моды · Ткани и цвета · Мужской костюм · Женский костюм · Гербы

Глава 7. Время войны и время мира

Частные войны и Божий мир · Феодалная военная служба · Наемники · Снаряжение
воинов · Конь · Осадная война · Сражение

Глава 8. Некоторые развлечения аристократии
Турниры · Охота · Шахматы

Глава 9. Куртуазная любовь и эмоциональная сфера
Литературный феномен · Физическое влечение и критерии красоты · Плотские удовольствия · Эмоциональная сфера

Глава 10. Область мечты
Перемещения и путешествия · Паломничество и почитание святынь · Очарование Востока и чудеса географии · Животные и чудовища · Бретонское чудо и мир Грааля

А.П. Левандовский. Об Артуриане, рыцарях Круглого стола и просто рыцарях

В послесловии к этой книге читатель получит подробные сведения как о ней самой, так и о ее авторе, Мишеле Пастуро. Мы же попытаемся, предваряя чтение книги, сообщить вовсе не о том, что в ней есть, а скорее о том, чего в ней нет, но без чего для большинства читателей многое останется зашифрованным и непонятным.

Думается, вряд ли найдется образованный человек, ничего не слышавший о рыцарях вообще и рыцарях Круглого стола в частности; но едва ли он сможет связно рассказать, кто такие эти последние, когда они жили, к чему сводилась их деятельность. И это неудивительно: проблема далеко не проста и не однозначна, она имеет длительную и весьма запутанную историю. Ибо рыцари Круглого стола уводят нас к так называемой Артуриане, а эта тема и на сегодняшний день остается полем боя для многочисленных исследователей — историков и филологов.

Начать придется издалека, и не с Франции, которой прежде всего занят М. Пастуро, а с Англии, или точнее Британии — «страны бриттов», как окрестили ее римляне.

Кельтская Британия, плохо известная современникам, представлялась античным писателям загадочной, фантастической страной: ее считали родиной чудовищных птиц и зверей и даже местом пребывания душ умерших. Тем не менее в положенное время Рим наметил ее своей очередной жертвой. В середине I века до н. э. Цезарь дважды пытался овладеть Британией, но присоединение ее к Римской империи произошло лишь к концу следующего, I века н. э. Свободолюбивые бритты, ненавидевшие завоевателей за их жестокую налоговую политику, пытались восставать против них, и когда, в начале V века, в связи с обозначившимся развалом империи, римляне вывели свои легионы с острова, они, казалось, вернули утраченную независимость. Но ненадолго. В это же самое время с континента хлынули орды германских племен; это были англ, саксы и юты. Началась новая борьба, растянувшаяся на века. Борьба жестокая и кровавая, но силы оказались неравными, и, несмотря на героическое сопротивление, коренные жители острова были снова побеждены. Часть их подверглась истреблению, а часть, не желая подчиняться поработителям, переместилась в Шотландию, Уэльс и на континент, заняв западную оконечность Галлии, в древности называвшуюся Арморикой, а теперь, по имени переселенцев, получившую имя «Малой Британии» или Бретани, как она называется и в наши дни. Что же касается родины бриттов, то она, после многих пертурбаций, объединилась под властью завоевателей, и со второй половины IX века, по имени одного из их племен, англов, стала называться Англией.

Эти краткие исторические сведения необходимо напомнить читателю, поскольку именно

в связи с названными событиями возникли первые ростки всех будущих сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Дело в том, что свободолюбивые бритты и близкие к ним валлийцы (жители Уэльса), не желая мириться с поражением, в своих исторических хрониках VI—X веков всячески расписывали собственные, отчасти мифические, победы над англосаксами и называли имена героев-вождей, осуществлявших эти победы. Тогда-то впервые и стало мелькать имя Артура. Древнейшие тексты (вторая половина VI века) рисуют его как некоего племенного вождя, предводителя импровизированных отрядов кельтского «сопротивления», сурового и беспощадного воителя. Одна из более поздних хроник (VIII век) приписывает ему, по образцу Геракла, двенадцать подвигов, главным из которых являлась победа над саксами у горы Бадон (около 516 года). Эти и многие другие, нам неизвестные материалы были художественно обработаны в начале XII века хронистом Гальфридом Монмутским в его «Истории бриттов», наметившей канву для всех будущих романов о короле Артуре. Под пером Гальфрида раздавленные англосаксами бритты превратились в победителей, их несостоявшееся государство стало великой, не уступавшей Римской, империей, а полумифический предводитель горстки партизан, обернувшись мощным властелином, обрел бессмертие в веках. Подобная трактовка событий автором хроники, писавшим в XII веке, равно как и последующая популярность самой хроники, далеко не случайны — они имеют четко прослеживающуюся политическую подоплеку.

В 1066 году Англия претерпела новое этническое потрясение: выходцы из французского герцогства Нормандии во главе со своим предводителем Вильгельмом Завоевателем вторглись в страну, и недавние победители саксы сами оказались побежденными. В этих условиях нормандские властители ценили каждый враждебный выпад в адрес покоренных ими англосаксов, а равно — и каждую реплику о былой (доанглосаксонской) славе страны. Особенно это относится к Генриху II Плантагенету (1154—1189), строившему во второй половине XII века свою «анжуйскую империю» и ясно видевшему в «Истории бриттов» идейную поддержку своих политических амбиций*. Но, дав этот мощный политический заряд, Гальфрид в не меньшей степени содействовал развитию и другой, романтической линии Артурианы, столь сильно разросшейся в будущем.

«История бриттов» явилась как бы стволом, от которого пошли пышные побеги в двух направлениях. Для последующего английского эпоса характерно преобладание героического аспекта на псевдоисторическом фоне. Французский же вариант Артурианы, угнездившийся в Арморике («бретонский цикл») и получивший наиболее полное развитие в рифмованной хронике Васа и стихотворных романах Кретьена де Труа (конец XII века), принял явное куртуазно-романтическое направление. Впрочем, сюжетная линия различных циклов в основных чертах совпадает. Кратко говоря, она сводится к следующему.

Король бриттов Утер влюбился в Игрону, жену герцога Корнвалийского, и овладел ею при помощи волшебника Мерлина, который придал ему внешность мужа Игрены. От этой связи и родился Артур, занявший престол Британии после смерти отца. Он проживал в Уэльсе, в замке Камелот, в окружении полутора сотен рыцарей, по храбрости и манерам служивших образцом всему свету; элиту этого общества составляли 12 рыцарей, сидевших с королем и другими за Круглым столом, ставшим как бы символом их равенства. Из их числа наибольшую известность получили Ланселот, Говен, Персеваль, Эрек, Тристан, Ивейн. Все они проводили время в пирах и приключениях, сражались на турнирах и в поединках, ухаживали за дамами. Сам их глава слыл неутомимым воителем. Во множестве сражений он разбил англосаксов, потом победоносно вторгся в Шотландию, Данию, Норвегию и даже во Францию, где под Парижем одолел огромное римское войско. Однако во время его отсутствия его племянник (или внебрачный сын) по

имени Модред (Мордред) восстал и соблазнил жену Артура, королеву Гиневеру (Геневру). Возвратившись, Артур вступил в битву с племянником, убил его, но и сам получил смертельную рану. Но смерть его не постигла. Увезенный на таинственный остров Авалон, Артур излечился от раны, однако остался в состоянии волшебного сна, но в положенное время должен очнуться и возвратиться в свое королевство*. В роковой битве Артура с Модредом погибли их армии, в том числе и почти все рыцари Круглого стола.

С легендой о королевстве Артура тесно связана другая легенда — сказание о святом Граале. Грааль — чаша причастия, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого Христа. Эта священная реликвия, доставленная в Британию, в силу каких-то неясных причин стала олицетворением мистического рыцарского начала, символом высшего совершенства, эмблемой мировой христианской империи. Вследствие этого центром Артурианы постепенно становится не двор короля Артура, а чудесный замок Грааля; рыцари же, посвятившие себя его охране, из искателей приключений превратились в борцов за справедливость, защитников вдов и сирот, создателей высшей гармонии в грешном земном мире. Что же касается самого Артурова королевства, то теперь из реальной Британии оно превратилось в некую мистическую абстракцию, лишенную реального содержания и границ.

Однако параллельно этой мистико-героической линии Артурианы продолжала развиваться и другая, куртуазно-романтическая, идущая от Васа и Кретье-на. Наряду со стихотворными появляются многочисленные прозаические варианты. Уже в XIII веке возникают разнообразные переводы и подражания в Германии, Нидерландах, Скандинавии, Италии, Испании. Все это продолжалось до XV века, когда обе линии как бы сомкнулись. Знаменитая «Смерть Артура» выдающегося английского писателя сэра Томаса Мэлори, сгруппировав все прежние сюжеты, словно поставила точку в многовековой истории короля Артура и рыцарей Круглого стола.

Из всего сказанного вытекает, что М. Пастуро несколько слукавил, когда утверждал, будто «жизнь» эпических рыцарей Круглого стола совпадает со временем, отраженным в его исследовании: он-то прекрасно знает, что «жизнь» эта была много продолжительнее, ибо если она началась не раньше, то закончилась много позже того отрезка времени, который он ей отвел. Вместе с тем — и читатель убедится в этом — Пастуро использует в качестве источников не только (и даже не столько) поэтические произведения Артурианы XII—XIII веков, сколько другие, весьма разнообразные исторические и смежные с ними материалы. И поэтому, хотя мы полностью признаем изящество заглавия, которое он дал своему труду, согласиться с ним все же трудно, тем более что он выбрал (хотя в чем-то и обоснованно) слишком узкие хронологические рамки (вторая половина XII — начало XIII века), не позволяющие в полной мере выявить динамику предложенных автором реалий, в первую очередь — того же рыцарства. Правда, автор ссылается на книгу Э. Фаралю о времени Людовика IX (XIII век), которую он не хотел дублировать, но эта книга, к сожалению, русскому читателю неспециалисту пока неизвестна, да и сам аргумент не слишком убедителен. Разумеется, все это говорится не в укор автору книги — каждый автор вправе поступать так, как он считает необходимым, — но исключительно с целью объяснить, почему приходится делать последующие (как и предыдущие) дополнения и разъяснения.

Итак, рыцарь и рыцарство — главный объект книги М. Пастуро. Что включает в себе это понятие? Думается, оно нуждается в более развернутом и четком объяснении.

Рыцарь — понятие емкое. Когда мы произносим это слово, то в абстрактном смысле

представляем себе человека чести и принципов, в конкретном — всадника в латах, с копьем и щитом. И то и другое верно, но это лишь часть целого. В Средние века рыцарь — четкая социальная категория: владелец небольшого феода, низший вассал на последней ступеньке феодальной иерархии. Но термин этот понимается историками и более широко — как феодал вообще, иначе говоря, как представитель военно-землевладельческого сословия Средневековья, вне зависимости от имущественного положения и знатности. И наконец, нельзя не заметить, что понятие «рыцарство» (*chevalerie*) так или иначе касается почти всех институтов Западной Европы XI—XIV веков, включая нравы, обычаи, идеи, историографию и литературу — поэзию и прозу.

Происхождение рыцарства и время его возникновения — вопросы темные, до сих пор вызывающие споры в специальной литературе. Одни уводят возникновение рыцарства к Гомеру и древней Элладе, другие начинают с «Германии» Тацита, третьи берут за исходный пункт раннее Средневековье, указывая на «Эдды» и «Беовульфа», а кое-кто помещает рыцарство целиком в развитый феодализм и выводит его из Крестовых походов. Не вдаваясь в бесполезную полемику, отметим, что рыцарство как военное сословие неизменно тесно связано со службой на коне; недаром в большинстве западно-европейских языков сам термин «рыцарь» является синонимом слова «всадник», «кавалерист» (нем. *Ritter*, фр. *chevalier*, итал. *cavaliere*, исп. *caballero*). Конная же служба впервые установилась на средневековом Западе при Каролингах, точнее при Карле Мартелле (начало VIII века), и именно за нее он стал раздавать земельные пожалования. Эти пожалования назывались «военными бенефициями» и позднее превратились в наследственные владения — лены или феоды, а их держатели, соответственно, — в феодалов (рыцарей). Так сложилось феодальное (рыцарское) сословие, ставшее господствующим классом общества.

Едва родившись, рыцарство быстро достигло своего апогея, приходящегося на XI—XII века, после чего, пережив период стабилизации, с конца XIV стало клониться к закату. Этому содействовало, с одной стороны, образование сильных централизованных монархий, с другой — введение огнестрельного оружия, которое свело на нет роль человека в доспехах. По мере падения независимости знатных родов рыцарская идея деградирует и извращается, а статус благородного воина, некогда слуги Бога и Девы, неуклонно разъедаемый сервильизмом двора, перерождается, превращаясь в своего рода соревнование за место на ступеньках, ведущих к трону.

На этом генеральном пути имелись свои зигзаги и особенности, в первую очередь — национальные. Так, в Тюрингии и Саксонии, Ирландии и Норвегии рыцарство долго было языческим и довольно диким. Оно оставалось еще полуязыческим в «Нибелунгах» — немецком эпосе XIII века. На юге Европы все выглядело иначе: там деяния, пусть даже кровавые, оттенялись романтикой и галантностью, подчиненной законам поэзии. Из Прованса эти веяния проникают в Италию и на Сицилию, где они долгое время остаются предметом насмешек для немцев; но и сами германские рыцари со временем начинают все явственнее подчиняться южным влияниям. Именно миннезингеры смягчили немецкий язык, повторяя на свой лад мотивы прованской музыки, дополняя легкость и живость трубадуров меланхолическими мотивами, свойственными их национальному характеру. Аристократическое и чопорное в Англии, где всегда господствовал идеал респектабельности, рыцарство становилось страстно-экзальтированным у испанцев, сыновей готов и иберов, чья борьба с арабами напоминала грандиозный турнир, продолжавшийся семь столетий.

Все это, помимо национальных особенностей, опиралось еще на одну четко прослеживаемую закономерность: в странах, преданных христианской вере, рыцарство

приобретало религиозный оттенок, у народов же легких и веселых — склонялось к сладострастию и простоте нравов. Так, Альфонс X, король Леона и Кастилии, подчинил рыцарей монастырским правилам и предписал им церковную форму одежды и поведения; в Провансе же, менее подавленном ортодоксальной верой, рыцарство, полное снисхождения к свободной любви, колко издевалось над браком и рогоносцами-мужьями. Впрочем, при всех национальных и региональных различиях, для рыцарства всегда характерной оставалась четко выраженная корпоративность, стремление составить своего рода братскую ассоциацию, союз людей чести и сердца. Таковой, во всяком случае, являлась цель, которую рыцарство провозглашало и к которой стремилось; здесь также явственно видится влияние церкви.

Католическая церковь со всем ее административным и духовным аппаратом не могла не проявить живейшего участия в становлении рыцарства и его идеологии: слишком много смежных интересов обнаружилось у них с самого начала. Церковь боролась за уловление душ верующих, за искоренение язычества и других конфессий, и кто, как не рыцарство, мог помочь ей в осуществлении этой задачи? Естественно, церковь стремилась использовать энтузиазм и возвышенность чувств рыцаря, одновременно стараясь ограничить его романтические склонности и должным образом направить его воинственность, и это тем более облегчал тот факт, что рыцарство зачастую рассматривалось (и действительно выглядело) как разновидность духовенства; вот почему рыцарские организации, подобно организациям монахов, получили наименование «орденов». Именно с этим связано и то обстоятельство, что в моменты особенной опасности для католической церкви и в периоды ее яркой экспансии возникали духовно-рыцарские ордена, в структуре которых теснейшим образом переплетались многие качества и принципы рыцарства и монашества. Достаточно сказать, что только во время Крестовых походов XII—XIII веков было организовано двенадцать таких орденов, в том числе широко известные ордена тамплиеров, госпитальеров и Тевтонский.

В формировании рыцаря как индивида и как члена общества огромную роль играло его воспитание, и М. Пастуро уделяет этому феномену значительное место в своем труде, равно как и обряду посвящения в рыцари. Хотелось бы, в качестве дополнения, привести два примера, ярко иллюстрирующие существо и значение этого обряда. «История Жоффруа Плантагенета» дает подробный рассказ о том, как был посвящен в рыцари герой этой повести, отец будущего английского короля. В 1129 году, когда Жоффруа минуло 15 лет, его отец, Фульк Анжуйский, получил от короля Генриха I приказ прислать сына к празднику Троицы в Руан: король собирался посвятить отрока наряду с несколькими сверстниками в рыцари, чтобы затем женить его на своей дочери. Жоффруа прибыл ко двору в сопровождении свиты из 25 пажей. Генрих встретил его, обнял и пригласил к столу. Во время пира король задавал Жоффруа вопросы, чтобы испытать его ум и находчивость, затем все отправились спать. На рассвете Жоффруа и его спутникам была приготовлена ванна, приняв которую, все облачились в белые льняные рубахи и пурпурные мантии. Потом на Жоффруа поверх полукафтана, шитого золотом, натянули кольчугу из двойных колец и такие же поножи с золотыми шпорами, на шею повесили щит с изображением золотых львов, голову покрыли шлемом, усыпанным драгоценными камнями. Принесли копье с ясеневым древком и острием из стали, заказанным в Пуатье, а также меч работы знаменитого мастера Галана, и король лично вручил оружие отроку. Привели лошадей; для жениха был приготовлен испанский конь, столь быстрый в беге, что обгонял летящих птиц. Не касаясь стремян, Жоффруа ловко вскочил на коня и весь день вместе со своими сверстниками предавался воинским забавам. Таково довольно типичное посвящение в рыцари XI—XII веков.

А вот другой, литературный, пример, заимствованный из «Ордена рыцарства»,

своеобразной поэмы XIII века, ставшей почти канонической. Этот стихотворный трактат излагает беседу, якобы имевшую место между пленным христианским рыцарем и знаменитым султаном Саладином. Саладин хочет сделаться рыцарем и расспрашивает пленника относительно обряда. «Святой орден рыцарства не для вас, — отвечает тот, — вы другого закона... Сделать вас рыцарем — такое же безумие, как накрыть шелком кучу дерьма...»

Не смущаясь столь неэстетичным примером, Саладин продолжает настаивать. Тогда рыцарь излагает ступени обряда, объясняя их символический характер. Так, принятие ванны — символ нравственного очищения; облачение в белую рубашу — символ приближения к Богу; алая мантия — символ пролития крови в борьбе за Святую церковь; черная обувь — память о земле, из коей человек вышел и куда вернется; золотые шпоры — знак послушания Высшей воле; обоюдоострый меч — символ справедливости, поражения порока и зла. После этого пленник декламирует потрясенному Саладину четыре заповеди рыцаря: «Никогда не идти заодно с изменниками; никогда не давать дурных советов даме или девушке, глубоко уважать и защищать их; благочестиво соблюдать посты и воздержания; ежедневно слушать обедню и одаривать монастыри». Естественно, Саладин понимает, что ему никогда не стать рыцарем и, опечаленный, отпускает пленника на волю.

В этих примерах почти все совпадает. Остается лишь добавить то, что в них не вошло, но составляло обязательную часть обряда. Сюда относятся ночное бдение посвящаемого, освящение его оружия и, наконец, «алап» или «коле» — напутственный удар по шее, наносимый посвящающим и сопровождающийся словами: «Будь мужественным!»

Но что же представлял собой вновь обращенный рыцарь? Каков его облик, внешний и внутренний, и насколько он отвечал установленным заповедям? Дополняя сказанное М. Пастуро, ради логики развития образа нам вновь придется несколько выйти за установленные им хронологические рамки.

Существует мнение, что подлинный рыцарь прежде всего должен быть красивым. Действительно, в некоторых «песнях о подвигах» (жестах) и куртуазных романах есть упоминание о красоте их героев. Но гораздо чаще оно отсутствует, как и вообще какой-либо намек на внешность. Зато почти всегда есть подробное и многократно повторенное указание на силу и ловкость. Среди физических качеств рыцаря прежде всего ценилась мускульная сила. Это и неудивительно: только очень сильный человек мог нести на себе латы и оружие весом в 70—80 килограммов. Ставший штампом образец силы — рыцарь, ударом меча рассекающий противника пополам, «от плеча до седла». Трудно поверить в возможность такого удара; однако он повторяется из жесты в жесту и, что самое поразительное, переходит в исторические хроники! Оказывается, подобную «доблесть» проявлял и Готфрид Бульонский в Первом крестовом походе, и император Конрад во Втором, и Ричард Львиное Сердце в Третьем... Не меньшую роль, чем сила, в жестах играет ловкость. Она постоянно подчеркивается средневековыми авторами. Рассыпая без счета удары, дробя кольчуги и шлемы, обрубая носы и уши друг другу, сражающиеся долгое время идут на равных, пока один из них (герой) ловким приемом не одерживает победу. И, разумеется, сила и ловкость должны неразрывно соединяться с мужеством... Но здесь мы уже переходим от внешних данных рыцаря к его менталитету, и поэтому вполне уместно вернуться к рыцарским заповедям. В «Ордене рыцарства» мы насчитали их четыре; более поздний источник увеличил их число до десяти; вот они:

1. Нельзя быть рыцарем, не будучи крещеным.
2. Главная забота рыцаря — охранять церковь.

3. Не менее важно защищать слабых, вдов и сирот.
4. Весь путь рыцаря освящен любовью к родине.
5. На этом пути он должен быть неизменно мужественным.
6. Он обязан бороться с неверными, врагами церкви и родины.
7. Долг рыцаря — верность сеньору.
8. Рыцарь обязан говорить правду и держать слово.
9. Ничто так не украшает рыцаря, как щедрость.
10. Рыцарь неизменно обязан бороться со злом, защищая добро.

Хотя этой классификации и присуща некоторая искусственность, в целом она довольно точно отражает комплекс качеств и тенденций, характерных для правоверного рыцаря. И все же, это не более чем благие пожелания.

Отметим в качестве курьеза некую противоположную программу из одной средневековой поэмы, своего рода контрзаповеди, «сатанинские заповеди», как называли их современники. Приводим их дословно: «... Не соблюдайте закона нигде и никогда; не храните верности своему сеньору, предавайте и продавайте честных людей; возвышайте зло и принижайте добро; издевайтесь над бедняками; у сирот отнимайте наследство, у вдов — их долю; поддерживайте разбойников и убийц; помогайте оскорблять святую церковь; избегайте священников, обижайте монахов; бросайте в грязь детей; бейте и травите стариков; лгите и приносите ложную присягу...»

Что это? Черный юмор? Отнюдь. Все — на полном серьезе. Откуда взялась эта программа негодяев, эта проповедь отверженных? По-видимому, из реальной жизни, из противопоставления неких идеалов горькой действительности. Несколько примеров — и все становится ясным.

Итак, главная забота рыцаря — охрана церкви. Но...

..Рауль де Камбре вихрем промчался по Вермандуа. Встретилась церковь — он ее разоряет, встретился монастырь — сжигает. Верный вассал и друг умоляет о милосердии: в монастыре живет его мать. Рауль неумолим — вассал получает взбучку за строптивость. Пируя на пепелище, рыцарь восклицает: «Отрекаюсь от Бога!..»

Это эпос, а вот исторический факт. Людовик VII, король Франции, карая непокорного вассала, опустошает его земли. Часть обитателей города Витри, спасаясь от головорезов короля, пытается укрыться в церкви. Людовик сжигает церковь вместе с находившимися в ней тысячью тремястами прихожанами...

Не менее важная задача рыцаря — защищать слабых и угнетенных, иначе говоря, народ. Вот как смотрит на осуществление этой задачи славный рыцарь-поэт, Бертран де Борн:

Люблю я видеть, как народ,
Отрядом воинским гоним,
Бежит, спасая скарб и скот,
А войско следует за ним...

И далее:

Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, небогатым!

Пусть мне милая солжет,
Ежели солгал я в этом!..

Нет, рыцарь, по-видимому, не солгал, если ему «мужики... только нищими... любы». (Там же.)

Охрана церкви и любовь к родине обязывают рыцарей бороться с неверными, врагами христианства и отчизны. И благочестивые рыцари стремятся выполнить эту заповедь. При взятии Антиохии они истребляют около десяти тысяч мусульман; при взятии Иерусалима — почти все мусульманское население города, свыше семидесяти тысяч человек, не исключая женщин и детей. Но...

Но не редки случаи, когда те же рыцари-христиане из соображений материальной выгоды заключают союзы с неверными и даже устраивают с ними совместные налеты на своих «братьев»-христиан!

Долг рыцаря — верность сеньору. Кто мог бы с этим спорить?

Должен вассал пострадать за сеньора, Должен терпеть и тяжкий жар, и холод, Должен терять и волосы, и кожу...— утверждает автор «Песни о Роланде».

А вот образцы вероломства рыцаря по отношению к сеньору из «Свода феодального права» XIII века:

«Нельзя бросать сеньора в бою; оставлять его на поле боя раненым; оскорбить его действием; совершить прелюбодеяние или попытаться склонить жену или наложницу сеньора к прелюбодеянию; лишить чести или покуситься на честь дочери, внучки, невесты сына, сестры сеньора; сознательно выдать тайну сеньора...»

Ясно, раз подобные действия оговариваются, значит, они имели место в реальной жизни. И действительно, примерам этого и в эпосе, и в хрониках XII—XIII веков нет числа.

Приведем один из них.

Однажды владетельного сеньора, хозяина замка Фрауенбург, «навестили» два его вассала — Пильгрим и Вейнгольд. Удалив под благовидным предлогом дворню сеньора, «гости» схватили его, связали, нанесли несколько ран и заточили в башню замка. Попытки друзей освободить сеньора оказались бесплодными. Больше года протомился несчастный, ежедневно ожидая смерти, пока его родственники не собрали денег на выкуп...

Не станем задерживаться на «правдолюбии» и «щедрости» рыцаря; заметим лишь попутно, что нарушение слова было повседневным явлением, а «щедрость» зачастую становилась оборотной стороной грабежа и стяжательства. Характерно, что крестоносцы не скрывали главной цели похода на Восток — обогатиться за счет «неверных»; так, например, считавшийся «бессребреником» Танкред вывез из Иерусалима шесть телег серебра.

И, наконец, последняя заповедь: везде и повсюду рыцарь должен бороться со злом и защищать добро. Что и говорить, заповедь прекрасная; беда лишь в том, что «добро» для одного почти неизбежно оказывается «злом» для другого. То же разграбление Иерусалима или Константинополя принесло великое множество «добра» (в прямом и переносном смысле) крестоносцам и одновременно стало величайшим злом (без кавычек) для

потерпевших. Да и, кроме того, если даже рассуждать с точки зрения одной стороны (рыцарей-христиан), то очень часто то, что начиналось с «добра», заканчивалось безусловным злом. Так получилось, например, с упомянутым выше орденом тамплиеров; он был создан в качестве братства для охраны и защиты паломников-христиан, а затем, награвив горы богатств на Востоке, превратился на Западе в ростовщика-кровопийцу для тех же христиан.

Впрочем, судьба тамплиеров, равно как и другие отмеченные теневые стороны деятельности рыцарей, не должна настраивать читателя на пессимистический лад. Нам лишь хотелось показать, что реальная жизнь в своем многообразии всегда много шире любой заповеди, что от идеи до ее претворения тогда, как и теперь, лежало огромное расстояние. Но отсюда вовсе не следует, что сама рыцарская идея изначально лишена возвышенности и благородства, что все рыцари оказывались на поверку богохульниками, клятвопреступниками и злодеями; в их деятельности, несомненно, много искреннего, достойного оставить добрую память и добрые традиции в жизни европейского общества. Именно об этом говорит классический средневековый эпос: ведь если был презренный предатель Гуенелон, то был и стойкий рыцарь Роланд, погибший за «милую Францию», свою эпическую родину. Не случайно почти каждый рыцарь избирал себе прототип, которому поклонялся и поведению которого стремился следовать. Так по всему Западу распространился «Култ Девяти Бесстрашных», в число которых входили три язычника, три иудея и три христианина, а именно: Гектор, Цезарь, Александр; Иисус Навин, Давид, Иуда Маккавей; Артур, Карл Великий, Готфрид Бульонский. И что за беда, если здесь наряду с историческими персонажами фигурировали эпические герои? Поклонение рыцарям Круглого стола из славной когорты полумифического короля Артура оказывалось не менее действенным, чем восхищение вымышленными паладинами крута реально существовавшего Карла Великого. И если рыцарь вдруг вел себя недостойно, забывая избранный прототип и нарушая кодекс чести, то это не всегда сходило ему с рук: практиковался особый обряд «разжалования рыцаря». Запятнавшего себя возводили на эшафот, помещали верхом на бревно, голову обливали горячей водой, чтобы «смыть» прежнее посвящение, а оружие и щит ломали и топтали ногами. В таком виде обряд сложился к началу XIV века; во времена, описанные Пастуро, он производился еще проще.

История сохранила многочисленные примеры истинно-рыцарского поведения отдельных лиц и целых коллективов. Те же Крестовые походы на первых порах искренне воодушевлялись высокой идеей освобождения Гроба Господня. Эта идея всколыхнула весь феодальный Запад, и во имя ее бескорыстно погибли в далекой чужой земле десятки тысяч рыцарей. Неоднократно упоминаемый Готфрид Бульонский отличался скромностью, равнодушием к титулам и богатству, всегда шел впереди армии, первым подставляя грудь врагу, и, спасая жизнь рядовому воину, рисковал собственной. Преемника Готфрида, короля Иерусалимского Бодуэна уважали даже враги за его бесстрашие и преданность Вере. Современный автор поведал об одном его характерном поступке. Как-то, проезжая по разгромленному лагерю сарацин, король услышал стон из покинутого шатра. Там оказалась мусульманская женщина, брошенная своим окружением, которая мучилась родами. И этот фанатик, ливший кровь «неверных», как воду, укрыл роженицу своим плащом, приказал немедленно дать ей воды и фруктов, а также пригнать верблюдицу, чтобы новорожденный не испытывал недостатка в молоке. Он приказал смотреть за женщиной и в полной сохранности доставить ее к мужу, что и было исполнено.

Коль скоро речь зашла о королях-рыцарях, приведем два характерных случая из времен Столетней войны (1337—1453). Английский король Эдуард III высадился во Франции под чужим именем. В первой схватке с французами он выбрал себе противником Эсташа де Рибмона, поскольку тот слыл рыцарем смелым и сильным. Несмотря на искусные выпады противника, Эдуард осилил его и заставил признать себя побежденным. О том, что он сражался с королем, Эсташ узнал только после того, как ему прислали в дар новую одежду и пригласили на ужин в замок Кале. За трапезой Эсташу служил сын английского короля, а после ужина Эдуард щедро наградил рыцаря и предоставил ему свободу.

А вот случай иного рода. После битвы при Пуатье (1356 год) французский король Иоанн Добрый попал в плен к англичанам. Из плена короля пришлось выкупать. Сумму выкупа собрали, уплатили англичанам, и король получил свободу. Но тут он узнал, что его сын, нарушив рыцарское слово, тайно бежал из плена. Благородный Иоанн, стремясь сгладить «нерыцарский» поступок сына, немедленно вернулся в Англию вместо него и остался в плену до смерти. Таковым считалось истинно рыцарское поведение, таков был менталитет рыцаря. И когда во время той же войны в стане англичан вспыхнула эпидемия дизентерии, французы, вместо того чтобы использовать тяжелое положение противника, тут же прекратили военные действия, и их врачи лечили англичан.

А сколько было проиграно битв и в этой, и в других войнах лишь потому, что рыцари не начинали боевых действий, пока противная сторона полностью не подготовит своего войска! Это уже граничит с глупостью! — скажет иной читатель. Возможно, он будет прав. Но ведь делалось все во имя идеи!..

Нам неизвестно, кто был первым рыцарем; легенды называют таковым короля Артура, Карла Мартелла или Карла Великого, причем оба последних часто смешиваются между собой. Но зато мы прекрасно знаем, кто завершил эту плеяду и прославил ее в то время, когда рыцарство уже исчезало. Это славный Пьер дю Терай Баяр, «рыцарь без страха и упрека», как окрестило его потомство, подлинный хранитель древних заветов, верно и преданно служивший трем королям — Карлу VIII, Людовику XII и Франциску I. Он родился в 1476 году, начал службу пажом и был возведен в рыцари за подвиг прямо на поле боя. Подвигам его, впрочем, нет числа. Главные из них: защита моста при Гарильяно, который он оборонял один против двухсот конных врагов (1503), и бесстрашное поведение в битве при Мариньяно (1515), вследствие чего Франциск I пожелал получить посвящение в рыцари только из его рук. Широко известные героизм, бескорыстие и благородство Баяра заставили уважать его даже врагов: он дважды попадал в плен, но оба раза немедленно отпускался без выкупа. Дело неслыханное в то время! Получив в последнем для него бою смертельную рану, Баяр умер стоя, прислонясь к дереву и обратив лицо к врагам (1524).

Так рыцарская идея показала себя более жизненной, чем тот социальный слой, который ее создал. И поэтому, несмотря на все ее нарушения и сбои, она сохранилась как эталон; и когда мы сегодня говорим: «Этот человек — подлинный рыцарь!», — то хотим подчеркнуть его благородство, порядочность, честность, верность слову. И еще — его особую деликатность, такт, возвышенное отношение к женщине. Впрочем, проблема «рыцарь и дама» требует особого разговора.

На ранних этапах Средневековья этой проблемы не существовало, поскольку «рыцарь» только нарождался, а «дама», как предмет его поклонения, и вовсе отсутствовала. В лучшем случае упоминалась супруга или невеста, как правило, довольно невыразительная и безгласная. Таковы мимоходом возникающая Ода, нареченная Роланда, которая появляется только для того, чтобы умереть, узнав о смерти героя, или кроткая христианка

Берта, ничем не проявившая себя супруга Жирара Русийонского. Характерно, что в ранних жестах отсутствует не только преклонение перед женщиной, но и элементарное уважение к ней. «Если женщина тебе противоречит или лжет, — поучает одна из подобных жест, — поднимай кулак и бей ее прямо в голову». Как далеко отсюда до будущего «служения даме»! Герой жесты последовал совету. Когда жена стала укорять его за измену, он так ударил ее кулаком в переносицу, что «...брызнула у нее из носа алая кровь...». Подобные сентенции весьма характерны, поскольку до XII века жизнь женщины в семье (пусть рыцаря, пусть барона или князя) оставалась безрадостной и бесправной: лишенную возможности следовать своему чувству, ее отдавали мужу как атрибут земельного владения, а после замужества она обрекалась на жизнь затворницы. Впрочем, жена-рабыня вскоре с лихвой отплатила своему постылому супругу.

Хронологической гранью перелома стали Крестовые походы. Уже в первом из них, в конце XI века, многих князей и рыцарей сопровождали жены, дочери, сестры. В чужой земле, в сложных условиях, эти женщины, которым пришлось испытать все невзгоды, выпадавшие на долю мужчин, оказывали воинам серьезную помощь и в сражениях, и в осадном сидении. Это сильно подняло позиции слабого пола и придало романтическую окраску всему движению. Характерно, что во Второй поход (1147—1149) отправились уже не только знатные дамы, но и все их пажы, менестрели и портные. Рассматривая поход как некую увлекательную поездку, дамы стремились обставить ее как можно лучше и показать себя Востоку во всей красе своей утонченности и своих нарядов. Даже на поле брани появились отряды амазонок, а их предводительница в золоченых рыцарских сапогах, прозванная «дамой с золотыми ножками», вызывала шок у зачарованных мусульман. Что же касается жен властителей вновь образованных государств крестоносцев, то некоторые из них не только стали вмешиваться в большую политику, но даже перещеголяли здесь мужчин. Таковы, к примеру, королевы Иерусалимские Мелисанда и Сибилла, коих по праву можно было бы назвать «делательницами королей».

Но особенно прославилась на Востоке властительница более высокого ранга, супруга французского короля Людовика VII Алиенора Аквитанская, неоднократно упоминаемая Пастуро. Блистая нарядами и красотой, она еще на пути через Византию пленила императора Мануила, вызвав тем самым нежелательную задержку. Самая же пикантная история произошла во время стоянки в Антиохии. Князь Антиохийский, Раймунд де Пуатье, слыл рыцарем любезным и падким на слабый пол; при его дворе постоянно проживало множество дам. Естественно, Алиенору, приходившуюся племянницей князю, отнюдь не портила этого букета. Ежедневные пиры и пышные празднества заставили крестоносцев быстро забыть о цели своего похода. Но его организатор, король Людовик, смотрел на дело иначе. Крайне возмущенный поведением Алиеноры и как государь, и как муж, Людовик вынужден был похитить собственную жену и ночью тайно увести из Антиохии. Легкомыслие Алиеноры вводило в соблазн не только христиан: история упоминает о некоем молодом турке, ради которого любвеобильная королева собиралась оставить мужа.

Так или иначе, но Людовик не смог забыть своего позора и по возвращении во Францию развелся с Алиенорой, хотя и понимал, что это приведет к тяжелым политическим последствиям. Действительно, в результате этого шага обширное герцогство Аквитанское ушло из его рук и досталось его сопернику, английскому королю Генриху II, за которого вскоре и вышла Алиенора. И это стало для Франции самым плачевным результатом Крестового похода. Что же касается Востока, то там европейским красоткам долго порезвиться не удалось. После падения Иерусалима (1187), вновь попавшего в руки мусульман, те из них, кто не погиб во время резни, угодили в гаремы. Характерно, что в

следующий, Третий поход милые дамы уже не отправились. Но имидж и линия поведения запомнились и рикошетом отдались на Западе, где юридическое положение женщины сильно изменилось: получив право управлять владениями мужа и принимать ленную присягу, она впервые громко заявила о себе и вышла из векового мрака затворничества.

Крестовые походы в не меньшей мере отразились и на менталитете мужчин, внося в рыцарскую идею значительные коррективы. Знакомство с Византией и мусульманскими странами впервые открыло рыцарю глаза на необъятный мир, во многом несхожий с тем, в котором он жил. Еще ощутимые следы эстетики античности смешались здесь с роскошью восточной фантазии, с чувственностью и изнеженностью нравов мусульман. Дикой и узкой должна была показаться европейскому феодалу его прежняя уединенная жизнь в замке. Под ярким южным небом, среди сказочной природы, где наряду с опасностью рыцарь находил небывало богатую добычу, вероятно, впервые в жизни в душу его запала страсть к наслаждениям. Но страсть эта тут же натолкнулась на непреодолимое препятствие: запреты католической церкви. Церковь еще задолго до того, как рыцарь познал новый мир, наложила вето на все его- сексуальные инстинкты и чувственные радости, направив дух рыцаря исключительно к Богу и Вере. Произошло столкновение двух этих устремлений, давшее как бы частичный и временный синтез; его подсказал и направил культ Девы Марии, как раз в это время пришедший из Византии. Поклонение Богородице, идеальной женщине, не могло не увлечь рыцаря — в этом западная церковь не ошиблась. И все же это выглядело слишком абстрактно. Идеал небесный требовал подкрепления живым образом, а живой имелся тут же, под боком. Два противоположных стремления, переплетаясь в душе рыцаря и не находя естественного выхода именно в силу своей противоположности, разрешились компромиссом, на первый взгляд совершенно искусственным и нелепым, породив вычурный культ той, которой рыцарь еще так недавно пренебрегал, — культ женщины.

Нельзя не согласиться с исследователями, считающими культ дамы во многом калькой вассальных отношений феодального общества, перенесенной на отношения полов. И здесь немалую роль сыграли средневековые певцы и поэты, прежде всего провансальские трубадуры. Именно они в деталях разработали целую систему нового культа и определили в нем ряд ступеней. На первой из них стоит робкий рыцарь, который не смеет открыться возлюбленной; если, ободренный дамой, он решается на признание, то поднимается ступенью выше и становится «молящим»; как только дама допускает его к «служению», он оказывается «услышанным»; и, наконец, взобравшись на верхнюю ступень, превращается в «вассала». Происходит обряд, повторяющий феодальный оммаж: «вассал» преклоняет колено перед «сеньором», вкладывает свои руки в руки дамы, и та дает ему поцелуй и кольцо, как символ соединения душ. Отныне рыцарь будет носить цвета дамы и символ, какой она ему пожалует. Это может быть пояс, шарф, чулок, перчатка — любой предмет ее туалета. Рыцарь укрепляет дар любви на шлеме, щите или копье, и чем больше рубили этот символ в битве, тем сильнее радовалась дама.

Избалованные дамы не всегда соблюдали границы, иной раз требуя от своих поклонников невозможного. Так, славный рыцарь и поэт Ульрих фон Лихтенштейн на свою беду поклонялся весьма сварливой и несговорчивой даме. Еще в бытность свою пажом он с восторгом пил воду, в которой она мылась, но это рождало лишь ее презрение. Однажды дама заметила, что у рыцаря слишком выдается верхняя губа. Лихтенштейн немедленно урезал губу, чем вызвал отвращение привередницы. Другой раз, узнав, что он поранил палец, дама стала смеяться над незначительностью травмы. Ульрих тут же отрубил палец и презентовал его даме в изящном ларце. Но и этим он не задобрил непреклонную... Миннезингер Тангейзер, увековеченный Вагнером, с горечью иронизирует над женским безрассудством и упрямством: «... красавице я должен принести то саламандру, то Рону

течь заставить к Нюрнбергу, а Дунай — чрез Рейн пребросить. Едва скажу я «да», как «нет» она мне произносит... Одна надежда все ж осталась у меня: если гора растает словно снег, она ответит на мою любовь; коль принесу из Индии чудесное ей древо, исполнит мне она мое желание... Нужны ей и Святой Грааль, что охраняет Персифаль, и яблоко, Парисом данное Венере... О горе мне, как буду я ей ненавистен, коль не достану вмиг ковчег великий Ноя...»

Подобная придирчивость дамы вызывала порой осуждение современников. В различных трактатах и поэмах об этом говорится с одинаковым неодобрением. Современник Кретьена де Труа, Андрей Капел-ланус, автор «Искусства куртуазной любви», утверждал, что власть дамы над мужчиной — власть иллюзорная, поскольку властью этой женщину наделил сам мужчина, который и вправе отнять эту власть при злоупотреблении. Другой автор, Жоффруа де Шарни, шамбеллан Карла V, составивший целый трактат о рыцарстве, глубоко возмущен теми формами, в коих проявлялась куртуазная любовь, и напоминает рыцарю, что вместо угождения нелепым прихотям дамы следовало бы больше думать о Боге и церкви. Тезис это, разумеется, подхватила сама церковь, и знаменитый схоласт Жан Жерсон выпустил специальный труд, осуждавший «богопротивное кривлянье».

Однако прекрасных дам все это смутить не могло. Подобно своим поклонникам-рыцарям, организующим ордена, они также стали объединяться. Типичной формой таких объединений явились «суды любви», собиравшиеся в Провансе и Северной Италии между XII и XIV веками. Эти собрания женщин произносили свои решения по всем вопросам, касающимся дел сердечных, и самые могущественные сеньоры подчинялись их вердиктам. Обычно сессии суда тянулись по многу дней и проходили либо публично, либо, если казус выглядел слишком деликатным, при закрытых дверях. Известны некоторые имена дам, председательствовавших в этих трибуналах; в числе их уже знакомая нам Алиенора Аквитан-ская, Сибилла Анжу, графиня Фландрская, графиня Ди, имевшая прозвище «французской Сафо», Лаура или Лауретта де Сад, увековеченная Петраркой, избравшим ее своею дамой. «Суд любви» пытались устраивать и мужчины, но они оказались менее удачливыми арбитрами по делам сердечным, и затея их бесславно провалилась.

Так что же все-таки представлял из себя этот уникальный «культ дамы»? Была ли это обычная телесная любовь, щедро приправленная поэтическим гарниром, или тонкая духовная игра, не имевшая отношения к плоти, но в чем-то родственная философско-схоластической игре средневековых мыслителей? Этот вопрос издавна занимает специальную литературу, и в былые времена в ней преобладал второй вариант ответа, в настоящее же время явно побеждает первый. Не отрицая его аргументов и доказательств — кто возьмется отрицать, что рыцари мало верили в супружескую любовь, а победа над дамой могла обернуться рогами на лбу незадачливого мужа? — тем не менее выскажемся все же за видимый перевес игрового варианта в жизни той эпохи. Ибо игра свойственна Средневековью по самой его сущности, она обнаруживается во всем: и в отношениях между различными социальными группами, и в религии, и в образе жизни феодала, и в его забавах, и в феодальной войне. Один историк очень остроумно заметил, что в те времена война представлялась чем-то средним между дуэлью и игрой в шахматы. Подобной игрой был и рыцарский кодекс, и рыцарская идея с ее культом дамы, и рыцарский турнир, подробно описанный М. Пастуро, столь тесно связанный и с рыцарским кодексом, и с культом дамы, и с феодальной войной.

На этом самое время остановиться. О рыцарях мы сказали все, что хотели и собирались сказать. А относительно других слоев населения в ту далекую эпоху, в особенности относительно крестьянства, нельзя не согласиться с утверждением автора, что источники

здесь скудны, и вряд ли можно добавить что-либо существенное к изложенному в книге. В этой связи нельзя не вспомнить, как удачно наш русский медиевист А. Гуревич назвал эти слои «безмолвствующим большинством». Придавленные феодальным гнетом, в подавляющем большинстве неграмотные, все эти сервы и вилланы, действительно, до XIV века в основном «молчали» с тем, правда, чтобы в этом и последующих веках «заговорить» с феодалами совсем другим языком — языком «жакерии»...

Но это уже дело будущих книг М. Пастуро и других медиевистов. Предлагаемая же ныне книга, удачно заполняющая одну из лакун «повседневной жизни» Средневековья, несомненно будет с интересом и благодарностью прочитана каждым, кто любит подобные темы.

А. П. Левандовский

* Характерно, что именно в это время возникла легенда об отыскании праха короля Артура, что, впрочем, не помешало верить в его бессмертие.

** Согласно другому варианту он превратился в ворона, вследствие чего в Англии до сих пор почитается и охраняется эта птица.

Введение

Название этой книги требует некоторых пояснений. На самом деле нашей целью является не описание жизни рыцарей Круглого стола, героев целого ряда романов конца XII — начала XIII века, хотя и увлекательной, но, увы, вымышленной, а исследование реальной повседневной жизни населения Англии и Франции в период, начало которого ознаменовано восшествием на престол короля Англии Генриха II Плантагенета (1154), а окончание — смертью короля Франции Филиппа Августа (1223). Вероятней всего, именно эти три четверти века являются самой сердцевиной западного Средневековья, а не только время правления Людовика Святого, подробному освещению которого посвящена одна из книг этой серии 1.

Возможно, для более точного определения временных границ изучаемого нами периода следовало бы выбрать название поконкретнее, вроде «Повседневная жизнь Англии и Франции в конце XII века» или «около 1200 года», или, может быть, «во времена правления Филиппа Августа». Однако мало того, что все эти формулировки не слишком изящны и достаточно сухи, они к тому же значительно сужают представление об исследуемом периоде и территории. И каким бы литературным ни было выражение «во времена рыцарей Круглого стола», оно, кажется, все-таки наилучшим образом отвечает истинным целям нашей работы. Тому есть три причины.

Первая из них связана с теми «социальными» рамками, которыми мы ограничились. Поскольку невозможно дать полностью исчерпывающую картину повседневной жизни всего средневекового общества, мы вынуждены были отдать приоритет изучению повседневной жизни аристократии, причем не столько правителей государств, сколько представителей рыцарского сословия. Так что подчеркнуть это предпочтение в заглавии книги вполне уместно.

Вторая причина связана с источниками, которыми мы пользовались. Среди тех, к чьей помощи мы прибегали, были и такие, не часто принимаемые во внимание историками, как, например, гербы и печати, однако особое место отводилось куртуазным романам и в первую очередь «Артуровскому циклу», произведениям Кретьена де Труа и его последователей 2. Почему такое предпочтение? Потому что эта литература не просто

развлекательная, но и в какой-то степени воинствующая: она стремится навязать свое видение мира и общества. Изображая определенные круги общества, она дает о них представление одновременно и верное, и ложное, пристрастное к прошлому, враждебное к настоящему, провидческое к будущему, и, таким образом, может донести до историка сведения более обширные и подробные, чем сухой и невыразительный юридический документ или археологическая находка. Потому, наконец, что ее герои в одно и то же время являются и копиями, и оригиналами, тенями и идолами того, еще окончательно не сформировавшегося, социального класса средневекового мелкого и среднего дворянства, повседневную жизнь которого мы собираемся изучить.

Попутно отметим, насколько верно выражение «во времена рыцарей Круглого стола» определяет временные границы интересующего нас периода, по крайней мере, с точки зрения истории литературы. Действительно, первое упоминание о Круглом столе, который король Артур будто бы повелел сделать, дабы устранить споры о первенстве среди своих рыцарей, мы находим у нормандского поэта Васа в его «Романе о Бруте», законченном примерно в 1155 году. А в одном из самых красивых произведений Средневековья, анонимном романе «Смерть короля Артура», написанном в 1225—1230 годы, рассказывается о гибели королевства Артура и тем самым как бы завершается первый цикл приключений рыцарей Круглого стола, в течение почти целого века занимавший три поколения историков, летописцев, поэтов и романистов. Впрочем, эти две даты — всего лишь ориентиры. Они не представляют собой строго закрепленных границ. И нужно ли предупреждать читателя, что наш рассказ будет иногда выходить за эти хронологические рамки? Нужно ли подчеркивать, что история повседневной жизни не может быть заключена между двумя датами?

Последнюю причину следует искать в нашем нежелании ограничивать исследование территорией одного королевства. История повседневной жизни не уместится в каких-либо границах, особенно в XII и XIII веках, когда все страны западного христианства жили в едином ритме единой культуры и когда история Англии переплеталась с историей Франции так тесно, как никогда более. Ла Манш воспринимался не морем, то есть непреодолимым препятствием, а скорее озером, по чьим волнам постоянно курсировали люди, товары, идеи и произведения искусства. В Лондоне и Париже носили одинаковую одежду, в окрестностях Линкольна и Орлеана ели одинаковую пищу, в замках Йоркшира и Пуату наслаждались одной и той же литературой. Романы Круглого стола, действие которых происходит в Большой и Малой Британиях (Малой называлась нынешняя французская армориканская Бретань), были написаны на одном языке, их слушала одна и та же публика по обе стороны Ла-Манша.

Нужно сделать еще несколько замечаний по поводу рамок данной работы. Ее хронологическая близость к книге этой же серии «Повседневная жизнь во времена Людовика Святого» Эдмона Фаралья **3**, заставила нас пренебречь рассказом о некоторых сферах социальной жизни во избежание ненужных повторений. Поскольку Э. Фараль основное внимание уделяет парижскому обществу, мы охотно оставим в стороне описание городов. Впрочем, их население вплоть до конца XII века составляло едва лишь 5% от числа всех жителей как в Англии, так и во Франции. Мы также отказались от длинных описаний религиозной и экономической жизни, поскольку их подробный анализ и ретроспективный обзор также обстоятельно представлены в книге Э. Фаралья. В основном мы подробно исследовали материальный быт человека и его психологическое состояние в повседневной жизни. Мы не задерживались на рассмотрении общественных институтов, в сфере которых в период 1180—1200 годов происходили определенные изменения. Впрочем, сегодня большинство медиевистов уже знают, что то прекрасное здание феодальной системы, которое столь тщательно возводилось историками права, в

большинстве случаев оказывается весьма непрочным и не выдерживает детального анализа конкретных реалий повседневной жизни.

1. Напомним, что книга М. Пастуро во французском издании оба раза вышла в многотомной серии «La vie quotidienne» («История повседневной жизни»).

2. Творческое наследие Кретьена де Труа очень обширно, специалисты отмечают, что популярность поэта была столь велика, что ему приписывали произведения, которых он, видимо, не писал. Среди основных его книг только пять рыцарских романов: «Эрек и Энида», «Клижес», впервые переведенные на русский язык в 1980 году, а также «Рыцарь со львом», «Рыцарь телеги» и «Персеваль, или Повесть о Граале». Все эти пять романов Кретьена весьма подробно анализируются в книге М. Пастуро. Нужно отметить, что сочинения Кретьена де Труа сохранились в достаточном количестве списков, однако ни одна подлинная рукопись поэта до нас не дошла. Подробнее см.: Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976; Он же. Молодые герои Кретьена. — В кп.: Кретьен де Труа. Указ. изд.

3. Faral E. La vie quotidienne au temps de saint Louis. Premiere edition, Paris, 1938

Глава 1. Ритм жизни

Человека XII века не слишком заботило течение времени. Счет дней и часов, проблемы светского и церковного календаря являлись делом исключительно духовных лиц. Все самые важные моменты жизни определялись лишь обязательной сопровождавшей их религиозной церемонией. Время принадлежало Церкви, а сами рыцари и крестьяне не имели никакой власти над ритмом собственной жизни, оставаясь лишь пассивными свидетелями непрерывного течения дней и лет, неумолимо старящего их и неизменно расставляющего все по своим местам. Отсюда эта покорность судьбе, заставлявшая их больше переживать о погоде, что стоит на дворе, чем о времени, которое уходит.

Население Англии и Франции

Интересующее нас время совпадает с весьма продолжительным периодом демографического роста населения, продолжавшимся с начала XI века вплоть до последних десятилетий XIII века. Это явление оказалось столь значительным для истории Запада, что историки называют его «демографической революцией». Причин для подобного роста было достаточно: установление мира, обеспечивающего безопасность, усиление государственной власти, возобновление торговых отношений и особенно рост производства сельскохозяйственных продуктов, связанный с техническим прогрессом и освоением новых земель. Предполагают, что с 1000 по 1300 год население Западной Европы увеличилось в три раза.

Самыми значительными в этот период явились 1160—1220 годы. Конечно, ускорение общего развития не поддается непосредственному измерению, и тем не менее его подтверждают многочисленные факты: расширение обрабатываемых земель, рост цен на землю, разделение крупных владений на более мелкие, возникновение новых деревень, новых церковных приходов и монастырей, превращение маленьких поселений в более крупные, развитие городов. Городам становится уже тесно в своих старых крепостных стенах, и они вынуждены, как, например, Париж в 1112—1213 годы, возводить новые, охватывающие территории более обширные, чем прежде.

Понятно, что определить истинную численность населения Англии и Франции на каждый отдельно взятый момент этого периода практически невозможно.

Однако мы можем предложить несколько приблизительных подсчетов, заимствованных нами в основном у американского историка Дж. К. Рассела **1**. Около 1200 года население

Европы, видимо, составляло приблизительно 60 миллионов жителей, а всего мира — 350—400 миллионов. Франция была наименее населенным королевством Западной Европы: в границах того времени — 420 000 кв. километров — ее население составляло примерно 7 миллионов человек; в пределах современной территории — 551 000 кв. километров — оно не сильно превышало цифру в 10 миллионов человек. Еще менее населенные Британские острова насчитывали всего лишь 2,8 миллиона жителей, из которых 1,9 приходилось на одну только Англию. Впрочем, разница в плотности населения между двумя королевствами незначительна: 16 жителей на один квадратный километр во Франции против 14 в Англии.

Для сравнения приведем еще несколько цифр: в начале XIII века на Иберийском полуострове (на христианских и мусульманских территориях вместе взятых) насчитывалось 8 миллионов человек, в Италии — немногим меньше; в германских областях (Германия, Австрия и Швейцария) — 7 миллионов, в Венгрии — 2 миллиона, в Польше — 1,2 миллиона, а в Византийской империи количество жителей колебалось между 10 и 12 миллионами.

Все в том же 1200 году население Парижа составляло около 25 тысяч человек, весьма неравномерно распределенных по территории в 253 гектара, окруженной новыми крепостными стенами, возведенными по приказу Филиппа Августа. Население Лондона было таким же, может быть, даже превышало эту цифру. «Крупными» городами Франции считались также Руан и Тулуза, но количество жителей в них не составляло и половины от парижского населения. В Англии же Лондон представлял собой, можно сказать, городской феномен, поскольку все остальные более или менее важные города (Йорк, Норидж, Линкольн и Бристоль) насчитывали едва лишь 5 тысяч жителей.

Но Лондон и Париж являлись далеко не самыми крупными городами христианского мира. Так, в начале XIII века в Риме и Кельне проживало не менее 30 тысяч человек, в Венеции и Болонье — 40 тысяч, Милане и Флоренции — 70 тысяч; самым же большим христианским городом был Константинополь, население которого к моменту его захвата крестоносцами составляло 150—200 тысяч жителей.

Эти цифры отнюдь нельзя признать абсолютными, так как многое до сих пор остается неясным. Невозможно определить количество городских жителей по отношению к общей численности населения из-за неравномерности его распределения в одном и том же районе; не менее затруднительно сделать общие выводы, исходя из каждого отдельного случая. Демографическая панорама XII века состоит из множества контрастов: между густонаселенными областями и районами, начисто лишенными человеческого жилья, между большими семьями и бездетными парами, между значительной детской смертностью и количеством пожилых людей.

Рождение и крещение

Люди XII века не боялись жизни и соблюдали библейскую заповедь: «плодитесь и размножайтесь». Ежегодная норма рождаемости составляла около 35 человек на тысячу. Многодетная семья считалась нормальным явлением для всех слоев общества. Впрочем, королевские пары подавали здесь пример: Людовик VI и Алике Савойская, Генрих II и Алиенора Аквитанская, Людовик VII и Бланка Кастильская, произвели на свет по восемь детей каждая.

В течение исследуемого нами периода рождаемость, похоже, даже возрастала. Так, в Пиккардии, как показывает исследование, количество «многодетных» (от 8 до 15 детей)

семей в аристократических кругах составляло 12% в 1150 году, 30% в 1180 году и 42% в 1210 году. Таким образом, речь идет уже о значительном росте.

Вопреки многолетним утверждениям историков, детородный период у женщин в XII и XIII веках был практически таким же, как у современных матерей. Если его считали коротким, то лишь потому, что зачастую его прерывала смерть во время родов или кончина супруга, который мог быть намного старше жены. А молодые вдовы, за исключением женщин аристократического происхождения, редко выходили замуж во второй раз. Первый ребенок нередко рождался относительно поздно, из-за чего довольно велик разрыв между поколениями. Но он не чувствовался так заметно, как сейчас, из-за распространенной возрастной разницы между супругами или между первым и последним ребенком.

В этом отношении показателен пример Алиеноры Аквитанской. Она родилась в 1122 году и в 15 лет (1137) вышла замуж за наследника французского трона, будущего Людовика VII, которому родила двух дочерей: Марию (1145) и Алике (1150). В 1152 году, после пятнадцати лет замужества, она развелась и вскоре вышла замуж за Генриха Плантагенета, моложе ее на десять лет. От этого нового союза родилось восемь детей: Гийом (1153), Генрих (1155), Матильда (1156), Ричард (1157), Жоффрау (1158), Элеонора (1161), Джоанна (1165) и Джон (1167). Таким образом, рождение ее детей относится, с одной стороны, к периоду между 23 и 28 годами, а с другой — оно происходило в возрасте 31, 33, 34, 35, 36, 39, 43 и 45 лет. Между рождением первого и последнего ребенка прошло 22 года.

Еще один характерный случай: Уильям Маршал (Гийом ле Марешаль) граф Пемброк, регент Англии с 1216 по 1219 год, женился лишь в возрасте 45 лет, выбрав в жены Изабеллу де Клер, богатую наследницу, причем моложе его на 30 лет. Несмотря на разницу в возрасте супруги успели произвести на свет девять детей. Нужно добавить, что в приведенных примерах речь идет лишь о тех детях, о которых что-либо известно. Те же, кто умер в раннем возрасте, практически не упоминаются в документах и хрониках.

Действительно, детская смертность была весьма высока. Около трети детей не доживало до пятилетнего возраста и по меньшей мере 10% умирали в течение месяца после рождения. В связи с этим детей крестили очень рано, чаще всего на следующий день после рождения. По этому случаю в приходской церкви совершалась церемония, ничем не отличавшаяся от сегодняшней. Обычай окунать обнаженного новорожденного в крестильную купель практически исчез в XII веке. Крещение производилось путем «обливания»: священник троекратно поливал головку новорожденного святой водой, осеняя его крестом и произнося: «Ego te baptize in nomina Patris et Filii et Spiritus sancti» («Крещая тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа» (лат.)). (Примеч. пер.)

Обыкновенно у новорожденного имелось несколько крестных отцов и матерей. Гражданской церемонии не существовало, а потому многочисленность восприемников считалась необходимой, чтобы лучше сохранить воспоминание о событии. Известно, что Филипп Август был крещен на следующий день после своего рождения, 22 августа 1165 года, парижским епископом Морисом де Сюлли (тем самым, кто в 1163 году решил реконструировать собор Парижской Богоматери), и что присутствовали три крестных отца и три крестные матери: Гуго, аббат Сен-Жермен-де-Пре, аббат Сен-Виктора, Эд, бывший настоятель Сен-Женевьев; его тетя Констанция, жена графа Тулузского, и две женщины-вдовы, жившие в Париже.

Ребенок имел только одно имя, данное ему при крещении. Но это не полное имя в

современном понимании, а только часть — личное имя, которым он назывался всю свою жизнь. То, что мы сейчас называем «фамилией», представляло собой скорее прозвище (связанное с местностью, ремеслом или просто насмешливая кличка); оно принадлежало личности, а не семье (роду). Конечно, во времена правления Филиппа Августа (1180—1223) в отдельных областях (Нормандия, Иль-де-Франс) подобные прозвища постепенно становились наследственными, но развитие этой тенденции шло медленно. В документах люди чаще всего обозначались именем, полученным при крещении, за ним следовали различные указания на происхождение, местожительство, род занятий или еще какое-либо качество человека.

Имя, получаемое при крещении, как правило, было именем одного из крестных. В этом отношении мода практически не менялась. Два самых распространенных мужских имени и во Франции, и в Англии той эпохи — Жан (Джон) и Гийом (Вильгельм, Уильям). Затем шли: в Англии — Роберт, Ричард, Томас, Жоффруа (Джеффри), Гуго и Этьен, а во Франции — Филипп, Анри, Роберт и Шарль. Популярность некоторых других имен обычно связана или с особенностями провинций: Бодуэн — во Фландрии, Тибо — в Шампани, Ричард и Рауль — в Нормандии, Ален — в Бретани, Эд — в Бургундии; или с почитанием какого-либо святого в определенной местности: Реми в Реймсе, Медар в окрестностях Нуайона, Марциал в Лиможе, Гильберт в герцогстве Линкольнском в Англии.

Сложнее установить статистику распространенности женских имен. В обоих королевствах самые распространенные имена — Мария и Жанна; затем, вероятно, Алике, Бланка, Клеменс, Констанция, Изабелла, Маргерит, Матильда и Перрин. В провинции форма имени могла варьироваться (в Артуа девочку могли назвать Элизабет, а в Пуату — Изабель; во Фландрии — Маго, но Матильда — в Нормандии и Мод в Лангедоке); имело значение и социальное положение: так, имена Перрин, Перрет и Пернель характерны для простолюдинок, в аристократической же среде сохранялась более ученая форма — Петрониль. То же с именем Жакин, Жакет, Жакот и формой этого имени Жаклин.

До 6—7 лет ребенок воспитывался няньками. Его занятия состояли из различных игр, таких, как прятки, жмурки, чехарда и т. п. и игрушек: шарики, кости, бабки, волчки, деревянные лошадки, тряпичные и кожаные мячи, куклы с двигающимися ручками и ножками, выструганные из дерева, миниатюрная посуда.

Похоже, что в Средние века взрослые проявляли определенное равнодушие к маленькому ребенку. Лишь в немногих документах и литературных произведениях можно встретить изображение родителей, очарованных, умиленных или взволнованных действиями своего потомства, не достигшего возраста обучения.

Свадьба

Свадьба — событие семейное, родовое и экономическое одновременно, знаменовавшее собой союз двух семейств, двух родов; иногда оно являлось способом примирения. Она также означала слияние двух состояний, двух ветвей власти. А потому супруга следовало выбирать особо тщательно. Как мы видели, Уильям Маршал женился лишь в возрасте 45 лет, но зато эта женитьба превратила его, младшего в семье и не очень состоятельного, в одного из самых богатых людей Англии. Сеньор, женивший сына или выдававший замуж дочь, всегда советовался не только с дальними родственниками, но и с вассалами; феодальное право обязывало его также просить совета и позволения у сюзерена. В то же время сам сюзерен в случае смерти вассала должен был приложить все усилия, чтобы быстро и выгодно выдать замуж его дочь.

Но прежде всего свадьба — это таинство. Оно совершалось путем взаимного обмена клятвами в присутствии священника. В этом отношении светские власти оставляли за Церковью право устанавливать законы. Обычаи также не оказывали здесь никакого влияния, а потому свод законов оставался практически одинаковым на всем Западе. Для Церкви главное условие свадьбы заключалось в согласии обоих супругов. Одобрение родителей считалось необязательным, и теоретически они не могли принуждать своих детей к нежеланному браку. Однако в эпической литературе можно найти множество примеров, когда отец, опекун или сюзерен заставляет молодую девушку против ее воли выйти замуж за богатого и могущественного старика. Героиня «Песни об Элии» Сен-Жиля, Розамонда, открыто признается: «Я не хочу идти за старика с морщинистой кожей, которая снаружи кажется здоровой, но внутри изъедена червями; я не перенесу вид его увядшего тела и убогости, как пленница...»²

Существовало несколько препятствий для брака: возраст девушки моложе 12 лет, юноши — 14 лет, участие в каком-либо монашеском ордене, а также наличие общих родственников определенной степени родства, обычно до седьмого колена (то есть нельзя иметь общего прадеда у бабушки или дедушки). Впрочем, по последнему пункту допускались некоторые отступления.

С момента своего заключения брак считался нерасторжимым. Развод с женой был запрещен, расторжения брачного союза не существовало вообще.

Единственный способ разорвать семейные узы — аннулировать брак по причине либо бессилия или бесплодия одного из супругов, либо кровного родства, незамеченного при вступлении в брак. Но речь шла не о настоящем разрыве, а о простой констатации того, что нерасторжимый, по сути, брак никогда не существовал. В этом отношении Церковь весьма часто проявляла некую гибкость. Известно, что брак Людовика VII и Алиеноры аннулирован в марте 1152 года собором в Божанси. Предлогом послужило «кровное родство»: Гуго Капет, прадед дедушки Людовика, был женат на сестре прапрадедушки Алиеноры! Реальными же причинами явились семейные неурядицы (хотя летопись во многом преувеличивает похождения королевы) и особенно то обстоятельство, что за пятнадцать лет королевского брака Алиенора родила всего лишь двух дочерей.

Филиппу Августу не так повезло, как его отцу. Его первая жена Изабелла Геннегауская умерла (1192), и 14 августа 1193 года он женился второй раз на Ингеборг, сестре короля Дании. Но, по неизвестной историкам причине, уже на следующий день он возненавидел новую супругу и стал искать способ с ней расстаться, ссылаясь в первую очередь на ее родство с его первой женой. По просьбе короля собор священников и баронов аннулировал этот брак. Однако королева, заключенная в одно из фламандских аббатств, прибегла к помощи папы, признавшего решение об аннулировании брака недействительным. Филипп Август не обратил на это внимания и продолжал искать новую супругу. Но это оказалось непросто: представители всех европейских династий отказывались выдавать за него своих дочерей или сестер. Наконец в далеком Тироле он нашел дочь небогатого вассала баварского графа: Агнессу Меран-скую. Он женился на ней 14 июня 1196 года. С этого момента конфликт с папой обострился. В январе 1200 года Иннокентий III созвал в Вене епископальный собор, который и наложил на владения Филиппа интердикт — запрещение на совершение будничных и торжественных богослужений, а также любых таинств. Наказание, наложенное на суверена, тяжким бременем легло на плечи народа. Приговор оказался настолько суров (даже свадьба сына Филиппа Августа, будущего Людовика VIII и Бланки Кастильской 23 мая 1200 года была совершена на земле английского короля в Порт-Мор, рядом с Андели!), что королю

пришлось вынужденно уступить. Он отослал Агнессу назад и в конце года вернулся к Ингеборг; однако право называться королевой она окончательно обрела только в 1212 году.

В определенные периоды года совершение свадебного обряда запрещалось: от сочельника до Богоявления; от первой приговорительной недели перед Великим постом до Пасхи; от понедельника после Вознесения до Пятидесятницы. Венчание чаще всего совершалось по субботам и практически не отличалось от современного. Правда, будущие супруги не имели специального наряда, а надевали свои самые красивые одежды, голову невесты украшала фата или корона. Помолвка и венчание происходили в церковном притворе, где новобрачные обменивались клятвами и кольцами; ни жесты, ни слова не изменились до наших дней. После этого все заходили внутрь храма, чтобы отслужить праздничную мессу. После церемонии в церкви обычай повелевал побывать на кладбище. Потом начинался праздник, длившийся несколько дней как у богатых баронов, так и у простых крестьян. Обычно в нем участвовало все население сеньории или деревни. Если женился старший сын могущественного сеньора, торжества бывали более длительными, подарки более роскошными, угощение более щедрым.

Старость и смерть

Понятия старости в современном смысле слова Средневековье не знало. За исключением случаев пострижения в монахи, так называемого «заслуженного отдыха» не существовало. Вплоть до самой смерти каждый человек считался вполне дееспособным и, если еще имел физические силы, должен был выполнять свою работу. Семидесяти-, восьмидесятилетние старики еще принимали участие в сельских работах, военных сражениях, далеких паломничествах или осуществлении политической власти.

Люди умирали не такими молодыми, как принято считать. Средняя продолжительность жизни составляла 30—35 лет (причем это не намного меньше, чем в первой половине XIX века) в основном из-за детской смертности: треть новорожденных не доживала до пяти лет. Те, кто выжил, благодаря естественному отбору, имели все шансы достигнуть весьма преклонного возраста. Можно утверждать, что в Англии в XIII веке из 1000 детей, рожденных в один год, 650 доживали до 10 лет, 550 — до 30, 300 — до 50, 75 — до 70 лет.

Это будет понятнее, если мы приведем несколько примеров. К сожалению, все они заимствованы из жизни королевских фамилий и высшего духовенства, поскольку это единственные люди, чьи даты рождения и смерти известны. Впрочем, в XII веке многие не знали своего возраста и года рождения. Уильям Маршал считал себя старше, чем он был: в 1216 году, принимая регентство в Англии, он уверял, что «прожил восемьдесят лет», тогда как можно с полной уверенностью утверждать, что он родился около 1144—1146 года!

Людовик VII умер в возрасте 60 лет, Филипп Август — в 58 лет, Ингеборг Датская — в 60 лет; Людовик VIII прожил всего лишь 39 лет, зато его жена Бланка Кастильская — 65; император Фридрих Барбаросса скончался в 68 лет; Вильгельм Лев, король Шотландии, — в 71 год, Генрих II Плантагенет — в 56 лет. Его сыновья Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный прожили лишь 42 и 49 лет, а их мать Алиенора, на глазах у которой умерло 8 из ее 10 детей, скончалась в возрасте 82 лет.

Духовные лица чаще других доживали до почтенного возраста. Святой Бернард почил в 63 года. Абельяр, несмотря на все свои несчастья **3**, — тоже в этом возрасте; Вильгельм Белорукий, Реймский архиепископ, прожил 67 лет; Гуго до Пюизе, Дурамский епископ,

— 70 лет; Роберт Гроссет, Линкольнский епископ, — 78; Гильберт Фолиот, Лондонский епископ, — 79 лет; папа Григорий VIII умер в 87 лет, а Целестин III — в 92 года. XII век оставил нам воспоминание об одном человеке, перевалившем столетний рубеж: Святой Гильберт из Семпринхема, основатель ордена гильбертинцев, родился в 1083-м, а скончался в 1189 году!

Таким образом, люди, по крайней мере, в аристократических кругах, нередко доживали до 60 лет. Достижение семидесятилетнего возраста тоже не считалось чем-то исключительным. Может быть, именно поэтому анонимный автор романа «Смерть короля Артура», подчеркивая почтенный возраст своего героя, приписывает ему 92 года 4, а не 70 или 75 лет.

Впрочем, следует добавить, что продолжительность жизни зависела и от социального положения. Среднюю продолжительность жизни простых людей нужно высчитывать с учетом голода, эпидемий, а в отдельных областях — и местных болезней.

Многие поэты, такие, как Элиман де Фруамон, нередко предавались размышлениям о скоротечности земной жизни:

Смерть, забирающая внезапно тех, кто хочет жить долго...
Смерть, всегда превращающая высокое в низкое...
Ты забираешь сына раньше, чем отца,
ты обрываешь цветы раньше плодов...
Ты забираешь молодых, двадцативосьми-,
тридцатилетних в лучшем их возрасте, в самом расцвете сил 5.

Ритм времени

Мирской человек не ценил точность времени. Он плохо помнил о давних событиях (в том числе и о дате своего рождения) и не умел строить планы на будущее. Предпринимая паломничество или сколько-нибудь дальнее путешествие, он не знал, когда вернется и что тогда будет делать. Так, герои Круглого стола отправлялись в поход на поиски приключений, не планируя заранее ни своего возвращения, ни его возможной даты.

За редким исключением летописцы и романисты тоже не придерживались точных дат и хронологии, ограничиваясь общими формулировками: «во времена правления короля Генриха», «...в день Пятидесятницы», «когда дни стали длиннее», или же просто отмечали что-то необычное. В жизни события обычно связывались с большими праздниками или с другими, особо запомнившимися событиями.

Но средневековое сознание оказывалось очень чувствительным по отношению к регулярности смены дней, праздников и времен года, к неизменности ожидания и обновления и в то же время к медленному и безжалостному старению. Все наполнилось неопределенностью и движением. Отсюда возникали такие литературные и художественные темы, как «Похвала ушедшему времени» (мир стареет; он уже не тот, что прежде; где радости, добродетели и богатства былых времен?) и «Колесо Фортуны» (все всегда возвращается на круги своя; каждый видит падения, взлеты и опять падения своей судьбы, зачем же стремиться изменить привычный порядок...).

Причина этой пассаистской (*Пассаизм (passe, фр — прошлое) — пристрастие к прошлому, любованию им при внешне безразличном, а на деле враждебном отношении к настоящему, к прогрессу; отсталость взглядов, консерватизм. (Примеч ред.)*) покорности судьбе, заключается, вероятно, в том, что

средневековый человек — и рыцарь, и крестьянин — ощущал лишь время, связанное с его практическим опытом.

Умственные рассуждения, точные расчеты считались уделом небольшого числа духовных лиц. Всем остальным была знакома только смена дня и ночи, зимы и лета. Их время — это время природы, отмеченное сельскими работами, сроками платежей и оброков.

Скульпторы запечатлели в камне (на порталах больших соборов — в Амьене, Шартре, Париже, Реймсе, Сен-Дени, Санлисе; или на крестильных купелях — в Англии) этот календарь сельской жизни, где каждый месяц представлен соответствующей деятельностью: январь — месяц праздников и пиршеств; февраль — время отдыха, когда все сидят дома у огня и не выходят на улицу; в марте начинаются сельские работы: вскапывают или обрезают виноградник; апрель — самый прекрасный месяц в году, время обновления, символом его служит букет в руках молодой девушки; в мае сеньор на своей красивой лошади отправляется на войну или охоту; июнь предназначен для сенокоса; июль — для жатвы; август — для молотбы пшеницы; сентябрь и октябрь — время сбора винограда, кроме того, октябрь связан с очередными посевами; в ноябре запасают дрова на зиму и ведут на откорм желудями свинью, которую заколют в декабре, готовясь к январским пиршествам.

Короткое время: день

Ритм жизни определялся в основном движением солнца: день короткий зимой и длинный — летом. Нередко считали время по ударам колокола в расположенном поблизости монастыре, который звонил почти каждые три часа к службе: полунощница — в полночь, хвалитны — в 3 часа; час первый — в 6 часов; час третий — в 9 часов; час шестой — в полдень, час девятый — в 15 часов; вечерня — в 18 часов и повечерие — в 21 час. Впрочем, эти канонические часы далеко не во всех случаях оказывались одинаковы; они изменялись в зависимости от климата, времени года и усердия звонаря. Особенно непостоянным было время вечерни. К тому же час третий, час шестой и час девятый в Англии звонили раньше, чем на континенте, так что, в конце концов, час девятый стал обозначать по-английски «полдень».

Как измеряли течение времени? В некоторых монастырях имелись гидравлические часы, напоминавшие античные клепсидры, они представляли собой сосуд, из которого по капле за определенный промежуток времени вытекало определенное количество воды. Однако этот аппарат был весьма хрупким, сложным и к тому же довольно редким. Гораздо чаще пользовались солнечными часами, а для коротких отрезков времени — простыми песочными часами, принцип действия которых (а возможно, и размер) не изменился и по сей день. Ночью монах, звонивший к службе, ориентировался по положению звезд или по продолжительности горения свечи. Тексты сообщают, что в течение ночи их сгорало три, и ночь, таким образом, делилась на первую, вторую и третью свечу. Звонарь мог также определять время, хотя и очень приблизительно, по числу прочитанных им страниц, молитв или псалмов.

Распределение времени в течение дня было неодинаковым в разных областях, в разное время года и у разных сословий. Впрочем, можно отметить и некоторые общие моменты. Вставали рано, обычно до восхода солнца, поскольку работы начинались на рассвете; умывались, одевались, молились дома или слушали мессу в храме. Обычно, встав с постели, сразу не ели, так как на церковной службе следовало быть натощак. «Завтрак», первый прием пищи, происходил несколько позже, около часа третьего и делил утро на две почти равные части. «Обед», обычно более обильный, был между часом шестым и часом девятым. После него устраивалась небольшая передышка, посвящавшаяся сну,

чтению, прогулке или игре. Работы возобновлялись примерно в середине второй половины дня и продолжались вплоть до захода солнца. Зимой это время суток всегда довольно короткое. Ужинали между вечерней и повечерием. «Ужин» длился дольше, чем «завтрак» или «обед», после него иногда могли быть бдения, но, за исключением рождественской ночи, непродолжительные. Спать в XII веке ложились рано. Освещение (восковые или сальные свечи, масляные лампы) стоило дорого и таило в себе определенную опасность: ночь — это всегда тревожный период, время пожаров, измен и сверхъестественных напастей. Законы повсеместно запрещали работу после наступления темноты и особенно строго карали преступления и проступки, совершенные между закатом и восходом солнца.

Долгое время: год и календарь

Как монастырский колокол определял дневные часы, так церковный календарь — праздничные дни в течение года. Годовой круг — это круг литургического календаря с его главными постами (Рождественский и Великий) и главными праздниками (Рождество, Пасха, Вознесение, Пятидесятница и День Всех Святых). Обычай праздновать Успение Богородицы (15 августа) окончательно установился лишь в середине XIII века. Дату Рождества (25 декабря) только в 325 году установил собор в Никее, а праздник Всех Святых был перенесен на 1 ноября лишь в VII веке. Даты остальных великих праздников подвижны, поэтому главная задача тех, кто занимался церковным календарем, заключалась в определении времени празднования Пасхи, которое в VI веке было закреплено «за воскресеньем после первого полнолуния после 21 марта». Правда, этот обычай оставался неустойчивым вплоть до конца VIII века. Дату этого праздника точно так же вычисляют и сегодня. Как в Средние века, так и сейчас, Пасха празднуется самое раннее 22 марта и самое позднее — 25 апреля; Вознесение — через 40 дней после Пасхи; Пятидесятница — через 50.

Если началом литургического года считался сочельник, то со светским годом дело обстояло иначе. В разных странах он начинался в разное время. Например, в Англии — 25 декабря, но затем епископальные и королевские канцелярии постепенно перенесли его на 25 марта, день Благовещения: этот стиль летосчисления будет главенствовать с конца XII века вплоть до 1751 года. Во Франции в разных административных областях начало года также приходилось на разное время. Города, географически близкие друг к другу, в этом отношении имели совершенно непохожие обычаи: так, в Суассоне год начинался 25 декабря, в Бовэ и Реймсе — 25 марта, в Париже — в день празднования Пасхи, в Мо — 22 июля (праздник святой Марии Магдалины). Не вдаваясь в подробности, напомним, что для начала года чаще всего выбирали следующие дни: Рождество (западные и юго-западные районы), Благовещение (Нормандия, Пуату, центральная и восточная часть) и Пасха (Фландрия, Артуа, королевский домен).

Из-за своей подвижности последняя дата создавала особенно много неудобств. Во французской королевской канцелярии, где год начинался в день Пасхи, в некоторых городах получалось два апреля, в других же — только половина этого месяца. Так, в 1209-м год начался 29 марта и закончился почти через 13 месяцев — 17 апреля, то есть в апреле оказалось 47 дней (30+17). Напротив, в 1213-м первым днем года было 14 апреля, а последним — 29 марта, то есть апрель насчитывал всего лишь 16 дней.

В документах и хрониках не было принято вести счет лет от Рождества Христова. Обычно предпочитали формулировки вроде «в такой-то год правления нашего короля (нашего графа)», «наш граф, правящий уже столько лет». Кроме того, хотя месяцы назывались точно так же, как и сейчас, существовало несколько способов обозначения даты.

Например, 28 сентября называли то «28-й день сентября», то «3-й день, заканчивающий сентябрь» (то есть 3-й день перед концом сентября), то «4-й день октябрьских календ», то, чаще всего, «канун праздника святого Михаила».

Таким образом, для подавляющего большинства людей литургические праздники и дни святых служили единственными ориентирами в году. Впрочем, не обходилось и без некоторой путаницы. В двух соседних диоцезах (*Диоцезы — епархиальные округа во главе с епископом. (Примеч. пер.)*) могли чествовать одного и того же святого в совершенно разные дни. И наоборот, праздники некоторых повсеместно почитаемых святых могли повторяться несколько раз в году. Праздником мог стать день их рождения, обращения, мученичества, открытия или перенесения мощей. Святой Мартин, например, чествовался по меньшей мере три раза: 4 июля (летний праздник святого Мартина) — день его рукоположения; 11 ноября (зимний праздник святого) — день его погребения; 13 декабря — день перенесения его мощей из Осера в Тур. Существовали и другие обычаи, еще больше свидетельствующие о влиянии религиозной жизни на светский календарь: в определенные периоды года день недели назывался по евангельскому сюжету, читаемому в церкви. Так, четверг второй недели Великого поста — «Неразумный богач», пятница — «Виноградари», суббота — «Неверная жена».

Впрочем, эти проблемы церковного календаря заботили лишь духовенство. Сеньоры и рыцари, крепостные и свободные крестьяне, жители деревень и небольших городов не разбирались в них. Их скорее заботили дни судебных заседаний и феодальных собраний, дни торжественного посвящения в рыцари и рыцарских церемоний (Пасха, Пятидесятница), или дни выплаты оброков (Сретение, День Всех Святых) и открытия ярмарок и рынков. Безусловно, обращали внимание на смену рабочих и воскресных дней, череду будней и праздников. В те времена, впрочем, как и сегодня, люди ярче всего воспринимали смену времен года и обновление природы весной: это одинаково радовало всех.

1. Russel J.C. Late Ancient and Medieval Population, dans Transactions of the American Philosophical, nouv. serie, vol. 48,3 (1958).

2. Elie de Saint-Gules. Trad, d'apres l'edition de G. Raynaud, Paris, 1879, vers 1735-1739.

3. Имеется в виду знаменитое автобиографическое сочинение Абеяра «История моих бедствий», см. рус. пер.: Абеяра Петр. История моих бедствий. Изд. подг. Д. А. Дрбоглав, Н. А. Сидорова и др. М., 1959. Об Абеяре см. также: Сидорова Н. А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953, гл. V—VII.

4. La mort le roi Artu. Ed. J. Frappier, Paris, Geneve, 1936, p. 179, 1.3-7.

5. Gelinant de Froimont, Les vers de la mort. Trad, d'apres l'edition de F. Wulffet E. Walberg, Paris, 1905, str. XIX, vers 1—2; str. XX, vers 1—2; str. XXIII, vers 5—6; str. XXV, vers 4—6.

Глава 2. Общество феодалов и рыцарей

Представить социальную структуру общества конца XII — начала XIII века в нескольких строках — задача довольно непростая. Эта тема очень обширна и сама по себе, а в отдельных аспектах, как, например, отношения дворянства и рыцарства, представляет собой одну из самых спорных областей современного исследования средневековой истории. Заметим, высший расцвет того, что называют «феодалным обществом», приходится на первую половину XII века, в то время как последние десятилетия этого столетия и первые последующего свидетельствуют уже о его медленном, но неумолимом упадке. В период между датами, ограничивающими хронологические рамки нашей книги, происходят ускоренные изменения общества, определившие будущее Запада. Впрочем,

вряд ли уместно здесь останавливаться на этом. Мы попытаемся представить себе лишь общий облик различных социальных категорий, обращая особое внимание на то, что оказывало первоочередное влияние на повседневную жизнь людей с экономической, социальной или юридической точек зрения. Наш обзор будет умышленно кратким, не очень исчерпывающим и не особенно подробным. Он нам нужен лишь для того, чтобы облегчить читателю восприятие остальных глав.

Общая характеристика общества

Общество XII века в первую очередь — общество христианское: чтобы войти в него, требовалось быть христианином, ибо терпимость по отношению к язычникам, иудеям и мусульманам все равно оставляла их за пределами общества. Запад жил в едином ритме единой веры. Любая сеньория, любой город, любая политическая целостность составляли скорее часть мирового христианства, нежели конкретного королевства. Отсюда интенсивность обменов, прозрачность границ, отсутствие понятий «нации» и «национализма», а также универсалистский характер не только нравов и культуры, но и социальных структур и даже общественных институтов. Не существовало французского или английского общества. Жизнь, люди, вещи были одинаковы в Бургундии и Корнуэлле, в Йоркшире и Анжу. Единственное, чем отличались эти территории, так это климатом и географическими условиями.

Общество того времени сугубо иерархично. Даже если оно на первый взгляд покажется анархичным нашим современникам, поскольку не существовало понятия «государство», а некоторые права и полномочия — деньги, правосудие, армия — распределялись между несколькими ветвями власти, при более внимательном рассмотрении видно, что оно строилось вокруг двух основных центров: короля и феодальной пирамиды. В интересующую нас эпоху король стремится к абсолютному господству. Именно так все складывалось в Англии, начиная со времен правления Генриха II, и во Франции в конце царствования Филиппа Августа.

С другой стороны, все слои общества стремились к образованию различных групп и ассоциаций, от городских гильдий до ремесленных цехов, от лиги баронов до сельских коммун. Люди редко действовали от своего собственного имени, они не осознавали себя отдельно от общества. Они еще окончательно не распределились по сословиям, но уже широко организовывались в «штаты» (*Штат (etat) — в феодальной Франции групповая общность по социальному положению, предшествующая образованию сословий. (Примеч. пер.)*). Наконец, во многих отношениях уже сложилось почти классовое общество, даже если эти классы еще не играли никакой роли с политико-юридической точки зрения или в распределении прав и обязанностей. Они пока не имели четких очертаний и оставались широко открытыми. Так, например, сын крепостного Гийом Овернский стал парижским епископом в начале XII века. Тем не менее это уже настоящее классовое общество. Но повседневная жизнь различает не столько духовных лиц, дворян и простолюдинов, сколько людей богатых и могущественных, с одной стороны, и людей бедных и не имеющих власти — с другой.

Сеньоры и вассалы

Феодальная Европа — это сельский мир, все ее богатство основывалось на земле. Обществом управляли землевладельцы, пользовавшиеся одновременно и политической, и экономической властью, — сеньоры. Феодальный строй можно представить прежде всего системой отношений взаимозависимости этих сеньоров между собой, базировавшейся на

двух основных «китах»: вассальном обязательстве и предоставлении феода(*Феод (feodum, (ейит,лат., fliu, fehu, др. герм. — поместье, имущество, скот, деньги + od — владение) — земельное владение, которое вассал получал от своего сеньора по ленному праву (то же, что лен), то есть при условии несения службы (военной), участия в суде, выполнении денежных и других повинностей. В отличие от бенефиция он был наследственным и мог быть отнят у вассала лишь по суду. (Примеч. пер.)*).

Вассалом мог быть более или менее слабый сеньор, посвящавший себя служению более могущественному сеньору по обязательству или по причине материальной заинтересованности. Вассал обещал хранить верность, и это обещание становилось предметом договора, определявшего уже взаимные обязанности. Сеньор предоставлял своему вассалу покровительство и содержание: защиту от врагов, помощь в судебных вопросах, поддержку своими советами, всяческие щедрые подарки, наконец, содержание при своем дворе или, чаще, предоставление ему земли, которая обеспечила бы жизнь его самого и его вассалов, — феода. В обмен вассал обязывался нести военную службу в пользу сеньора (ее разновидности закреплялись в договоре), оказывать ему политическую поддержку (различные советы, миссии) и юридическую помощь (помогать вершить правосудие, участвовать в его судебной курии(*Курия (curia, лат.) — в Средние века — совет или суд при сеньоре, состоявший из его вассалов. (Примеч. пер.)*)), иногда выполнять домашние поручения, относиться к нему с неизменным почтением и, в некоторых случаях, оказывать денежную помощь. Таких случаев во Франции признавалось четыре: выкуп, снаряжение Крестового похода, свадьба старшей дочери, торжественное посвящение в рыцари старшего сына сеньора.

Вассальный договор редко закреплялся в письменном виде, за исключением разве что крупных сеньорий. Он служил поводом для проведения ритуальной церемонии, практически одинаковой во всех областях: сначала вассал на коленях произносил текст клятвы («Я становлюсь твоим слугой...»); затем, стоя, он клялся на священных книгах или мощах в верности своему сеньору; наконец, сам сеньор даровал ему феод, вручая предмет, символизирующий будущее владение (ветвь, траву, ком земли) или предоставляемую власть (скипетр, кольцо, жезл, перчатку, флаг, копье). Эту церемонию сопровождали коленопреклонения, обмен поцелуями, литургические жесты; иногда она совершалась лишь один раз и навсегда, иногда — периодически повторялась.

Сначала феод предоставлялся персонально и пожизненно; однако постепенно укоренился принцип наследования. В конце XIII века он распространился повсюду во Франции и в Англии. При смене владельца сеньор довольствовался правом получения налога на наследство. Часто феод не передавался старшему сыну, а разделялся между братьями. Отсюда раздробленность земельной собственности и обеднение вассалов.

На территории своего феода вассал осуществлял все политические и экономические права, как если бы он действительно принадлежал ему. За собой сеньор сохранял лишь право отобрать феод в случае пренебрежения вассалом своими обязанностями. И, наоборот, если вассал считал себя оскорбленным своим сеньором, он мог, сохранив землю, взять обратно свое обязательство и обратиться к сюзерену(*Сюзерен (Suzerain, фр.) — в феодальную эпоху — высший сеньор по отношению к вассалам; верховным сюзереном обычно считался король. (Примеч. пер.)*). — это называлось «вызов».

Феодальная система действительно выглядела своеобразной пирамидой, где каждый сеньор одновременно являлся вассалом более могущественного сеньора. На ее вершине стоял король, который, впрочем, стремился занять обособленное положение по отношению к общей системе; на низших ступеньках самые незначительные вассалы, герои рыцарских романов, демонстрировавшие образцы верности, любезности и мудрости. Между ними существовала целая иерархия крупных и мелких баронов — от

герцогов и графов до обладателей самых скромных замков. О могуществе сеньора судили по обширности его земель, числу его вассалов, размеру замка или замков.

Сеньория: обстановка повседневной жизни

Сеньорией называлась совокупность земель, на которых сеньор, каковы бы ни были его состояние и могущество, реализовывал права собственности и суверенитета. Она служила основной политической и экономической единицей общества, практически полностью сельскохозяйственного. Сеньория могла иметь разные формы и размеры: типичная сеньория представляла собой округ, подчиненный сеньору, не очень большой, но достаточный, чтобы включать в себя несколько деревень, укрепленный замок и феоды, необходимые для содержания собственного войска.

Герцогства, графства и большие церковные феоды также разделялись на некоторое число округов, подчиненных сеньору. Для феодальной географии характерна крайняя раздробленность, поскольку сеньории редко бывали цельными из-за существования множества способов их получения (наследование, подарок, покупка, завоевание), а кроме того, из-за необходимости самим производить все, в чем была нужда. Междоусобные войны часто возникали по причине того, что какой-нибудь сеньор желал путем присоединения территории соседа объединить в одно целое два своих разрозненных владения.

В целом, без учета небольших феодов, предоставленных сеньором своим вассалам, сеньория делилась на две части: землю, находившуюся в пользовании зависимых крестьян, и господскую землю, на которой велось хозяйство феодала. Первая — это маленькие участки земли, предоставляемые сеньором крестьянам в обмен на часть их продукции (в зависимости от случая, выплачиваемую натурой или деньгами, и в разных местах по-разному), и всякого рода отработки на его земле: то есть барщину (сюда входили пахота, сенокос, сбор винограда, различные перевозки). Господской землей называлось владение, непосредственно используемое сеньором. Оно включало в себя: замок и подсобные помещения (пристройки, службы), пахотные земли, возделываемые домашними слугами или крестьянами, состоявшими на барщине, пастбища, леса и реки. Водами и лесом более или менее свободно могли пользоваться все жители сеньории.

На всей территории сеньории сеньор представлял государственную власть: он вершил правосудие, выполнял полицейские функции, обеспечивал военную защиту. Помимо политической власти, он обладал еще и экономической, связанной с его положением собственника. Он взимал налоги на все виды товарообмена (мостовые, ярмарочные, рыночные пошлины); а также владел несколькими производственными мастерскими и сооружениями (кузницей, мельницей, прессом для винограда, пекарней), ими должны были пользоваться все жители, которые, соответственно, платили определенный налог. Эта монополия, называемая «баналитетом», распространялась даже на животных: в хозяйстве некоторых сеньоров имелся бык или хряк, к которому крестьяне обязывались приводить своих коров или свиней под страхом подвергнуться высокому штрафу.

Сервы и вилланы

Крестьяне, которым предоставляли надель, юридически делились на две группы: **вилланы** (*Villanus* (лат.) — *житель деревни, поместья (villa)*). и **сервы** (*Servus* (лат.) — *раб. (Примеч. пер.)*).

Вилланы имели полную личную свободу; политически зависимые от сеньора, они могли

свободно передвигаться, жить, где хочется, и даже иногда менять сеньорию. Серв, напротив, был прикреплен к своему наделу, неспособен и обременен повинностями. Он платил налоги более тяжелые, нежели виллан; не мог свидетельствовать на суде против свободного человека, стать священником и в полной мере пользоваться общественными благами. Однако его положение не имело ничего общего с положением раба в античности: он пользовался некоторыми юридическими правами и мог владеть наследственным имуществом; сеньор, защищавший и покровительствующий ему, не имел права ни побить, ни убить, ни продать серва.

В некоторых областях (в Бретани, Нормандии, Анжу) крепостное право встречается редко, в других же, наоборот, почти все крестьянское население состояло из сервов (Шампань, Ниверне). Кроме того, подневольное положение крестьян различалось в зависимости от того, где они жили, — в феоде или сеньории. Как правило, в конце XII века разница между свободными и зависимыми крестьянами ощущалась слабо. Сервы и вилланы вели одинаковую повседневную жизнь, и существовала тенденция к их объединению в одну социальную категорию с определенными ограничениями и обязательствами, присущими поначалу только сервам: таковы, например, «фор-марьяж» — специальный налог, выплачиваемый крестьянином за женитьбу на женщине из другой сеньории, или «менморт» (право «мертвой руки»), который следовало выплатить за право наследовать имущество и землю родственников. Так что разница — скорее экономическая, чем юридическая.

Различались не столько свободные и зависимые крестьяне, сколько богатые землепашцы, владевшие рабочими животными и орудиями труда, и бедняки, чье богатство составляли лишь их руки да усердие. Повсюду можно было встретить нищих вилланов и мало-мальски зажиточных сервов.

Класс крестьян уже имел своих знатных персон, находившихся на службе у сеньора, его «должностных лиц», и назначавшихся, часто против своей воли, управлять сельской общиной. Эта община, состоявшая из глав семейств, играла важную роль в жизни деревни: она распоряжалась землями и общим стадом, решала вопросы севооборота, распределяла оброк, который следовало платить сеньору всем простолюдинам, живущим в сеньории.

Население городов

Города зачастую были по сути лишь большими деревнями. Однако, начиная с XI века, на всем Западе наблюдается их неуклонный рост, связанный с возрождением торговли и торговых связей, развитием ремесла и некоторых форм производства, умножением числа муниципальных и профессиональных ассоциаций. Города привлекали новых жителей, приобретали вес в обществе, расширяли свою территорию. Их населению становилось все труднее и труднее переносить власть и самоуправство со стороны местного сеньора. Поэтому возникали восстания, получившие название «коммунальное движение»¹. В разных городах это проявлялось не одинаково, но везде речь шла о том, чтобы либо силой, либо мирным соглашением добиться привилегий в виде освобождения от налогов и права самоуправления, закреплявшегося в коммунальных хартиях.

Города все больше отличались от сельской местности; получив некоторые свободы, они стремились выйти из феодальной системы. И хотя политическое положение — организация и статус города — складывалось различными путями, социальное развитие практически везде протекало одинаково. Торговцы и ремесленники объединялись в профессиональные сообщества (будущие гильдии и цехи), оказывавшие все более

значительное влияние на жизнь города. Эти сообщества образовывали монополии, устанавливали заработную плату, продолжительность рабочего дня, условия найма работников, подавляли забастовки, проверяли качество товара, строго наказывая мошенничество и недоброкачественную работу, и, в конце концов, начали не только полностью управлять торговлей и производством, но также взяли в свои руки и все муниципальное руководство. И так же, как и в деревне, иерархия устанавливалась не на юридической основе, а по экономическим критериям: с одной стороны — патриции, зажиточные торговцы, мастера-ремесленники, рантье, имевшие политическую власть, распределявшие и взимавшие налоги, владевшие домами и землями, которые приносили им определенный доход; а с другой — «маленькие» люди — ремесленники, рабочие, подмастерья, ученики разного рода — бедняки, такие, как те рабочие-ткачи, освобожденные Ивейном в романе «Рыцарь со львом», что могли лишь жаловаться на свою судьбу:

«Мы все время ткem шелковые ткани и однако никогда не будем одеваться лучше. Мы всегда будем нищими и голыми; будем хотеть есть и пить. Мы никогда не зарабатываем достаточно, чтобы улучшить нашу еду (...). Так как тот, кто зарабатывает двадцать су в неделю, не может выбраться из нищеты (...). И в то время как мы нуждаемся, тот, для кого мы работаем, обогащается за счет нашей работы...»²

Клирики

Общество церковнослужителей выглядело довольно пестро и не имело четких границ с мирянами. Клириком назывался мужчина, получивший одну из низших церковных служебных должностей; ему следовало выбрить на голове тонзуру и носить длинную рясу в соответствии с его положением. Статус клирика довольно неустойчив, и среди них встречалось немало тех, кто занимал промежуточное положение между светскими людьми и духовенством.

Быть клириком считалось престижно, так как это давало значительные привилегии. Действительно, клирики отвечали только перед церковным судом, более снисходительным, нежели светский; они освобождались от несения военной службы и уплаты большинства налогов сеньору; их имущество и личность находились под особой защитой, наконец, они имели право на пользование церковными бенефициями (*Beneficium* (лат.) — *благоденствие* — в раннем Средневековье — земельное владение, пожалованное феодалом своему вассалу за определенную службу, без права наследования, но с правом взимать повинности с крестьян; церковная должность в римско-католической церкви, связанная с определенными доходами. (Примеч. пер.)). Но зато им запрещалось принимать участие в мирских делах, и в первую очередь заниматься торговлей; тот, кто становился священнослужителем, не мог жениться, а монахи, дававшие обет бедности, теряли право на владение патримонием (*Patrimonium* (лат.) — *наследственное, родовое имущество* (Примеч. пер.)).

Священнослужители владели собственностью, на доходы с которой они жили, — бенефицием. Различали малые (церковные приходы, приорства, церкви при замках) и крупные бенефиции (архиепархии, епархии, аббатства). И во Франции, и в Англии Церковь, как самый богатый собственник королевства, предоставляла часть своих владений тем, кто находился у нее на службе. Размер бенефиция пропорционально зависел от важности выполняемой человеком функции.

Епископ обычно избирался священниками кафедрального собора: канониками. Иногда за советом обращались к прихожанам. Однако довольно часто могущественный сеньор, король или папа навязывали своего кандидата. В конце XII века деятельность епископа все строже контролировалась Святейшим папским престолом, стремившимся ограничить

его судебную компетенцию и проследить за тем, как именно он управляет диоцезом. Иннокентий III даже взял за правило вызывать каждого епископа в Рим не реже одного раза в четыре года.

Архиепископом назывался настоятель архиепархии. Во Франции их было восемь (Руан, Реймс, Сене, Тур, Бордо, Бурж, Нарбонна и Ош), в Англии — два (Кентерберийский и Йорк). Архиепископ являлся исключительно влиятельной личностью, вызывавшей пристальное внимание и короля, и папы. Из-за этого случались частые конфликты по поводу назначений, чкак, например, продолжавшийся шесть лет (1207— '1213) раздор между Иоанном Безземельным и Иннокентием III, когда папа вместо королевского кандидата сделал архиепископом Кентерберийским, а таким образом, и главным духовным лицом в Англии своего друга Стефана Лангтона.

Назначениями на малые бенефиции внутри диоцеза занимался епископ, хотя сеньоры сохраняли право представлять своего кандидата для служения в основанных ими церквях, и, если он соответствовал каноническим правилам, епископ одобрял его кандидатуру. Тем не менее и здесь не обходилось без недоразумений и конфликтов.

Огромное большинство священников составляли те, кто служил в деревенских приходах. Они выбирались по месту жительства, и этот выбор нередко бывал далек от совершенства. Считалось, что священник должен жить только на доход от бенефиции и бесплатно осуществлять богослужения и требы. Но практически везде существовала практика симонии (*Симония (от имени Симона-волхва) — продажа церковных должностей за деньги. (Примеч. пер.)*), и почти повсеместно вошло в обычай платить за крещение и отпевание. К тому же не всегда соблюдался обет безбрачия: в некоторых приходах викарий жил со «священницей» — сожительницей или, если так можно выразиться, даже «законной» женой. Впрочем, такую практику не следует преувеличивать; во многих местах она, в общем-то, совсем исчезла под влиянием прелатов-реформаторов (*Praelatus (лат.) — предпочтенный, поставленный над кем-либо — в католических и англиканских церквях — название высших духовных сановников. (Примеч. пер.)*). И даже если литература изобилует примерами корыстолюбивых, спесивых и развратных священников, а все Средневековье пронизано неизменно агрессивным антиклерикальным движением, нельзя безоговорочно утверждать, что плохих священников встречалось больше, чем хороших.

Рыцарство

Рыцарство представляло собой общественный институт, появившийся в феодальной системе примерно в 1000 году. В строгом смысле слова, рыцарь — это любой мужчина, владеющий оружием и прошедший церемонию специального посвящения. Но быть лишь посвященным — недостаточно для истинного рыцаря; необходимо еще следовать определенным правилам и вести особый образ жизни. Таким образом, рыцари — это не юридический класс, а специфическая социальная категория или, выражаясь современным языком, сообщество «профессионалов» конного боя (единственного эффективного способа военных действий вплоть до конца XIII века), умевших вести ту особую жизнь, каковой предстала жизнь рыцаря.

Теоретически рыцарство считалось доступным каждому получившему крещение: любой рыцарь имел право сделать рыцарем того, кого он считал достойным им быть, вне зависимости от происхождения и социального положения. Эпические песни, так называемые «жесты», изобилуют примерами простолюдинов (крестьян, лесников, свинопасов, торговцев, жонглеров, поваров, привратников и т.д.), посвященных в рыцари в награду за оказанные герою услуги. Иногда упоминаются даже простые сервы. Так, в

песне «Ами и Амиль» двое из них получают рыцарство из рук своего сеньора, которому они остались верны, несмотря на то, что тот заболел проказой:

«По этому случаю граф Ами (...) не забыл двух своих сервов: в день излечения он посвятил их обоих в рыцари»³.

Однако в реальности дело обстояло иначе. С середины XII века рыцари пополняли свои ряды почти исключительно за счет сыновей рыцарей и, таким образом, образовывали наследственную касту. Посвящения в рыцари простолюдинов, если не исчезли совсем, то стали событием — почти уникальным. Можно назвать две причины этого явления. Первая из них заключалась в том, что процесс принятия новых членов неизбежно приводил к присвоению одним классом — земельной аристократией — привилегии на образование рыцарства, не подчинявшейся никаким правовым нормам. Вторая, возможно, более важная, связана с социально-экономическими требованиями: лошадь, военное снаряжение, церемония и празднества по случаю посвящения в рыцари стоили дорого; да и сам образ жизни рыцаря, состоявшей из удовольствий и праздности, предполагал наличие некоторого богатства, которое в ту эпоху основывалось только на обладании землей. Рыцарское звание действительно приносило честь и славу; но при этом следовало жить или за счет щедрости богатого и могущественного покровителя (что удавалось еще достаточно легко в начале XII века, но уже гораздо труднее спустя столетие), или на доходы от патримония. Многие, впрочем, придворным щедростям сеньора предпочитали получение пусть даже самого маленького феода.

К 1200 году рыцари — это уже в основном сеньоры или сыновья сеньоров. Во Франции данный феномен принимает особо выраженный характер в течение XIII века, так что рыцарское звание уже практически не рассматривается как личностное, а становится наследственным качеством, доступным лишь высшим слоям аристократии. С этого времени и начинается процесс слияния рыцарства и аристократии.

Жизнь рыцарства

Понятие рыцарства прежде всего связывалось с определенным образом жизни. Он требовал специальной подготовки, торжественного посвящения и не такой, как у обычных людей, деятельности. Эпическая и куртуазная литература дает нам об этом довольно подробное представление, хотя, возможно, несколько обманчивое из-за ее идеологически консервативного характера и нуждающееся в некоторой корректировке, для чего мы воспользуемся повествовательными источниками и данными археологии.

Жизнь будущего рыцаря начиналась с долгого и непростого обучения сначала в родительском доме, а затем, с десяти или двенадцати лет, у богатого крестного или могущественного покровителя. Цель начального, семейного и личного образования — научить элементарным навыкам верховой езды, охоты и владения оружием. Следующий этап, более длительный и более сложный, уже представлял собой настоящее профессиональное и эзотерическое посвящение. Он проходил в группе. На каждой ступени феодальной пирамиды сеньора окружало нечто вроде «рыцарской школы», где сыновья его вассалов, его протеже и, в некоторых случаях, его менее состоятельные родственники обучались военному мастерству и рыцарским добродетелям. Чем влиятельнее был сеньор, тем больше набиралось у него учеников.

До шестнадцати—двадцатитрехлетнего возраста эти юноши выполняли роль домашнего слуги или оруженосца своего покровителя. Прислуживая ему за столом, сопровождая на охоте, участвуя в увеселениях, они приобретали опыт светского человека. А занимаясь его

лошадьми, поддерживая в порядке его оружие и, позже, следуя за ним на турнирах и полях сражений, они накапливали знания, необходимые военному человеку. С первого дня выполнения этих обязанностей и до момента посвящения в рыцари они носили звание оруженосца. Те из них, кому не удавалось стать рыцарями из-за отсутствия состояния, заслуг или подходящего случая, сохраняли это звание на всю жизнь, ведь называться рыцарем можно было только после посвящения.

В исследуемый период ритуал посвящения в рыцари еще не закрепился окончательно, и эта церемония могла проходить по вкусам участников, как в реальной жизни, так и в литературных произведениях. Разница обряда посвящения в рыцари прежде всего зависела от того, когда проводилась церемония — в военное или в мирное время. В первом случае церемония происходила на поле боя до начала сражения или после победы, и тогда она была овеяна славой, хотя все произносили традиционные слова и производили те же самые ритуальные жесты. Церемония обычно состояла из возложения меча и символического «удара по шее» (*colee*). Посвящение в мирное время связывалось с большими религиозными праздниками (Пасха, Пятидесятница, Вознесение) или с важными гражданскими событиями (рождение или свадьба правителя, примирение двух суверенов). Это почти литургическое действо могло состояться во дворе замка, в церковном притворе, на общественной площади или на травке какого-нибудь луга. Будущему рыцарю требовалась особая сакраментальная подготовка (исповедь, причастие) и ночь размышлений в церкви или часовне. За церемонией посвящения следовали дни пиршеств, турниров и увеселений.

Сакральный характер носило и само проведение церемонии. Она начиналась с освящения оружия, которое затем «крестный отец» посвящаемого в рыцари вручал своему «крестнику»: сначала меч и шпоры, потом кольчугу и шлем, и, наконец, копье и щит. Бывший оруженосец облачался в них, прочитывая при этом несколько молитв, и произносил клятву соблюдать правила и обязанности рыцарства. Церемонию завершал тот же символический жест «удар по шее», его происхождение и значение остаются спорными по сей день. Существовали разные способы «удара по шее»: чаще всего тот, кто совершал церемонию, стоя сильно ударял посвящаемого ладонью по плечу или затылку. В некоторых английских графствах и областях Западной Франции этот жест сводился к простому объятию или крепкому рукопожатию. В XVI веке «удар по шее» совершали уже не рукой, а посредством лезвия меча и сопровождали ритуальными словами: «Именем Бога, Святого Михаила и Святого Георгия я посвящаю тебя в рыцари». Несмотря на существование различных объяснений, сегодня в этой практике историки более склонны видеть пережитки германского обычая, по которому ветеран передавал свою доблесть и свой опыт молодому воину.

Однако посвящение, главный этап в карьере рыцаря, нисколько не изменяло его повседневной жизни. Она по-прежнему состояла из верховой езды, сражений, охоты и турниров. Сеньоры, обладавшие обширными владениями, играли в ней главную роль, а вассалам с феодами победней приходилось довольствоваться крупными славой, удовольствий и добычи. Пример Уильяма Маршала, младшего сына в семье и не очень состоятельного, удостоенного чести посвятить в рыцари Генриха Молодого, старшего сына Генриха II Плантагенета, вероятно, остается исключительным: «В тот день по воле Господа на долю Маршала выпала огромная честь: в присутствии множества сеньоров и представителей знатных родов, он, не имевший и малейшей части феода, не владевший ничем, кроме рыцарского звания, возложил меч на сына короля Англии. Многие в этом ему завидовали, но никто не дерзнул показать это открыто» 4.

Имея равные права, в действительности рыцари не были равны. Среди них встречалось

немало и таких, кто составлял нечто вроде «рыцарского пролетариата»; они получали средства для жизни, лошадей и даже оружие от сильных мира сего (королей, графов, баронов), за чей счет вынуждены были жить. Эти неимущие рыцари, богатые тщеславными надеждами, но бедные землей, — как правило, молодые люди, которые ожидали отцовского наследства или, не обладая ничем, состояли на службе у какого-нибудь покровителя. Зачастую они объединялись в лихие компании под предводительством княжеского или графского сына и искали приключений, предлагали свои услуги от турнира к турниру, от поместья к поместью. Они первыми отправлялись в Крестовые походы или далекие экспедиции, манящие своей неопределенностью. Как и Уильям Маршал, они стремились обольстить богатую наследницу, способную принести им то состояние, которое не могли обеспечить ни их подвиги, ни происхождение. Этим объясняется позднее вступление в брак, даже если матримониальный и земельный поиск не приносил такой же удачи, как выпала на долю будущего регента Англии.

Возможно, именно этому сообществу молодых рыцарей, жадных до любовных и военных подвигов, и адресовались рыцарские романы и куртуазная литература. В ней они находили изображение общества, не существовавшего на деле, но того самого, какое, несомненно, пришлось бы им по вкусу. Общества, где качества, деятельность и стремления рыцарского класса почитались единственно возможными и истинными идеалами.

Рыцарские идеалы и добродетели

Рыцарство предполагало не только определенный образ жизни, но и определенный этикет. Даже если считать исторически неопровержимым моральное обязательство, принимаемое молодым воином в день посвящения, тем не менее нужно признать, что о существовании настоящего рыцарского кодекса свидетельствует только литература. А всем известна дистанция между литературным образцом и повседневной действительностью. Да и, наконец, правила этого кодекса не одинаковы в разных произведениях, и их дух существенно изменяется в течение всего века. Идеалы Кретьена де Труа — это уже не идеалы «Песни о Роланде». Послушаем, как Горнеман де Гур обучает юного Персевалья обязанностям рыцаря:

«Любезный друг, когда вам случится сражаться с рыцарем, вспомните то, что я сейчас вам скажу: если вы победите (...), и он будет вынужден просить у вас пощады, не убивайте его, но окажите ему милосердие. С другой стороны, не будьте слишком болтливы и слишком любопытны (...). Тот, кто много говорит, совершает грех; остерегайтесь же этого. А если вы встретите даму или девушку, находящуюся в беде, я прошу вас, сделайте все, что будет в вашей власти, чтобы помочь ей. Я закончу советом, которым особенно не следует пренебрегать: бывайте почаще в монастыре и молитесь там Создателя, чтобы Он сжалился над вами и в этом земном веке сохранил вас как своего христианина»⁵.

В общем виде рыцарский кодекс базируется на трех основных принципах: верность данному слову, порядочность в отношениях с людьми; великодушие; помощь Церкви и защита ее добра.

В XII веке образцом совершенного рыцаря еще не стали ни Персеваль, ни, конечно же, Галаад в том виде, в каком они оба появились в 1220 году в «Поисках Святого Грааля». Им не был и Ланселот, чьи любовные приключения с королевой Генъеврой имеют некоторые черты, несовместимые с рыцарскими добродетелями. «Солнцем всего рыцарства» считался Говен, племянник короля Артура, один из участников Круглого стола, обладавший всеми необходимыми для рыцаря качествами — искренностью,

добротой и благородством сердца; набожностью и умеренностью; отвагой и физической силой; презрением к усталости, страданию и смерти; сознанием собственного достоинства; гордостью за свою принадлежность к благородному роду; искренним служением сеньору, соблюдением обещанной верности; и, наконец, добродетелями, по-старофранцузски называемыми «largesse» («широта души») и «courtoisie» («куртуазность, изысканность, деликатность, утонченность»). В полной мере это все равно не может передать ни один термин современного языка. Понятие «largesse» включало в себя щедрость, великодушие и расточительность одновременно. Оно предполагало богатство. Противоположность этого качества — скупость и поиск выгоды, характерные черты торговцев и мещан, которых Кретьен неизменно представляет в смешном свете. В обществе, где большинство рыцарей жили весьма бедно и именно на те средства, что благоволили пожаловать их покровители, литература, естественно, восхваляла подарки, расходы, расточительность и проявление роскоши.

Понятие «courtoisie» еще труднее поддается определению. Оно включает все вышеперечисленные качества, но прибавляет к ним физическую красоту, изящество и желание нравиться; доброту и нестареющую душу, утонченность сердца и манер; чувство юмора, ум, изысканную вежливость, одним словом, некоторый снобизм. Кроме всего прочего, оно предполагает молодость, отсутствие привязанности к жизни, жажду сражений и удовольствий, приключений и праздности. Ему противоположны «низость, подлость, мужиковатость» (vilainie) — недостаток, присущий вилланам, мужланам, людям низкого происхождения и особенно дурно воспитанным. Поскольку для куртуазности одного благородного происхождения считалось недостаточно, то природные данные следовало облагораживать специальным воспитанием и совершенствовать себя повседневной практикой при дворе влиятельного сеньора. В этом отношении двор короля Артура представлялся образцовым. Именно там находились самые красивые дамы, самые доблестные рыцари, царили самые куртуазные манеры.

1. Коммунальные движения, или так называемые «коммунальные революции», происходили в городах Северной Франции (Камбре, Сен-Кантен, Аррас, Амьен, Нуайон, Лан и др.), уже начиная с конца XI века.
2. М. Пастуро использует текст романа Кретьена де Труа «Рыцарь со львом» по изданию, выполненному известным французским ученым-медиевистом Марио Роком: Chrétien de Troyes. Le Chevalier au lion. Trad. d'après l'édition de M. Roques. Paris, 1960, vers 5292—5313. В хрестоматии под ред. Пуришева «Зарубежная литература средних веков» (М.: Просвещение, 1974) приведен один из эпизодов этого романа Кретьена — стихи 1406—2165 в пер. М. Замахов-ской.
3. Le chanson d'Ami et d'Amile. Edition P. Dembrowski. Paris, 1969, vers 3264-3267.
4. Histoire de Guillaume de Marechal. Trad. d'après l'édition de P. Meyer, Paris, 1891, Tome I, vers 2084 et suivants.
5. Chrétien de Troyes. Le conte du Graal. Trad. d'après l'édition de F. Lecoy, Paris, 1975, tome I, vers 1637—1668.

Глава 3. Пейзаж. От "заброшенной" земли к цветущему саду

К концу XII века западноевропейский пейзаж очень изменился по сравнению с 1000 годом, когда кругом стояли дремучие непроходимые леса, и лишь редкие поляны были пригодны для того, чтобы на них могли поселиться люди и начать обрабатывать землю. Именно на этих свободных от лесов участках постепенно стала развиваться цивилизация, благодаря которой христианская культура широко распространилась по всей внутренней территории Европы. Обширное раскорчевывание леса коренным образом изменило и внешний облик поселений, и окружавший их ландшафт: поляны расширились, воды отступили, равнины протянулись до холмов и болот. Основная причина этих изменений — значительный рост населения: чтобы прокормить большее число людей, требовалось

увеличивать площадь обрабатываемых земель, поскольку в те времена не существовало иного способа повысить производительность труда.

Раскорчевывание

Несмотря на свою значимость, это явление, начавшееся в конце X века и длившееся до конца XII, еще мало изучено историками. Его формы настолько разнообразны, что дать исчерпывающее описание этого процесса достаточно трудно: сюда входили корчевка леса, борьба с густыми зарослями, освоение необработанных земель, осушение болот, покорение моря. Можно с уверенностью назвать XII век временем, когда земледелие носило завоевательный характер, даже если его размах был неодинаков: значительный в Бургундии, Оверни, Бретани, этот процесс протекал намного медленнее в Нормандии, Артуа, в центре и на юге Англии. Также в некотором пересмотре нуждается традиционное представление о монахах, «монополю» занимавшихся раскорчевкой и рубкой строевого леса, дабы расширить обрабатываемые земли своих аббатств. Большая часть раскорчевываний оставалась делом рук крестьян, трудившихся под руководством сеньора; к тому же борьба велась не столько с самими деревьями, сколько с кустами, колючим кустарником и густыми зарослями.

Несмотря на то, что во время Столетней войны I кое-где вновь появились необрабатываемые земли и леса, именно в XII и XIII веках сложился традиционный облик сельского пейзажа Северной и Западной Франции и оставался неизменным вплоть до середины XVIII века: ланды (*Ланды (landes, фр.) — заброшенные земли, поросшие кустарником; в узком смысле слова — низменная область на юго-западе Франции. (Примеч. пер.)*) и леса, луга и пахотные земли, огороды и фруктовые сады со множеством гармонично расположенных проточных и стоячих водоемов. Этот пейзаж, несмотря на разные географические условия, практически везде имел один и тот же облик, объясняемый единообразием сельскохозяйственных работ: экстенсивное выращивание скота и многоотраслевое производство продовольственных культур на основе злаковых. В лесной местности кое-где стали появляться поселения, неизвестные ни в первом тысячелетии, ни в XI веке. Между давно обжитыми местами и вновь заселенными раскорчеванными землями выросли уединенные хутора. Вместе с ними возникла новая форма индивидуального землевладения — не раздробленная больше на части и не подчиненная прихотям старой коллективной экономики. Топонимика многих деревень в Нормандии, Бретани и Пуату часто сохраняет имена этих первопроходцев, получивших у сеньора право обустроиться отдельно ото всех на месте собственных корчевь-ев: Ла Рожри, Ла Мартинери, Ла Ришардье, Ла Тибор-дьер, Ла Гйшардьер, Ше-Фуше, Ше-Гарнье.

Ланды и болота

Еще большую территорию, чем лес, занимали пустоши — ланды. Это та самая «заброшенная» земля из рыцарских романов, где кончались дороги и начинались чудесные, неизведанные и опасные приключения. Действительность выглядела куда более банально: речь шла о необработанных землях, полностью заросших колючим кустарником, участках, временно оставленных под пар, или местах, предназначенных для переходов людей и животных. Они не имели четко обозначенных границ с засеянными полями, и в деревнях частенько возникали конфликты между земледельцами и пастухами по поводу опустошений, произведенных каким-нибудь стадом. Не последнюю роль в жизни деревни играли болота и водоемы. Они в изобилии снабжали дичью и рыбой; морские отмели, как, например, на берегах Восточной Англии и Пуату, использовались для добычи соли; болота поставляли тростник, камыш и особенно торф, ценный растительный уголь, сбор которого был ограничен; дренированные, осушенные, как в

Англии в Фенсе(*Fens* — заболоченный район в Восточной Англии. (Примеч. пер.)), или, как на берегах Фландрии, Бретани и Пуату, превращались в польдеры(*Polder* (гол.) — в Нидерландах — плодородные участки суши, расположенные ниже уровня моря, окруженные плотинами (во избежание затопления) и изрезанные каналами (для осушения) (Примеч. пер.)), где сначала находились пастбища, а затем — пахотные земли. Что касается рек, то они служили границами и путями сообщения одновременно. По этим транспортным артериям перемещались не только продукты питания и люди, но также распространялись идеи, а вместе с ними — и прогресс. Они были истинными, единственными поддающимися измерению границами между двумя сеньориями, княжествами, странами, и в то же время — чудесными границами в литературе, где приключения всегда начинаются по ту сторону брода или моста.

Лес

Приключения также могли начинаться на опушке леса, не только «заброшенного», как ланды, но и «пустынного», как море и океан. Литературный лес мало напоминает природу как таковую. Авторы делают его труднопроходимым, истинным местом убежища отшельников, изгнанников или несчастных любовников, таких, например, как Тристан и Изольда. Это место засад и нехороших встреч, мир, полный опасностей и зловещих предзнаменований, где почти нет разницы между реально существующей и сверхъестественной угрозой. Совершенной моделью такого леса предстает Броселианский лес, находившийся в сердце армориканской Бретани, где соседствовали дикие звери и чудовища, разбойники и волшебники, куда рыцари Круглого стола (например, доблестный Колгревас) направлялись искать приключения и общаться с тайнами, чудесами и феями. «Это было почти семь лет назад. Я был один и ехал по дороге в поисках приключений, вооруженный с головы до ног, как подобает всякому рыцарю. Случай привел меня в чащу густого леса, где дорожки, заросшие колючими кустами и терновником, таили множество опасностей. Мне с трудом удавалось продвигаться по какой-то тропинке. Я ехал почти целый день и, в конце концов, все-таки выбрался из леса. Этот лес был Броселианским лесом» 2.

Подобные общие места у поэтов несколько не передают действительности. Лес XII века уже совсем не такой, как в каролингскую эпоху. Его пересекали тропинки, там работали люди, туда приходили пастись стада. Отшельники и люди вне закона не скрывались в самой чаще леса, а жили на полянах или опушках. Ни во Франции, ни даже в Англии (в то время более заросшей лесами, чем материковые страны) уже не осталось совершенно девственных лесов. По большей части леса эти не были враждебными или непроходимыми, а скорее — доступными и активно используемыми. Леса являлись важным элементом экономической жизни, обеспечивая самые широкие потребности. Прежде всего речь шла о дереве — основном богатстве Запада и опоре цивилизации; зачастую оно заменяло камень, железо, уголь. С его помощью обогревались, подпирали виноградники и подземные галереи, производили домашнюю утварь, орудия производства, сосуды и всевозможные инструменты, делали мебель, дома, сараи, изгороди, корабли, телеги и повозки. Кроме того, кора использовалась для дубления кож; смолистые продукты — для изготовления клея, свечей, факелов; из лесных растений извлекали целебные и красящие вещества; съедобные «дары» леса — мед, грибы, дикие травы и фрукты — для большинства крестьян значили нечто большее, чем просто дополнительная пища. Наконец, лес был втрое ценен тем, что снабжал мясом, шкурами и мехом; правда, охота на дичь ограничивалась и предназначалась для более влиятельных особ 3.

С другой стороны, леса представляли собой огромные пастбищные территории для выпаса

стад, принадлежавших сеньору или поселению. Лошади, рогатый скот, овцы и козы приходили туда щипать траву под деревьями или листья кустов; свиней приводили к подножиям буков и дубов, чтобы они могли вволю поесть плодов букового дерева или желудей. Это играло настолько важную роль в жизни деревни, что почти во всех областях Англии существовал обычай определять размер какого-либо места в лесу по числу свиней, которые могут откормиться на нем за год. Например, известно, что лес в Пакенхеме (современный Суффолк) в конце XI века мог дать пищу ста свиньям, а в 1217 году — лишь пятидесяти.

Лес, конечно, изобилдовал разнообразными и необходимыми продуктами, но повсюду существовали суровые обычаи, ограничивавшие права крестьян на пользование древесиной, плодами и дичью. Браконьерство и тайное собирательство зачастую оставались для крестьян единственным способом обойти закон, ставивший в неравное положение вилланов и сеньоров, личность и общество. На всех уровнях феодальной системы, в том числе и на самых высоких, нередко происходили тяжбы и споры из-за привилегий в пользовании лесом. Причем настолько серьезные, что в 1216 году Иоанну Безземельному, королю Англии, собственнику практически всех лесов королевства, пришлось по образцу знаменитой Великой хартии 4 даровать своим взбунтовавшимся баронам Лесную хартию, ограничивавшую протяженность его лесных владений и его права на охоту.

Сад

«Заброшенной» природе ландов или лесов противостояла окультуренная природа сада. Под этим понятием подразумевался собственный сад сеньора, расположенный под сенью замка за крепостной стеной, недалеко от донжона (*Донжон (donjon, фр.) — главная сторожевая башня в средневековом замке (Примеч. пер.)*), куда вел потайной ход или мостик через ров. В литературных произведениях сад предстает как место для прогулок, отдыха, аристократических увеселений и любовных свиданий. Его источники, зеленые клумбы, деревья редких пород со множеством щебечущих в них птиц образуют нечто вроде земного рая, где влюбленные могут найти верное и изысканное убежище и где владения сеньора соединяются с природой вдали от толпы и ее грубых развлечений.

Реальная жизнь выглядела более прозаично. Конечно, сад служил местом, предназначенным для забав и прогулок, но в первую очередь сады разводили для снабжения замка фруктами, овощами, вином, свежей водой, ароматными травами, текстильным и лечебным сырьем. Впрочем, из-за отсутствия подробных описаний и реалистичных изображений мы очень мало знаем о том, в каком виде сад существовал в XII—XIII веках. В конце Средневековья в самых богатых владениях сады состояли из симметрично расположенных клумб и лужаек, пересекавших их прямых аллей, множества фонтанов, бассейнов и архитектурных украшений. Здесь находились оранжереи и ряды подстриженных кустарников, а также беседки, обвитые зеленью, вольеры и иногда зверинцы. Приятное было важнее полезного. Возможно, в начале XIII века подобное устройство сада уже встречалось в каких-нибудь княжеских владениях, но в других местах сад выполнял прежде всего практическую функцию. Сад сеньора, так же как и крестьянина, — это, в общем-то, огород в современном понимании. Конечно, огород облагороженный, с красивой оградой, изобилием фруктовых деревьев, с виноградными рядами, колодцем или источником, возможно, усаженным какими-нибудь цветами (розами, лилиями, фиалками), но все-таки огород. Овощи и фрукты преобладали над клумбами и цветами. Это совсем не те сады куртуазной литературы с их идиллическими пейзажами, чудесными растениями, экзотическими животными, как, например, сад великана Мабогрена, описанный Кретьеном де Труа в романе «Эрек и Энида»:

«Этот сад окружала не стена, не изгородь, но некая воздушная оболочка, как бы создававшая волшебную ограду со всех его сторон. В ней имелся только один вход, как если бы этот сад был огорожен железной решеткой. И зимой, и летом его наполняло множество цветов и спелых фруктов. Все они были заколдованы: их разрешалось есть только в саду; если бы кто-то попытался унести хоть один плод, он не нашел бы выхода до тех пор, пока не вернул бы его на место. Там жило множество птиц всех видов, которые резвились в небе и своим пением веселили и очаровывали людей. Также в этом саду росли разные пряности и лечебные растения, встречающиеся только лишь в дальних странах...» 5

1. Имеется в виду война между Англией и Францией, продолжавшаяся с 1337 по 1453 год за Гиень, Нормандию, Анжу и Фландрию.

2. Chretien de Troyes. *Le Chevalier au lion*. Trad, d'apres l'edition de M. Roques. Paris, 1960, vers 172—187.

3. О роли леса в жизни средневекового человека см. книгу Жака Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада». Пер. с фр. под общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, 1992, с. 191—192 (1-е изд.: Paris, 1964, p.169-171).

4. Речь идет о Великой хартии вольностей (*Magna Carta Libertatum*), которая была подписана в 1215 году английским королем Иоанном Безземельным (1199—1216), младшим сыном Генриха II. Она существенно ограничивала права короля в основном в интересах аристократии: король обязывался не арестовывать баронов, не лишать их имущества, не объявлять их вне закона без приговора пэров. Для наблюдения за выполнением хартии избирался комитет в составе 25 баронов, который в случае нарушения хартии королем мог начать против него войну. Хартия предоставляла некоторые привилегии рыцарству и горожанам. Великая хартия не была осуществлена на практике. Иоанн, заручившись поддержкой папы, объявившего баронов бунтовщиками, отказался соблюдать ее. Началась война, и в разгар нее Иоанн умер.

5. Текст романа Кретъена «Эрек и Энида» М. Пастуро использует по первому изданию, выполненному Марио Роком в серии «Французские классики средних веков»: Chretien de Troyes. *Erec et Enide*. Trad, d'apres l'edition de M. Roques, Paris, 1952, vers 5689—5714. Ср.:

Ни стенкой, ни забором он
По кругу не был огражден,
Но не давало волшебство
Свободно заходить в него,
Как будто воздух был сплошной
Железной замкнутой стеной.
И летом и зимою там
Цвести всегда дано цветам,
Зимой и летом, круглый год,
Свисает с ветки зрелый плод,
Но у плодов тех свойство есть:
В саду их каждый может есть,
А кто захочет унести,
Обратно не найдет пути
И к выходу не подойдет,
Покуда не оставит плод.
И в небе нету птиц таких,
Приятных нам за щебет их,
Какие бы в саду ни пели
В беспечнейшем своем веселье,
И не творит с начала века
Природа — мать для человека —
Таких корней и трав, потребных
Для нужд лекарственных, целебных,
Какие б из сырой земли
В том вертограде не росли.

Пер. Н. Я. Рыковой. Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Указ, изд., стихи 5739—5764.

Глава 4. "Каков сеньор, таков и двор": Замок и условия жизни

Исследуемый нами период — это время расцвета классического феодального замка романского типа. Такой замок состоял из донжона (*Донжон (donjon, фр.) — главная сторожевая башня в средневековом замке (Примеч. пер.)*) и нескольких крепостных стен вокруг него **1**.

Первые замки, появившиеся еще в эпоху Каролингов, построены из дерева на небольшом возвышении и окружены одной-двумя стенами и рвом. Однако начиная с конца X века система укреплений постоянно совершенствуется: стены становятся выше, рвы — глубже, в выступах ограды появляются дополнительные оборонительные сооружения, и, самое главное, дерево постепенно уступает место камню, использовавшемуся сначала только для постройки донжона и лишь затем — для возведения всего замкового ансамбля в целом. Этот процесс завершился созданием классического образца укрепленного замка романского типа — Шато-Гайяра, построенного в 1196—1198 годах по велению Ричарда Львиное Сердце в излучине Сены **2**. Первые десятилетия следующего века уже знаменовали собой новый этап, связанный с появлением готических замков, когда периметр крепостных стен уменьшился, а количество башен и боковых сооружений увеличилось. Внешний облик украсили многочисленные зубцы и вычурные элементы; размеры и значение донжона потеряли былой размах, его военную функцию стала выполнять мощная угловая башня, а жилищную — настоящее жилое помещение — дворец.

В нашей книге мы опишем облик замка, типичного для конца XII века. Предположим, что он целиком выстроен из камня, хотя в это время деревянные или полудеревянные-полукаменные крепости еще оставались самыми распространенными, особенно в Англии, где развитие укрепленных замков шло медленнее, нежели во Франции. Зачастую использование камня было роскошью, позволительной только самым могущественным сеньорам: королям, герцогам или графам. Немногие из их вассалов могли гордиться тем, что, получив от отца в наследство деревянную крепость, они передали сыновьям каменный замок. Наше описание, возможно, будет несколько схематичным, но мы все же постараемся, чтобы оно получилось предельно верным. Ведь, несмотря на то, что замки создавали разные люди в разных местах и для различного предназначения, всюду можно отметить значительное сходство. Тому есть две причины: единообразие технических приемов осады городов и крепостей, а также существование обязательных норм в отношении места, формы и размеров, закрепленных церковью или суверенами.

Замок: внешняя ограда

Первую ограду замка защищали всякие оборонительные сооружения, предназначенные для того, чтобы остановить слишком стремительное нападение врага: живые изгороди, рогатки (расставленные между столбов, вбитых в землю), земляные насыпи, изгороди, различные выступающие сооружения, например, традиционный барбакан (*Барбакан — небольшое предмостное сооружение, снабженное амбразурами (Примеч. пер.)*), защищавший доступ к подъемному мосту. У подножия стены находился ров, его старались сделать как можно глубже (иногда более 10 м глубиной, как в ТрEMATоне и Лассе) и шире (10 м — в Лоше, 12 — в Дурдане, 15 — в Тремворсе, 22 м — в Куси). Иногда ров даже наполняли водой. По форме он чаще напоминал букву V, чем U. Если ров вырывали прямо под стеной, над ним возводили ограду, нижний вал, для защиты дозорной дорожки снаружи крепости. Этот участок земли назывался палисадом.

Саму ограду составляли толстые сплошные стены — куртины (*Куртина (courtine, фр.) — часть крепостной стены между двумя бастионами (Примеч. пер.)*) и разные боковые сооружения,

обобщенно называемые башнями. Крепостная стена возвышалась прямо надо рвом, ее основания уходили глубоко в землю, а низ делался максимально пологим для предотвращения возможных подкопов со стороны нападавших, а также для того, чтобы от него рикошетом отлетали сбрасываемые с высоты снаряды. Форма ограды зависела от ее местоположения, но ее периметр всегда значителен. В Куси она возведена в виде трапеции со сторонами по 285 м, в Фретевале это круг с диаметром более 140 м, в Жизоре — многоугольник с 24 сторонами и периметром более 1 км.

Укрепленный замок ничуть не напоминал индивидуальное жилище. Высота куртин колебалась от 6 до 10 м, толщина — от 1,5 до 3 м. Впрочем, в некоторых крепостях, например, в Шато-Гайяр, толщина стен местами превышает 4,5 м. Башни, обычно круглые, реже квадратные или многоугольные, строились, как правило, на этаж выше куртин. Их диаметр (от 6 до 20 м) зависел от местонахождения: самые мощные — по углам и около въездных ворот. Башни строили полыми, внутри их разделяли на этажи перекрытиями из деревянных досок с отверстием в центре или сбоку, через которое проходил канат, используемый для того, чтобы поднимать на верхнюю площадку снаряды в случае защиты крепости. Лестницы скрывались перегородками в стене. Таким образом, каждый этаж представлял собой комнату, где располагались воины; в камине, устроенном в толщине стены, можно было развести огонь. Единственные отверстия в башне — это бойницы для стрельбы из лука, длинные и узкие проемы, расширявшиеся вовнутрь помещения. Во Франции, например, высота таких бойниц обычно 1 м, а ширина — 30 см снаружи и 1,3 м внутри. Подобное строение затрудняло проникновение вражеских стрел, но защитники имели возможность стрелять в разных направлениях.

На верху крепостной стены находился так называемый дозорный путь, с внешней стороны защищенный зубчатым парапетом. Он служил для наблюдения, сообщения между башнями и защиты крепости. К зубцам между двумя амбразурами иногда прикреплялась большая деревянная доска, державшаяся на горизонтальной оси, за ней укрывались арбалетчики, чтобы зарядить свое оружие. Во время войн дозорный путь дополняли чем-то вроде откидной деревянной галереи нужной формы, монтировавшейся перед парапетом. В полу проделывались отверстия для того, чтобы защитники могли стрелять сверху, если нападавшие укрывались у подножия стены. Начиная с конца XII века, особенно в южных районах Франции, эти деревянные галереи, не очень прочные и легко воспламенявшиеся, стали заменять настоящими каменными выступами, строившимися вместе с парапетом. Это так называемые машикули, галереи с навесными бойницами. Они выполняли ту же функцию, что и раньше, но их преимущество заключалось в большей прочности и в том, что они позволяли бросать вниз ядра, рикошетившие затем от пологого склона стены.

Иногда в крепостной стене делали несколько потайных дверей для прохода пехотинцев, но всегда строили только одни большие ворота, неизменно укреплявшиеся с особой тщательностью, поскольку именно на них приходился основной удар нападавших. По бокам от них располагались две мощные башни (место военного поста), дополнительно защищенные барбаканом на другой стороне рва. Створы ворот из твердого дерева, обитого железом, во время нападения укрепляли огромными брусками, чтобы они могли выдержать удары тарана. Перед воротами опускалась выдвижная решетка из бревен, собранных и усиленных металлическими деталями. Эта решетка закрывалась подвижной частью подъемного моста, когда он находился в верхнем положении. Его конструкция в данный период еще достаточно проста: обыкновенный мостик вертикально откидывался на цепях, приводимых в действие лебедкой. Несмотря на различные укрепления, ворота все равно оставались самым уязвимым местом крепости: чаще всего врагу удавалось проникнуть в замок именно через них.

Замок: внутренние ограды

Таков первый рубеж. Однако каждый более или менее серьезный замок имел еще хотя бы два ряда оборонительных сооружений (рвов, изгородей, куртин, башен, парапетов, ворот и мостов), меньших по размеру, но построенных по тому же принципу. Между ними оставляли довольно значительное расстояние, поэтому каждый замок выглядел маленьким укрепленным городом. В качестве примера можно вновь привести Фретеваль. Его ограды имеют круглую форму, диаметр первой — 140 м, второй — 70 м, третьей — 30 м. Последнюю ограду, называемую «рубашкой», возводили очень близко к донжону, чтобы закрыть к нему доступ.

Пространство между первыми двумя оградой составляло нижний двор. Там размещалась настоящая деревня: дома крестьян, работавших на господских полях, мастерские и жилища ремесленников (кузнецов, плотников, каменщиков, резчиков, каретников), гумно и хлев, пекарня, общинные мельница и пресс, колодец, фонтан, иногда пруд с живой рыбой, умывальня, прилавки торговцев. Подобная деревня представляла собой типичное поселение того времени с хаотично расположенными улицами и домами. Однако уже в конце правления Филиппа Августа планировка замка становится более упорядоченной, и эти постройки постепенно отодвигаются к внутренней части куртин для удобства прохода. Позже такие поселения стали выходить за пределы замка и обосновываться в его окрестностях по ту сторону рва. Их жители, как, впрочем, и остальные обитатели сеньории, укрывались за крепостными стенами только в случае серьезной опасности.

Между второй и третьей оградой находился верхний двор также со множеством построек: часовня, жилье для воинов, конюшни, псарни, голубятни и соколиный двор, кладовая со съестными припасами, кухни, водоем.

За «рубашкой», то есть последней оградой, возвышался донжон. Его обычно строили не в центре замка, а в его самой труднодоступной части, он одновременно служил и жилищем феодала, и военным центром крепости. По высоте он превосходил все остальные постройки, зачастую превышая 25 м: 27 м — в Этампе, 28 м — в Жизоре, 30 м — в Удене, Дурдане и Фретевале, 31 м — в Шатодене, 35 м — в Тонкедеке, 40 — в Лоше, 45 м — в Провене. Он мог быть квадратным (Лондонская башня), прямоугольным (Лош), шестиугольным (Турноэльский замок), восьмиугольным (Жизор), четырехлопастным- (Этамп), но чаще встречаются круглые диаметром от 15 до 20 м и толщиной стен от 3 до 4 м.

Как и дозорные башни, донжон делился внутри на этажи посредством деревянных перекрытий. В оборонительных целях его единственная дверь находилась на уровне второго этажа, то есть на высоте не менее 5 м над землей. Внутрь попадали по лестнице, лесам или мостику, соединенным с парапетом. Однако все эти сооружения были очень простыми: ведь их следовало очень быстро убирать в случае нападения. Именно на втором этаже находился большой зал, иногда со сводчатым потолком, — центр жизни сеньора. Здесь он ужинал, развлекался, принимал гостей и вассалов, а зимой даже вершил правосудие. Этажом выше располагались комнаты владельца замка и его супруги; туда поднимались по узкой каменной лестнице в стене. На четвертом и пятом этажах — общие комнаты детей, слуг и подданных. Там же спали гости. Верх донжона напоминал верхнюю часть крепостной стены своим зубчатым парапетом и дозорным путем, а также дополнительными деревянными или каменными галереями. К этому добавлялась дозорная башенка для наблюдения за окрестностями.

Первый этаж, то есть этаж под большим залом, не имел ни одного отверстия, выходившего наружу. Однако он не был ни тюрьмой, ни каменным мешком, как предполагали археологи прошлого века. Обычно там находилась кладовая, где хранили дрова, вино, зерно и оружие. В некоторых донжонах в нижней комнате, кроме того, существовал колодец или же вход в подземелье, вырытое под замком и ведущее в открытое поле, что, впрочем, встречалось довольно редко. Кстати, подземелье, как правило, служило для хранения съестных припасов в течение года, а вовсе не для того, чтобы облегчить тайное бегство, романтическое или вынужденное.

Донжон: внутреннее убранство и мебель

Интерьер жилища сеньора можно охарактеризовать тремя чертами: простота, скромность убранства, малое количество мебели. Мы уже описали расположение комнат внутри донжона. Добавим, что аналогичная планировка была и в городском доме сеньора (княжеском или епископском), и в неукрепленном имении, как, например, в Южной Англии в начале XIII века: здание могло иметь план удлиненного прямоугольника вместо квадрата или круга, но главная комната все равно занимала весь второй этаж, сообщение с внешним миром обеспечивало каменное крыльцо, а с часовней и другими жилыми помещениями (находившимися на том же или верхнем этаже) — многочисленные коридоры. Первый этаж освещался плохо, он служил кладовой или же местом размещения воинов.

Но вернемся к донжонам и главному залу. Каким бы он ни был высоким (от 7 до 12 метров) и просторным (от 50 до 150 метров), зал всегда оставался одной комнатой. Иногда его разделяли на несколько помещений какими-нибудь драпировками, но всегда лишь на время и в силу определенных обстоятельств. Отделенные таким манером трапециевидные оконные проемы и глубокие ниши в стене служили маленькими гостиными. Большие окна, скорее высокие, нежели широкие, с полукруглым верхом, устраивали в толще стены аналогично башенным бойницам для стрельбы из лука. Перед окнами располагалась каменная скамья, служившая для того, чтобы беседовать или смотреть в окно. Окна редко стеклили (стекло — дорогостоящий материал, применявшийся в основном для церковных витражей), чаще они закрывались небольшой решеткой из ивового прута или металла или же затягивались проклеенной тканью или промасленным листом пергамента, прибитого к раме. К окну прикреплялась откидная деревянная створка, чаще внутренняя, а не внешняя; обычно ее не закрывали, если только не спали в большом зале. Несмотря на то, что окна были немногочисленными и довольно узкими, они все же пропускали достаточное количество света для освещения зала в летние дни. Вечером или зимой солнечный свет заменял не только огонь камина, но и смоляные факелы, сальные свечи или масляные лампы, которые прикрепляли к стенам и потолку. Таким образом, внутреннее освещение всегда оказывалось источником тепла и дыма, однако этого все равно не хватало, чтобы победить сырость — настоящий бич средневекового жилища. Восковые свечи, так же как и стекло, предназначались только для самых богатых домов и церквей.

Пол в зале настилали из деревянных досок, глины или, реже, каменных плит, однако, каким бы он ни был, он никогда не оставался неприкрытым. Зимой его устилали соломой — или мелко нарубленной, или сплетенной в грубые циновки. Весной и летом — камышом, ветвями и цветами (лилиями, гладиолусами, ирисами). Вдоль стен клали душистые травы и благовонные растения, такие, как мята и вербена. Шерстяные ковры и покрывала из вышитых тканей, как правило, использовались для сидения только в спальнях комнатах. В большом зале все обычно располагались на полу, подстилая шкуры и меха.

Потолок, он же и пол верхнего этажа, часто оставался необработанным, однако в XIII веке уже стали пытаться украшать его балками и кессонами, создавая при этом геометрические узоры, геральдические фризы или же витиеватый орнамент с изображением животных. Иногда так же расписывались и стены, но чаще их просто красили в какой-нибудь определенный цвет (предпочтение отдавалось красной и желтой охре) или покрывали рисунком, имитировавшим вид тесаного камня или шахматной доски. В княжеских домах уже появляются фрески с изображением аллегорических и исторических сцен, заимствованных из легенд, Библии или литературных произведений. Известно, например, что король Англии Генрих III любил спать в комнате, стены которой украшали эпизоды из жизни Александра Македонского, героя, вызывавшего в Средние века особое восхищение. Однако подобная роскошь оставалась доступной лишь суверену. Обычному вассалу, обитателю деревянного донжона, приходилось довольствоваться грубой голой стеной, облагороженной лишь его собственными копьем и щитом.

Вместо настенных росписей использовали гобелены с геометрическими, растительными или историческими мотивами. Впрочем, чаще это не настоящие гобелены (каковые обычно привозились с Востока), а в основном вышивка по толстой ткани, вроде так называемого «ковра королевы Матильды», хранящегося в Байе. Гобелены позволяли скрыть дверь или окно или разделить большое помещение на несколько комнат — «спален». Это слово довольно часто обозначало не комнату, где спали, а совокупность всех гобеленов, вышитых полотен и различных тканей, предназначенных для внутреннего убранства. Отправляясь в путешествие, гобелены всегда брали с собой, ведь они составляли основной элемент украшения аристократического жилища, способный придать ему черты индивидуальности.

Мебель в XIII веке существовала только деревянная. Ее постоянно передвигали (*Слово «мебель» и происходит от слова mobile (фр.) — подвижный. (Примеч. пер.)*), поскольку, за исключением кровати, остальные предметы мебелировки не имели единого предназначения. Так, сундук, основной вид мебели, служил одновременно шкафом, столом и сиденьем. Для выполнения последней функции он мог обладать спинкой и даже ручками. Однако сундук — это только дополнительное сиденье. В основном сидели на общих скамьях, иногда разделенных на отдельные сиденья, на небольших деревянных скамеечках, на маленьких табуретках без спинки. Кресло предназначалось хозяину дома или почетному гостю. Оруженосцы и женщины сидели на охапках соломы, порой накрытых вышитой тканью, или же просто на полу, как слуги и лакеи. Несколько досок, положенных на козлы, составляли стол, на время трапезы его устраивали в центре зала. Он получался длинным, узким и несколько выше современных столов. Сотрапезники садились с одной стороны, оставляя другую свободной для подачи блюд.

Мебели было немного: кроме сундуков, в которые как попало пихали посуду, домашнюю утварь, одежду, деньги и грамоты, иногда имелись шкаф или буфет, реже — сервант, куда самые богатые помещали драгоценную посуду или ювелирные изделия. Часто подобную мебель заменяли ниши в стене, завешиваемые драпировкой или закрываемые створками. Одежду обычно не складывали, а свортывали и ароматизировали. Также свортывали грамоты, написанные на пергаменте, перед тем как положить их в полотняную сумку, служившую чем-то вроде сейфа, где, кроме того, сохранялись один или несколько кожаных кошельков.

Для получения более полного представления о мебели и декоре главного зала донжона, нужно еще добавить несколько шкатулок, кое-какие безделушки и некоторые культовые принадлежности (реликварии, кропильницы). Как мы видим, в этом отношении весьма далеко до изобилия. В спальнях стояло еще меньше мебели: у мужчин — кровать и

сундук, у женщин — кровать и что-то вроде туалетного столика. Никаких скамей и кресел, сидели на соломе, покрытой тканью, на полу или на кровати. Огромная квадратная кровать выглядела скорее широкой, чем длинной. По одному обычно не спали. Даже если хозяин замка и его жена имели отдельные спальни, у них все равно была одна общая кровать. В комнатах детей, слуг или гостей кровати также являлись общими. На них спали вдвоем, вчетвером или вшестером.

Кровать сеньора обычно стояла на возвышении, головой — к стене, ногами — к камину. Из деревянного каркаса создавали некое подобие свода, куда навешивали полог, чтобы отгородить спящих от внешнего мира. Постельные принадлежности почти ничем не отличались от современных. На соломенный тюфяк или матрас укладывали перину, поверх нее стелили нижнюю простыню. Ее покрывали верхней простыней, которую не заправляли. Сверху лежало пуховое или ватное одеяло, простеганное наподобие современных. Валик и подушки в наволочках также похожи на те, какими мы пользуемся сегодня. Белые вышитые простыни делали из льна или шелка, шерстяные покрывала подбивали мехом горноста или белки. У людей менее зажиточных вместо шелка использовалась мешковина, а вместо шерсти — саржа.

В этой мягкой и просторной кровати (настолько широкой, что застелить ее можно было, лишь помогая себе палкой) обычно спали совершенно обнаженными, но с колпаком на голове. Перед тем как лечь спать, одежду вешали на вбитый в стену стержень вроде вешалки, выступавший почти до середины комнаты параллельно кровати, на себе оставляли только рубашку, но и ее снимали уже в кровати и, свернув, клали под подушку, чтобы вновь надеть ранним утром, перед тем как встать.

Камин в спальне топили не весь день. Его разводили лишь вечером во время семейного бдения, проходившего здесь в более интимной обстановке, чем в большом зале. В зале же был поистине гигантский камин, рассчитанный на крупные поленья; перед ним стояло несколько лавок, на которых могли расположиться десять, пятнадцать или даже двадцать человек. Вытяжной колпак конической формы с выступающими стойками образовывал нечто вроде домика внутри зала. Камин ничем не украшали, обычай помещать на нем семейный герб появился лишь в начале XIV века. В некоторых, более просторных залах иногда сооружали два-три камина, но не у противоположных стен, а все вместе в центре помещения; для их очага использовали цельный плоский камень огромных размеров, а вытяжной колпак возводили в виде пирамиды из кирпича и дерева.

Повседневная жизнь в замке

Основная черта жизни в замке — ее монотонность. Оживление наступало лишь несколько раз в году: между Пасхой и Днем Всех Святых, когда замок действительно выполнял функцию военного, политического и экономического центра; во время ярмарок, праздников, после жатвы или сбора винограда, в дни, когда наступал срок выплаты оброков, созыва войска или суда. Впрочем, подобные случаи происходили не так уж часто, и в течение многих дней замок казался пустынным и печальным. Мужчины скучали за его стенами и старались покидать его как можно чаще; они выезжали на охоту, турниры или просто в поле. Свои силы они тратили на бесконечные распри с соседями, страстно мечтая о каком-нибудь дальнем походе, который подарил бы им возможность увидеть новые и чудесные горизонты. Женщины ждали их возвращения в неуютном зале донжона, проводя свои дни за вышивкой. Именно монотонностью повседневной жизни объясняется то, что поистине каждый гость встречался здесь с радостью. Будь это странник, чьи рассказы о путешествиях давали повод помечтать; или жонглер, фокусы и акробатические трюки которого всегда помогают развлечься; или трувер (*Трувер (trouvere, фр) — поэт*

средневековой Франции (Примеч. пер.)) со своей стихотворной повестью о приключениях короля Артура и его рыцарей, рождавшей восхищение в душе. Особую радость доставлял визит почетного гостя. Ему отводили парадную комнату рядом со спальней хозяина, где с гордостью выставляли напоказ все самое ценное из того, чем владели в замке.

XII век — настоящее время гостеприимства. И в замке, и в хижине любой гость оказывался желанным. Послушаем рассказ Кретьена де Труа о том, как Ланселот и два его товарища были приняты семьей одного из низших вассалов: «Выехав из леса, они заметили дом какого-то рыцаря. Его жена сидела у входа и казалась весьма приветливой. Едва завидев их, она поднялась, пошла им навстречу и радостно приветствовала, говоря: «Будьте желанными гостями. Я рада принять вас в своем доме. Сойдите с лошадей, вы найдете здесь гостеприимный приют». — «Мадам, мы благодарны вам. Раз вы нас просите, мы сойдем с лошадей и переночуем у вас». Они спешили. Имея много прислуги, дама тотчас велела позаботиться о лошадях. Она созвала сыновей и дочерей, все незамедлительно сбегались: рыцари, любезные и обходительные юноши, прекрасные девушки. Своим сыновьям она повелела снять седла с лошадей и привести их в порядок, на что те охотно согласились. Дочерей она просила помочь гостям снять их оружие. Те поспешно выполнили просьбу, после чего каждому из гостей они накинули на плечи короткий плащ. Затем их повели внутрь дома, облик которого показался им красивым. Хозяина еще не было: он охотился в лесу вместе с двумя сыновьями. Остальные дети вышли ему навстречу, они взяли у него крупную дичь и сказали: «Сир, знайте, что у нас в гостях два рыцаря». — «Да будет славен Господь за это», — ответил он. Пока отец и сыновья радостно приветствовали рыцарей, остальные домочадцы хлопотали по хозяйству. Каждый спешил выполнить свою часть работы: одни помогали в приготовлении пищи, другие в это время зажигали свечи. Третьи принесли полотенце, таз и воду для мытья рук и наливали ее, не жалея. Вымыв руки, каждый шел на свое место за столом. И все было приятным в этом доме, и ни в чем не было недостатка» **3**.

Крестьянский дом

Жилищем крестьянина обычно служила жалкая хижина, вид ее повсюду одинаков. Можно отметить лишь незначительные местные различия в использовании материалов. Иногда стены дома делали не целиком из дерева, а строили только каркас из брусьев и заполняли его саманом — смесью глины и рубленой соломы. В Центральной и Южной Франции вместо самана зачастую использовали обычную промятую глиняную массу. В крыше оставляли отверстие для выхода дыма, а ее саму сооружали из соломы, реже — из черепицы или шифера. Остальные отверстия были немногочисленными и очень узкими: только одна дверь и одно окно, закрывавшееся изнутри деревянным ставнем. Дом состоял из одной комнаты с нишами для кроватей и помещения, служившего кухней. Стены голые, потолок низкий, глинобитный пол покрыт соломой или сеном. Здесь работали, принимали гостей, готовили пищу, ели и спали.

Как и хижина, мебель тоже была неудобная и убогая: большой ларь, его размерами определялась состоятельность хозяина; одна или две лавки, табуретки, одна или несколько кроватей, на которых могли спать от двух до восьми человек. Если требовался стол, вместо него на козлы клали старую дверь. И хотя эта мебель, вытесанная из дубовых досок, выглядела весьма примитивно, она в то же время оказывалась достаточно прочной и зачастую передавалась по наследству из поколения в поколение.

В доме редко делали подвал. Обычно его заменял погреб, который прилаживали к одной из сторон хижины, устраивая частично под землей. Зато над потолком комнаты всегда существовал чердак, куда взбирались по наружной лестнице. Там крестьянин хранил

самое ценное, чем он владел, — зерно. Число и размеры подсобных помещений вокруг дома зависели — как и в случае с ларем — от состоятельности владельца. Крупный землевладелец, считавшийся первым человеком в деревне, имел крытое гумно, куда он убирал свою пшеницу, сено и солому; навес, под которым он хранил плуг и рабочие инструменты; стойло, овчарню, один или несколько свинарников, возможно, конюшню. Простой поденный рабочий ничего этого не имел и вынужден был хранить свое скудное сено, немногочисленные инструменты и, возможно, домашнюю птицу в той же комнате, где он ел, спал и где жила вся его семья. За хижинкой обычно разбивали небольшой садик. Бедняки пытались вырастить в нем репу и какую-нибудь зелень, люди зажиточные сажали там разнообразные овощи, виноград и волокнистые растения.

Как и владелец замка, крестьянин проводил мало времени внутри дома. И зимой, и летом он обычно находился вне его стен, в поле или в саду, на реке, мельнице, рынке или же в пути. Он испытывал мало привязанности к дому и нисколько не стремился его украсить или сделать удобнее. К тому же поиск новых земель и необходимость севооборота заставляли земледельца довольно часто сниматься с места. Даже в пределах одной сеньории, виллан нередко менял свой надел, а значит, и жилье.

1. Подробное описание западно-европейского средневекового замка подобного типа, снабженное, кстати, рисунками, можно найти в книге замечательного популяризатора исторических знаний в России начала XX века, тогдашнего директора Императорского Царскосельского лицея К. А. Иванова «Средневековый замок и его обитатели», СПб., 1912.

2. Недолго прожил Ричард Львиное Сердце в своем замке Шато-Гайяр, как, впрочем, и всюду, где бы он ни был. «Викинг во французской культуре» — так назвала этого блистательного героя Западной Европы О. А. Добиаш-Рожественская (1874—1939), историк-медиевист и палеограф, вобравшая в полной мере традиции как русской, так и французской школы медиевистических исследований. См. ее книгу о Ричарде Львиное Сердце, первым изданием вышедшую в 1925 году, «Крестом и мечом. Приключения Ричарда Львиное Сердце». Подготовка издания и послесловие Б. С. Кагановича. М.: Наука, 1991. См. также: Перну Р. Ричард Львиное Сердце. М.: Мол. гвардия, 2000 (серия «Жизнь замечательных людей»).

3. Cbretien de Troyes. Le chevalier de la Charrette. Trad, d'après l'édition de M. Roques, Paris, 1958, vers 2510—2565.

Глава 5. "К столу, милости просим!"

Сведения о средневековой пище сообщают в основном меню роскошных обедов XIV—XV веков и описания изысканных кулинарных рецептов из многочисленных трактатов для мещан. О том, что ели до середины XII века, никаких сведений нет. И еще меньше известны связанные с едой привычки и обычаи того времени, особенно те, что существовали в крестьянской среде. Поскольку специальные источники отсутствуют, данные об этой стороне жизни можно получить лишь косвенным путем, изучая сельскохозяйственные работы и торговлю. Там мы найдем намного больше информации, нежели в технических, повествовательных или литературных источниках. Так, куртуазные романы, как правило, многословно описывают ритуалы и обычаи трапезы, но оказываются довольно сдержанными, когда речь заходит о содержании меню и способах приготовления пищи. Эта странная сдержанность довольно часто мешает авторам сообщить нам, чем же конкретно насыщались герои; мы знаем только, что «они ели много богатой и прекрасной пищи». Вот характерный пример:

«Слуги устроили стол и приготовили его для трапезы. Вымыв руки, трое сотрапезников, не медля, сели. Вам было бы скучно, если бы я стал перечислять мясные блюда, которые им подавались. Лучше, если я умолчу об этом. Мои слушатели будут освобождены от лишнего груза, а я — от бесполезного труда. Однако я не солгу, если скажу вам, что они ели мясо превосходного качества и пили прекрасные вина сколько хотели» 1.

Эта уклончивость тем более огорчает, что как раз в этот период произошли существенные изменения в истории питания. Совершенствование сельскохозяйственных систем повлекло за собой появление новых высокоурожайных культур; развитие скотоводства позволило увеличить потребление мяса; злаки перестали быть единственной пищей низших классов; угроза голода уменьшилась; вырос товарообмен продуктов; изменились вкусы; манеры поведения за столом приобрели некую изысканность.

Но, несмотря на наличие белых пятен в документальных источниках, обрисовать картину того, что же все-таки подавалось на стол сеньорам и крестьянам в XII веке, нам в целом удастся. Менее всего известны не конкретные продукты питания того времени, а способы их приготовления (литература дает весьма экстравагантные сведения на этот счет), а также их количество, употребляемое за один прием, как в дни пирушек и празднеств, так и по будням.

Еда крестьянина

Главная пища вилланов и сервов — злаки. Не всегда из них выпекали хлеб — по крайней мере, не из всех видов, — в основном варили каши и делали лепешки. Более всего были распространены ячмень, рожь и пшеница, их часто сеяли и убирали вместе, чтобы затем получить суржу — муку для выпечки сероватого хлеба. В горных районах возделывали также полбу, разновидность пшеницы, а в южных — различные сорта проса. Супы и каши часто готовились из овса, а также из конопляного семени, различных овощей (бобов, гороха, капусты) или дикорастущих плодов (каштанов, желудей). Для кормления животных злаки стали употреблять только в самом конце Средневековья.

Однако уже в конце XII века улучшение условий жизни и относительное повышение благосостояния позволили крестьянину питаться не только хлебом, лепешками и кашами. В меню крестьянина появилось много нового. Ценная домашняя птица снабжала его яйцами (употреблявшимися в большом количестве), мясной пищей (цыплята, каплуны, гуси), а также позволяла выплачивать некоторые оброки натуральными продуктами. Твердые и мягкие сыры изготавливали из овечьего или коровьего молока, иногда с добавлением различных трав. Рыбу покупали — соленую или копченую (обычно селедку) — или ловили (частенько тайком) в соседней реке или пруду. Некоторые овощи выращивали в небольшом садике за хижинкой (кроме тех, что уже упоминались, это чечевица, фасоль, чеснок, репа, лук-порей и лук репчатый). Многочисленные фрукты зрели в саду, на кустах, в лугах или в лесах: конечно же, яблоки, груши, а также тутовник, терн, мушмула, боярышник, рябина, орехи, брусника, черника и другие. Интересно, что когда в тексте упоминается неопределенный фрукт, то во Франции под ним подразумевается яблоко, а в Англии — груша. Наконец, этот список дополняет мелкая дичь, добытая, как правило, незаконно, а также свиное мясо; свинью обычно закалывали в декабре и старались подольше питаться солониной.

Будь то злаки, мясо или рыба, на кухне всегда использовали множество приправ и специй (чеснок, горчица, мята, петрушка, тимьян и др.). Жареные блюда практически отсутствовали. В основном на стол подавали нечто среднее между рагу и супом с острой приправой и соусом на основе хлебного мякиша, кислого вина, лука, орехов, иногда с небольшим количеством перца или корицы, купленных буквально на вес золота у торговца пряностями.

Естественно, подобное меню могли позволить себе только зажиточные земледельцы. Для большинства сервов основной пищей оставались хлеб да каша, а остальные продукты

служили для них не более чем дополнением, обычно сберегаемым к праздникам. В XII веке крестьяне еще боялись неурожая зерновых. Низкая урожайность и плохо развитая технология консервирования продуктов затрудняли запасы на год и ставили земледельцев в зависимость от климатических условий. Неурожай и голодные годы реже, чем в XI или XIV веках, но все-таки случались. Несмотря на определенный прогресс в сельском хозяйстве, в сознании крестьянина все еще жили страх голода и неотступная мысль о хлебе насущном, что подтверждают образы крестьянской мифологии: мельник предстает человеком ненадежным, предателем и спекулянтом, а мясник, наоборот, персонаж весьма привлекательный. Но главное место в различных вариантах занимает тема умножения хлебов. Фольклорные и литературные источники полны рассказов о похищении еды, различных пирушках или чудесных превращениях грубых материальных предметов в прекрасные яства. Так, в «Романе о Лисе» основная причина проделок Лиса — это голод, ведь большинство его приключений начинаются с констатации полного отсутствия пищи:

«Было то время, когда заканчивается лето и начинается зима. С печальным разочарованием Ренар отметил, что все запасы истощены: дома больше не было никакой еды, ни одного су, чтобы купить что-нибудь съестное, не было ничего, что могло бы оживить силы. Тогда, подтачиваемый нуждой, он пустился в путь...» 2

Еда сеньоров

Пища сеньоров, так же как и еда крестьян, зависела от их состоятельности и местности, где они жили. Обычный владелец замка в Мэне или Пуату питался почти так же, как средний рыцарь в Кенте. И у того, и у другого обычный прием пищи три раза в день больше напоминал трапезу зажиточного земледельца, нежели их сюзерена короля.

Впрочем, не следует преувеличивать — как это делают эпические песни — даже роскошь королевских пиршеств в данную эпоху. Она появится несколько позже. Самое раннее, исторически неопровержимое свидетельство о роскошном пиршестве короля Франции принадлежит Жуанвиллю, повествующему о пире в честь Альфонса де Пуатье, брата Людовика Святого, устроенном в помещении крытого рынка в Сомюре в 1241 году. И если изобилие в еде уже стало «первой роскошью среди остальных», по удачному выражению Жака Ле Гоффа 3, данный период все же еще нельзя назвать временем кулинарных изысков и снобизма в отношении еды. Конечно, обжорство и чревоугодие уже превратились в распространенный порок всех слоев аристократического общества, пировавшего один, а то и два дня в неделю, однако настоящей изысканной кухни еще не существовало. Ее развитие началось лишь во второй половине XII века и связано с увеличением числа зажиточных горожан. Мещане гораздо раньше дворян начали искать в изысканной кухне свидетельство социального успеха и даже некоторую этику. Для сеньоров XII века излишества в еде еще не имели подобной ценности и не носили идеологического характера. Они с одинаковой легкостью то предавались обжорству, то ограничивали себя. Так, для рыцарей Круглого стола дни изобилия при дворе короля Артура сменялись неделями воздержания во время их приключений, когда им приходилось довольствоваться хлебом и водой — угощением гостеприимного отшельника. Впрочем, это литературное преувеличение. Что же на самом деле вкушали благородный сеньор и его окружение, сидя в большом зале донжона, который не был ни замком Камелота, ни хижинкой отшельника?

Вместо злаков они питались в основном мясом — это главное отличие их меню от крестьянского рациона. Они не ели ни лепешек, ни каш, очень мало хлеба, зато мясные блюда присутствовали в изобилии. Прежде всего дичь, ведь охота на нее являлась привилегией аристократии: олени, лани, косули, кабаны, зайцы, куропатки, перепела,

фазаны; в некоторых областях — бакланы, тетерева, каменные бараны и даже медведи. Затем домашняя птица: гуси, каплуны, цыплята, голуби; а также павлины, лебеди, ржанки, журавли, цапли, выпи, подававшиеся во время праздников (утки считались практически несъедобными). Наконец, мясо с бойни, большей частью свиное. В пищу никогда не употребляли конину и вплоть до середины XIII века быков разводили только для работы на поле, а баранов — для стрижки шерсти.

Также на стол сеньора подавалось много рыбы. Ее ели свежей, если ловили в водоеме с пресной водой; или вяленой, соленой или копченой, если привозили с моря. При этом значительное предпочтение отдавалось свежей рыбе: лососю, угрю, миноге и щуке. Иногда баловали себя мясом некоторых китообразных (морских свиней, китов) и даже акул, ценившихся не столько за пресный вкус, сколько за редкость. Зато почти не ели моллюсков, кроме устриц, употреблявшихся вареными, и ракообразных. Жареная, вареная или приготовленная как начинка для пирога рыба, как и мясо, подавалась с соусом или фаршем, в состав которых входило множество пряностей и специй, выращенных в саду (лук, чеснок, петрушка, укроп, щавель, кервель), дикорастущих местных растений (тимьян, мята, майоран, розмарин, грибы) или привезенных с Востока (перец, корица, тмин, гвоздика). Основу всех приправ составляли чеснок, перец, мята и вино, смешанное с медом.

«Зелень» — овощи из своего сада — в скоромные дни не ели. Они предназначались для постов или более легких трапез. В обычные дни на стол подавали только мясо, иногда добавив к нему несколько листиков салата (самые любимые в те времена — латук и кресс-салат) или вареные фрукты (груши, персики, сливы). Большое место после всевозможных сыров (различали твердые и мягкие сорта, с ароматическими добавками и без них) отводилось десертам. Это выпечка (мучные лепешки, сладкие пироги, пирожки с начинкой, пряники) и конфеты из меда, миндаля и фруктового мармелада. Самые богатые могли позволить себе привозимый из Святой земли тростниковый сахар, а также новые изысканные фрукты — абрикосы, дыни, финики, инжир. Остальные довольствовались яблоками, грушами, вишней, смородиной, малиной (клубника мало ценилась) и орехами. Впрочем, свежие, то есть непривозные, фрукты ели обычно не за столом, а во время прогулки по саду или лесу.

Напитки и вино

Что касается напитков, то здесь социальная разница отражалась на качестве употребляемых продуктов, а не на их ассортименте. И дворяне, и простолюдины опьяняли себя одной и той же жидкостью: вином, лучшим напитком средневековой Европы.

Пиво употреблялось лишь в некоторых областях: Фландрии, Артуа, Шампани, Северной и Центральной Англии. Там же, где его не производили, оно мало ценилось. В Анжу, Сентонже, Бургундии и даже в Париже пить пиво значило то же, что приносить покаяние. Поскольку пиво плохо сохранялось и не выдерживало перевозок, его старались выпивать сразу же после приготовления. Впрочем, пиво воспринималось скорее как женский напиток, мужчины пили его лишь в том случае, когда не хватало вина. Для получения пива в солод превращали не только ячмень, но и пшеницу, овес и полбу. Вплоть до XV века пиво не ароматизировали хмелем, и оно больше напоминало ячменное пиво, производившееся в античности (его название не сохранилось), а не тот напиток, который мы пьем сейчас. Пиво варили разных сортов: слабое, крепкое, подслащенное медом, пряное и даже мятное.

Сидр считался недостойным напитком в доме человека с нормальным достатком, он оставался уделом самых бедных крестьян Западной Франции. Более распространена была грушовка, менее кислая по вкусу; в большинстве деревень ее разбавляли водой и называли детским напитком. До семи-восьми лет дети также пили молоко, употребление которого взрослыми людьми воспринималось как признак крайнего ослабления или же безрассудства. Гораздо большее распространение получил мед, подававшийся в конце трапезы; его пили чистым или смешивали с вином, а также активно использовали на кухне для приготовления многочисленных приправ. Из некоторых дикорастущих плодов (тутовой ягоды, терна, орехов) готовили некрепкие, сильно ароматизированные вина, занимавшие, особенно у крестьян, место современных ликеров. Фруктовая водка была еще не известна, знали лишь зерновой спирт (в основном ячменный), но он чаще служил лекарством, нежели сопровождением трапезы. Наконец, перед сном пили настой из трав (вербены, мяты, розмарина) с добавлением пряностей или меда.

Но лучший напиток для всех случаев и для любого времени суток — это, конечно, вино. Считали, что оно является источником здоровья, приносит пользу для жизни человека и представляет собой дар природы, заслуживающий чуть ли не религиозного уважения. Поэтому виноград выращивали повсюду. Начиная с 1000 года виноградники появляются вдоль рек, в окрестностях городов, вокруг монастырей и замков. Часто этот процесс вызывал определенные проблемы, потому что происходил в ущерб пахотной земле, а не той, что оставалась под паром; ведь все, от самых богатых до самых бедных, стремились иметь собственный виноградник, и каждый считал свое вино лучшим. Тогда виноградники существовали далеко за пределами современных климатических границ, вплоть до Фрисландии и Скандинавии.

В Англии основными виноградарскими районами являлись Кент, Суффолк и графство Глостер. Однако на всей ее территории, вплоть до Линкольна и даже Йорка, не существовало собора или аббатства, где бы в культовых целях не производили своего вина. Во Франции виноградники располагались более беспорядочно. Три большие виноградные области, снабжавшие основную часть парижских потребителей, это Оксеруа-Тоннеруа, Онис и Сентонж, поставлявшие вино через Ла-Рошель в Англию, и, наконец, Бон, развитие которого началось в период правления Людовика Святого. Впрочем, славились и другие, не такие крупные, но тоже достаточно известные и экономически важные районы. На севере это Лаонне, Шампань, нижняя долина Сены, окрестности Парижа и Бовэ. По берегам Луары — Невер, Сансерр, Орлеан, Тур и особенно Анжер; на юге — Иссуден, Сен-Пурсен, Клермон, Кагор. Развитие бордоских виноградников началось несколько позднее. Оно относится в основном ко времени правления Генриха III, когда его материковые владения свелись к одному герцогству Гиень, что, в свою очередь, привело к исчезновению английских вин.

Большинство территорий имело свою особую специализацию. На севере производились легкие белые вина, в Бургундии — красные, густые и крепкие. Вплоть до середины XII века за аристократическим столом предпочтение отдавалось белому вину. Позднее, возможно под влиянием пристрастий мещан, вкусы изменились, и стали больше ценить столовые вина из Бона и сладкие — из Лангедока, Каталонии или с Востока. К географической разнице добавлялась социальная. Церковь, князья и богатые горожане уделяли внимание качеству разводимого винограда, а крестьяне — его количеству.

Вино, как и пиво, сохранялось плохо. Его следовало употребить в течение одного или, самое большее, двух лет. Техника виноделия еще долго оставалась на довольно низком уровне, а методы виноградарства уже тогда были весьма совершенными (без изменений

они сохранились вплоть до XIX века). Хотя старое вино порой превращалось буквально в сусло, пили его много, как и вина, настоянные на травах, приправленные перцем, медом и ароматическими веществами. Видимо, вкус натурального вина считался неудовлетворительным. Водой вино разбавляли только женщины, больные и дети. Выздоровливающему Эреку его друг Гилберт предлагает:

«Я дам вам выпить вина, разбавленного водой. У меня есть и превосходные вина, семь полных бочонков, но от чистого вина вам будет плохо, у вас еще слишком много ран» 4. И герой благоразумно следует этому совету.

Пост

Несмотря на периодические неурожаи и голод, люди XII—XIII веков ели не столько мало, сколько плохо: в крестьянской пище отмечался недостаток протеинов и избыток мучнистых продуктов, а на аристократический стол подавалась слишком обильная и чересчур пряная еда. Поэтому практика воздержания (сознательного или нет) выполняла неоспоримую диетическую функцию.

Действительно, церковь предписывала верующим соблюдение многочисленных постных дней. После григорианской реформы их количество даже возросло: в обычное время постились два дня в неделю (среду и пятницу), во время Рождественского поста — три (иногда четыре) дня в неделю; в Великий пост — все дни, кроме воскресенья; также пост соблюдался накануне всех больших праздников. К каноническим постам добавлялось полное или частичное воздержание, накладываемое в исключительных случаях епископом. На практике дело зачастую обстояло иначе, тем более что частое повторение постов сопровождалось слишком большими требованиями. Ведь пост тогда заключался в том, чтобы есть только один раз в сутки, после вечерней службы, а также воздерживаться от вина, мяса, сала, дичи, яиц, сладкого и всех животных продуктов, кроме рыбных.

Каждый соблюдал пост сообразно своим средствам: самые бедные питались водой, хлебом и овощами; самые богатые пользовались этим временем, чтобы вволю насладиться лососем, угрем, щукой, сыром (единственным допустимым молочным продуктом), а изредка — фруктами. Однако одного воздержания в еде считалось недостаточно. К нему добавлялись отказ от развлечений и охоты; необходимость сохранять целомудрие; сосредоточение в размышлении и молитве; милостыня из средств, сэкономленных на пирах и удовольствиях.

Естественно, эти ограничения чаще всего оставались только в теории. Чтобы скрупулезно выполнять предписания церкви, нужно было обладать добродетелями Людовика Святого. На самом деле каждый постился по-своему. В основном старались избегать излишеств. Среди людей, находившихся в стесненных условиях, пост был весьма непопулярен и переносился ими с трудом:

«Все те, кто имеет опыт в данной области, прекрасно знают, что пост, этот изменник, приносит одни страдания и печаль. Бедняки ненавидят его. Простые люди соблюдают его с отвращением...» Так писал в первой половине XIII века анонимный автор одной довольно любопытной поэмы «Война Поста и Масленицы». Этот стихотворный сатирический текст в эпической манере представляет борьбу двух аллегорических персонажей: Поста и Масленицы. Первый является олицетворением аскетической жизни и воздержания, его солдатами представлены овощи, рыба и фрукты. Второй воплощает изобилие и удовольствия жизни; в рядах его войска — дичь, домашняя птица, сладкие пироги и различные скромные блюда. После гомеровских сражений и решающей битвы

— «и жестокой, и ужасной, и коварной», Пост побежден и изгнан, ему позволено возвращаться на срок не более шести недель — с первого дня Великого поста до Святой субботы.

Манеры аристократического застолья

Нравы и обычаи трапезы известны лучше, чем собственно меню, хотя тоже недостаточно. Однако, хотя литература не скупится на подробные описания, они зачастую стереотипны и больше соответствуют манере автора, нежели реальности. К тому же речь в них идет только об аристократии. Иллюстративный материал не позволяет восполнить пробел в отношении других социальных категорий. Во всех изображениях застолья, что у художников, что у писателей, обычно фигурируют сеньоры и очень редко упоминаются крестьяне.

Последние десятилетия XII и первые десятилетия XIII века нельзя назвать ни временем изысканной кухни, ни временем настоящего этикета. Во Франции изменения в этой области, так же как и в моде на одежду, произошли только в годы правления Филиппа II (1270—1280). Однако это уже совсем не та грубая эпоха начала феодализма; куртуазные романы показывают значительно большую вежливость в манерах, хотя, возможно, несколько опережая действительность.

Прием гостя всегда проходил в соответствии с одним и тем же церемониалом: хозяин замка ждал гостя у въезда в свое владение, помогал ему спешиться, приказывал принять его оружие и позаботиться о лошади; одна из дочерей накидывала плащ на его плечи. Затем слуга трубил в рог, созывая сотрапезников; гостя приглашали вымыть руки под умывальником или в красивом тазу, приносимом в большой зал; протягивали полотенце, чтобы он мог вытереть руки. Все садились за стол, покрытый ослепительно белой скатертью и уставленный посудой из золота и серебра; хозяин приглашал гостя сесть рядом с ним, есть из одного блюда и пить из одного кубка. Подавались многочисленные кушанья, богатые и изысканные, и превосходные вина. Чтение, зрелища и песни помогали забыть о длительности трапезы. Наконец, с полными желудками и в веселом расположении духа все поднимались из-за стола; слуги убирали и снимали скатерти, затем господина снова мыли руки и расходились по комнатам или направлялись на прогулку по саду.

Подобные описания так часто встречаются и так мало отличаются друг от друга, что их стремление к реализму начинает казаться неправдоподобным. Но где у поэта заканчиваются общие места? Где начинается свидетельство наблюдателя?

Однако гостеприимство — совсем не литературный штамп. Средневековое общество постоянно находилось в движении, и те, кто временно сидел дома, всегда старались как можно радушнее принять путешественника. У богатых хлебосольство считалось обычаем. Ритуальное мытье рук перед тем, как сесть за стол, и после еды тоже не выдумка писателя. Из убеждения или по необходимости аристократия следила за чистотой вплоть до XVI века. Наши авторы преувеличили не столько действия, сколько обстановку. Мы уже видели, как устраивался стол в большом зале донжона: несколько досок клали на козлы, и на самом деле ни для какой пышности просто не оставалось места. Скатерть, белизна которой свидетельствовала о степени изысканности, — большая редкость, предназначенная только для праздничных дней, а о столовых полотенцах тем более никто не подозревал. Золотая и серебряная посуда, если и существовала, стояла в серванте, а не на столе. Даже князья ели из оловянной и глиняной посуды.

Не было ни вилок, ни ложек, нож зачастую подавался один на двоих. Жидкие и полужидкие кушанья слуги наливали в блюда с ушками, также обычно рассчитанные на двоих, и соседи по столу отхлебывали по очереди. Рыбу, мясо и твердую пищу подавали на широких кусках хлеба, пропитанных соусом или соком. Ножом их разделявали на куски, а затем руками отправляли себе в рот. Вино пили из чаши, она наливалась перед едой из расчета на несколько соседей, или из индивидуальных кубков, по первому требованию наполняемых виначерпием. Блюда с кухни приносили накрытыми полотенцем, а снимали его только в момент подачи. Этот обычай литературные тексты расценивают не только как способ сохранить пищу горячей, но и как средство предотвратить любую попытку отравления. В романах рассказывается также о специальных слугах, пробовавших пищу, а также описывается чудесный профилактический способ обнаружения яда посредством рога единорога или зуба змеи.

Нам мало известно о том, как протекало пиршество и в каком порядке ели блюда; тексты не согласуются в этом отношении. Обед мог начинаться с супа, пирогов, сыра или даже фруктов. Наши представления о том, что фрукты, сладости и конфеты должны завершать обед или ужин, не всегда соответствуют тогдашним обычаям. В некоторых случаях заключительным блюдом могли стать пироги. На миниатюрах обычно изображаются столы со всеми видами кушаний сразу: горячими и холодными, жидкими и твердыми, солеными и сладкими. Вполне возможно, что ели несколько блюд одновременно. В отношении мяса и рыбы точно можно сказать только одно: сначала подавали крупную дичь, потом домашнюю птицу, затем различную рыбу. В конце обычно приносили ликеры, то есть сладкие вина (не те, что пили в течение всей трапезы), например, особую настойку, обильно сдобренную пряностями.

Сколько времени длились застолья, также почти неизвестно. Они на самом деле бывали длинными, однако с уверенностью можно сказать, что тем не менее они не продолжались по пять, шесть или даже восемь часов, как повествуют о том эпические сказания. Вероятнее всего, обед в среднем длился около полутора часов, а ужин — около двух с половиной. Вечерняя трапеза действительно затягивалась дольше, чем дневная; в это время ели более основательно, и именно по вечерам жонглеры представляли фокусы, труверы читали стихи, паломники рассказывали о дальних странствиях.

1. Perseval, Seconde continuation. Trad, d'apres l'edition de C. Potvin. Mons, 1866-1871, vers 31918-31928.

2. Le roman de Renart. Trad, d'apres l'edition de LDufournet. Paris, 1970, branche III, vers 1-9, p. 229

3. Ср.: Ле Гофф. Ж. Цивилизация средневекового Запада, с. 332: «Свое превосходство верхушка общества демонстрировала прежде всего в области питания. Излишество в пище было первым из излишеств. Тут напоказ выставлялись особые продукты: дичь из садов сеньории, деликатесы, стоившие очень дорого, пряности и диковинные кушанья, приготовленные поварами. Сцены пиршеств занимают большое место в поэмах о героических деяниях». (Гл. IX. Ментальность, мир эмоций, формы поведения (X—XIII вв.). Пер. Е. Лебедевой.)

4. Chretien de Troyes. Erec et Enide. Trad, d'apres l'edition de M. Roques, Paris, 1952, vers 5108—5111. Ср.:

... а для питья

На стол вина поставлю я —

Бочонков шесть с собой у нас,

Но без воды вам пить сейчас

Его нельзя: ведь вы больны

И раны все воспалены

У вас, мой друг.

Пер. Н. Я. Рыковой. Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Указ, изд., стихи 5149—5155

Глава 6. Одежда, цвета, эмблемы

Средневековая цивилизация — цивилизация символов. Слова, жесты, привычки — все имело как явный, так и скрытый смысл. Одежде, так же как еде и жилищу — а может, и в большей степени, — придавалось социальное значение. Обычно одевались в соответствии со своим положением или сословием. Вид и объем ткани, расцветка, разнообразие узоров и аксессуаров, количество деталей костюма — все свидетельствовало о положении личности внутри определенной группы и о месте этой группы в обществе. Одеваться богаче, чем принято в данной социальной категории, считалось проявлением гордости или признаком упадка ¹. Для аристократии особенно важно было одеваться так, чтобы подчеркнуть сословную разницу и привилегии, полученные от рождения или связанные с принадлежностью к дворянству.

Однако такой иерархический характер костюма со всеми эмблемами и знаками отличия не мешал ни постоянным изменениям в манере одеваться, ни даже появлению моды, благонаправленной или эксцентричной, мимолетной или устойчивой.

Рождение моды

Действительно, в XII веке произошло то, что можно назвать рождением моды. Естественно, со времен варварских нашествий западный костюм изменился, но, скорее, путем медленной эволюции, а не ряда резких метаморфоз. Если иногда и возникали мимолетные увлечения тем или иным фасоном, это происходило от случая к случаю и не так уж часто, как с середины XII века. Распространение куртуазного идеала породило в куртуазных же кругах необычайную заботу о внешнем облике: внешность манер следовало обязательно соединять с элегантностью костюма. Как предмет роскоши одежда играла все более важную роль в экономических и социальных отношениях; ее привозили издалека, дарили в знак расположения или использовали в качестве уплаты. О людях теперь все чаще судили по их одежде; об этом свидетельствует куртуазная литература — большое место в произведениях занимают описания различных одеяний и нарядов, а персонажи разодеты иногда настолько пышно, что теряют свое правдоподобие. Так, королева Геньевра дарит Эниде, дочери бедного вассала, плащ «великолепный и превосходного качества. Воротник его украшал соболий мех. Каждая пряжка — по унции золота: с одной ее стороны блестел гиацинт, с другой — рубин, сиявший ярче карбункула. Подкладка его из белого горноста, красивее и тоньше которого никто прежде не видывал. По краю ткань была богато и чудно вышита крестом нитями всевозможных цветов: голубого, красного, фиолетового, белого, зеленого, бирюзового, желтого.. » ².

Изучаемый нами период приходится на время между сороковыми годами XII века и двадцатыми XIII века, коренным образом изменившими костюм. Первая дата символизирует своего рода революцию в манере одеваться. Действительно, к 1140 году исчезли последние черты германского костюма, принесенного в V веке варварами-завоевателями и просуществовавшего без особых изменений во времена правления Меровингов и Каролингов. Мужчины, так же как и женщины, стали носить длинное платье, вызывая возмущение со стороны церкви, видевшей в этом неуместную и женоподобную моду. Вдобавок, вместо того чтобы стричь волосы и бриться, они стали отращивать бороду и локоны и завивать их щипцами. И у мужчин, и у женщин блио (*Блио (bliaud, фр.) — мужская и женская верхняя одежда в XI—XIII веках. Мужское блио было узким, с боковыми разрезами и полукороткими рукавами или без рукавов. Женское блио имело несколько форм — длинное, с расширенными книзу рукавами и с очень широкими рукавами из гофрированной ткани. Женское блио украшали дорогими поясами ювелирной работы. (Примеч. пер.)*) и плащи спадали чуть ли не до земли; рукава сделались шире и длиннее, закрывая иногда даже кисти рук; на ногах носили экстравагантные туфли из мягкой кожи с огромными загнутыми носками,

набитыми конским волосом, — пигаш, остававшиеся в моде вплоть до последних лет правления Людовика VII. Широко распространилось пристрастие к аксессуарам, мягким, шелковистым тканям, ярким цветам и покрою, подчеркивавшему формы тела. Дворяне начали постоянно заботиться об изысканности одежды, несмотря на осуждение священников, видевших в этом, как, например, святой Бернар, сугубую привязанность к мирским вещам и легкомыслие, подобное распутству. В 1220 году, а в южных областях даже несколько раньше, произошло другое важное изменение: исчезло блио и появилось сюрко, похожее на тунику без рукавов, одевавшееся поверх платья, или котт (*Котт или кот (cotte, фр., англ.) — средневековая мужская и женская одежда. До XII века соответствовала блузе. Длина котт у мужчин изменялась с течением времени. До XII века — выше колен, затем ниже щиколоток, в XIV веке стала короткой. Женская котт соответствовала современному платью, до XIV века была цельнокроеной, иногда с откидными рукавами. С XIV века поверх котт надевали сюрко. Мужское сюрко — короткое, женское — длинное. Женское сюрко часто делали без рукавов. Как официальная одежда королев сюрко сохранилось до начала XVI века. (Примеч. пер.)*). Единообразие сменила одежда более индивидуальная, однако к этому мы вернемся несколько позже. Такое изменение сопровождалось и возникновением новой моды: у женщин в моду вошли плотно облегающая одежда, высокая и небольшая грудь, спрятанные под головной убор волосы; у мужчин модным считалось брить лицо и носить короткие волосы, начесанные вперед, искусно завитые на висках и собранные шнуром на затылке. Уменьшение длины волос на голове и лице связано с использованием воинами большого закрытого шлема, получившего особое распространение после битвы при Бувине 3.

Таким образом, в XII и XIII веках, как и в наши дни, одежда изменялась под влиянием моды и больше зависела от времени, чем от географии. Если не принимать в расчет климатических условий, манера одеваться была практически одинаковой в Лондоне и Париже, в Йорке и Бордо. Местные особенности, если они и существовали, выражались прежде всего в цвете и качестве тканей, а не в покрое и характере костюма. Правда, одежда не имела и возрастных ограничений: все дети одевались точно так же, как и взрослые, кроме грудных младенцев, тщательно завертываемых в пеленки, откуда выглядывала одна лишь головка. Разница заметна только в половой принадлежности костюма, однако и она тоже не очень резко бросалась в глаза.

Впрочем, здесь мы намерены исследовать мужской и женский костюм отдельно. Но нам придется ограничиться лишь одеждой аристократии: одежда крестьян не представляет достаточного материала для детального изучения не только из-за неполноты документальных источников, но еще и потому, что костюм виллана зачастую представлял грубую и упрощенную копию костюма его сеньора.

Ткани и цвета

Социальную значимость одежды подчеркивало необычайное множество «ритуальных» действий, связанных с процессом одевания, а также огромный ассортимент тканей. Их производством занимались в основном женщины: крестьянки убирали лен, стригли овец, чесали и красили шерсть; хозяйки замков проводили свободное время за прялкой, ткацким станком или вышивкой.

Самыми распространенными были полотняные ткани местного производства: кэнсил 4 — тонкое льняное полотно, из которого шили рубашки и простыни; тик — плотный материал из конопли, используемый для подкладки и рабочей одежды; бумазая — полотняная ткань с добавлением хлопка (привозимого из Египта и Италии), она равным образом подходила и для шитья одежды, и для убранства помещения. Шерстяные ткани производились только в отдельных областях (во Фландрии, Шампани, Нормандии, в Центральной и Восточной Англии). Их качество не оставило бы равнодушным и

современного кутюрье: это и обычные простыни из саржи, и тирлен, и знаменитый станфорт — плотная шерстяная ткань, производимая в Стамфорде, и превосходный камлот, мягкий, легкий, напоминавший верблюжью шерсть. В каждом городе имелись свои особенности в отношении качества, цвета и узоров. Существовали ткани гладкие (то есть одноцветные), пестрые (узорчатые), камчатные (с каймой из цветочных мотивов или вязью), в горошек или полоску.

Самые разные шелковые ткани, так любившиеся на Западе, привозили с Востока, из Египта и из Сицилии. Дамаст переливался несколькими оттенками, остерлен славился глубоким фиолетовым цветом. Сиглатон везли с Кикладских островов, бофю — из Византии, бодкен — из Багдада. Наиболее изысканными считались парча — плотная роскошная ткань, пэль — затканное полотно из Александрии и муслин — мягкий материал, напоминавший современную тафту.

Появление моды на меха, так же как на шелковые ткани, связано с развитием торговли. Из Сибири, Армении, Норвегии и Германии экспортировали самые роскошные меха: куницу, бобра, соболей, медведя, горноста и белку. Особенно ценились последние два. На белый горностаевый мех мастера набирали крапинки из черных кончиков хвоста, а беличий мех сшивали, чередуя шкурки так называемой «сибирской белки» с белым животиком и серо-голубой спинкой. Такой мех шел на воротники и подкладку парадных одежд. Мех местных животных (выдры, барсука, каменной куницы, лисы, зайца, кролика, барана) ценился намного меньше; его обычно вшивали внутрь рукавов или в пелиссон (*Пелиссон (pelisson, фр.) — свободная длинная или полудлинная мужская и женская одежда на меху с широкими длинными рукавами или без них. Мужские пелиссоны иногда делали с капюшонами. В XIV веке пелиссоном называли и плащ на меховой подкладке с прорезями для рук (Примеч. пер.)*). Самые простые меха, например, кролика, красили в красный цвет и использовали для отделки рукавов и внутреннего края блио.

Мода диктовала и свои требования в отношении цвета. Его выбор определялся иерархическими соображениями. Больше всего ценился красный — «цвет цвета». В те времена умели находить множество оттенков этого совершенного цвета, используя красящие растения (например, марену) и животные вещества (кошениль). Помимо красного в одежде предпочитали белый и зеленый цвета. Желтый не отличали от золотого и употребляли очень умеренно. Голубой стал восприниматься как изысканный цвет только во времена правления Людовика Святого, а до этого он обычно предназначался для будничной одежды, так же как серый, черный, коричневый.

Вообще-то, в Средние века в цветах разбирались гораздо лучше, нежели в античную эпоху или в наше время. Каждый цвет оценивался по степени яркости. Красный, белый, желтый «излучали больше света» и поэтому считались самыми изысканными, а те краски, которые отсутствие технических знаний не позволяло сделать «светящимися», оставались в забвении. Это подтверждается семантическим исследованием, наглядно показывающим, что люди средневековья в голубом цвете видели безвкусную бледность, в сером — нечто грязное или неопределенное, в коричневом — слишком темный тон, в черном — мертвое, тяжелое отсутствие цвета как такового.

Мужской костюм

Утром сеньор последовательно надевал **брэ** (*Брэ (braies, англ., фр.) — короткие штаны в эпоху Средневековья (Примеч. пер.)*), рубашку, **шоссы** (*Шоссы (chosses, фр.) — длинные, плотно облегающие ноги разъемные штаны-чулки, используемые в XI—XV веках (Примеч. пер.)*), туфли, пелиссон и блио. Если он собирался уезжать, то к этому добавлялись плащ, головной убор и сапоги. Отправляясь на войну, поверх обычной одежды он облачался в военное снаряжение.

Брэ — единственная исключительно мужская деталь костюма. Они представляли собой штаны из тонкого полотна длиной до лодыжек, штанины могли быть прямыми, с напуском или присборенными. Древний обычай красить их в красный цвет исчез в течение XII века с появлением моды на шелковые и кожаные брэ. За исключением кожаных, они были непременно белыми даже у тех, кто носил брэ из тонкого льняного полотна. Брэ затягивались на талии кожаным или тканым поясом, к которому привязывали кошелек и ключи и иногда прикрепляли подвязки, державшие шоссы. Впрочем, чаще они держались за счет другого вида подвязок — круглых, прикреплявшихся к специальному поясу. Шоссы чем-то напоминали мягкие чулки до середины бедра, плотно обтягивавшие ногу. Их вязали из шерсти, шили из ткани, даже из шелка, обычно темного цвета (коричневого, карминного, зеленого), исключение составляли выходные шоссы с горизонтальными полосками из разноцветных лент.

Рубашка представляла из себя глухую нижнюю тунику с двумя разрезами внизу — спереди и сзади, закрывавшую брэ и шоссы до середины икры, обычно она была белая или некрашеная; ее длинные рукава стягивались на запястье. Ее шили из саржи для крестьян, из грубой ткани (так называемая власяница) — для монахов, желавших принести покаяние, из тонкого льняного полотна или шелка — для рыцарского сословия. Самые нарядные рубашки украшали гофрированной манишкой и вышивкой на вороте и обшлагах, то есть там, где они выглядывали из-под блию. В XIII веке широкое распространение получила льняная рубашка, став короче и более облегающей. Обычно на ночь ее снимали и меняли через одну-две недели. Зимой между рубашкой и блию надевали что-то вроде длинного жилета без рукавов: пелиссон из меха, вшитого между двумя слоями ткани. Он считался роскошной одеждой, теплой и удобной. Пелиссон украшали лентами, шитыми золотом и серебром, а также мехом у горловины и проймы, что придавало ему весьма элегантный вид и позволяло появляться в нем вечером в неофициальной обстановке.

Блио — одежда в высшей степени благородная — это шерстяное или шелковое платье с глубоким вырезом, одевавшееся через голову, с полудлинными и очень объемными рукавами, с широкой юбкой в складку с разрезами спереди и сзади, спадавшей до пят. Его подвязывали поясом, позволявшим делать напуск, как у блузы. К концу правления Филиппа Августа блию постепенно заменило котт — шерстяное платье, несколько короче, более облегающего силуэта, с длинными и узкими рукавами. На выход поверх котт надевали сюрко, платье того же покроя, но без рукавов и длиной до колена. Его шили из роскошных тканей (парчи, муслина, пэль) яркого цвета, контрастного с цветом котт.

Плащ, как и блию, также считался одеждой для дворян. Он мог быть разной формы, но чаще шили круглый из подбитого мехом сукна, полудлинный, без рукавов и с разрезом на боку; на плече он застегивался пряжкой или завязывался шнурами. Плащ нередко украшали вышивкой и бахромой. Во время путешествия или дождя его заменял **шап** (*Шан (chape, фр. — плащ с рукавами и капюшоном (Примеч. пер.))*) — просторная закрытая накидка (из невымоченной шерсти) с капюшоном, надевавшаяся как **шазюбль** (*Шазюбль (chasuble, фр.) — ритуальная (литургическая) одежда католических священников в XI—XV веках (Примеч. пер.))*).

Всевозможную обувь, в принципе, можно разделить на две категории: туфли и башмаки. Туфли делали из кожи или ткани, по форме они напоминали современные мягкие туфли; их надевали только дома или в сапоги. Башмаки из толстой испанской кожи похожи на наши лыжные ботинки; они плотно обхватывали лодыжку и застегивались при помощи множества пряжек и шнурков. Однако рыцари предпочитали краги, высокие непромокаемые сапоги из мягкой кожи красного или черного цвета. К тому же мужчины

придавали особое значение изяществу собственных ног. Именно в этом отношении мода той эпохи наиболее необычна и капризна, ведь красивыми считались маленькие ноги. Поэтому обувь делалась узкой, без каблуков, но с роскошными украшениями (яркие цвета, вышивка, мозаичная кожа) и аксессуарами (тесма, пуговицы, язычки, ленточки).

Головные уборы также поражают своим многообразием. Прежде всего **каль** (*Каль (cale, фр.) — первоначально плотно облегающая голову шапочка, подшлемник. В XIII—XIV веках — мужской и женский домашний головной убор типа чепчика. При выходе на улицу поверх него надевали другие теплые головные уборы. (Примеч. пер.)*) — небольшая шерстяная или полотняная шапочка, вроде современной купальной, ее носили только дома. Зимой сверху надевали большой мягкий колпак конической формы со сложенным концом или квадратный с ушками. Летом вместо него носили калотт (*Калотт (calotte, фр.) — маленькая шапочка, сшитая из нескольких кусочков ткани, плотно облегающая верхнюю часть головы. Калотт имела сферическую, полусферическую и остроугольную форму. В Европе появилась в эпоху Каролингов. (Примеч. пер.)*), сшитую из хлопка и напоминавшую берет или фетровую шляпу с широкими отогнутыми полями. В праздничные дни голову обвязывали шапелю, широкой повязкой из дорогой ткани, украшенной золотом и серебром, жемчужинами, цветами или павлиньими перьями.

Наконец, костюм завершали перчатки, бывшие тогда в большом ходу у всех сословий. Рыцари носили шерстяные, кожаные или меховые перчатки. Они плотно обтягивали кисть руки, становились свободнее у запястья и закрывали большую часть предплечья. Нередко перчатки дарили; к тому же они имели и символическое значение: передать перчатку сеньору означало клятву в верности, бросить ее — вызов; и, как сегодня, перчатки снимали перед тем, как войти в церковь или пожать руку. Ремесленники надевали рукавицы из толстой шерсти, крестьяне, как и охотники, — из кожи, чтобы, например, вырывать колючий кустарник.

Женский костюм

Большинство элементов женского костюма ни по своему назначению, ни по покрою не отличалось от того, что носили мужчины. Однако здесь царило еще большее изобилие тканей и расцветок, а также узоров и аксессуаров.

Впрочем, брэ женщины не носили, зато они ловко умели использовать кисейное покрывало в качестве корсета. Сверху они надевали присборенную рубашку, спускавшуюся до лодыжек. Из полотняной ткани или из шелкового крепа, дамская рубашка была обязательно ослепительно белая и так же, как мужская, вышита по горловине, рукавам и по внутреннему краю частей, выступавших из платья или блио. Оставаясь после совершения туалета в своей комнате, женщины надевали своеобразный пеньюар, более просторный, чем рубашка, но тоже из тонкого белого полотна. Зимой к нему добавлялся пелиссон из горностая, похожий на мужской, но длиннее и богаче отделанный.

Роль верхней одежды выполняло блио. Различали два вида: обычное блио — простая туника до середины икры, и сложное, появившееся в 1180 году и состоявшее из лифа, широкой ленты, акцентировавшей талию, и длинной юбки с разрезами по бокам. Оно подчеркивало фигуру, плотно облекая грудь, живот и бедра. В любом случае горловина оставалась широкой, рукава — длинными и расширяющимися от локтя. В отношении рукавов мода проявляла наибольшее непостоянство. В 1185—1190 годах их низ походил на воронку и волочился чуть ли не по полу, зато в начале XII века, наоборот, основание рукава сжимает предплечье, стягивая его шнурами и даже дополнительным швом.

Самым красивым считалось блио из ткани пэль или из парчи, с гофрированным лифом,

юбкой в складку, отделанное золотом, серебром и вышивкой, причем лучшие узоры для вышивки привозились из Англии или с Кипра. Иногда блио заменяли платья из муслина или камлота, более просторные, со шлейфом (между прочим, шлейф церковь считала вещью недопустимой и бесстыдной), более изысканных покроев и лучше подчеркивавшие фигуру. Как котт у мужчин, платья и сюрко постепенно вытеснили блио и окончательно закрепились во время правления Людовика Святого. Но, что бы ни надевала женщина: платье или блио, непременно аксессуаром оставался очень длинный пояс — плетеный кожаный ремешок, витой шелковый или льняной шнур. Придавая изящество костюму, его искусно завязывали: первый оборот вокруг талии с узлом на поясице, второй — на высоте бедер с узлом над нижней частью живота, а концы пояса обязательно должны были получиться одной длины и волочиться чуть ли не по земле.

Дамские шоссы отличались от мужских лишь тем, что всегда держались на обычных подвязках по причине отсутствия специального пояса. Туфли носили и высокие, и низкие, и закрытые, и с разрезом, и с язычком, и без него, из кожи, фетра, сукна, подбитые мехом, но всегда на невысоком каблуке, ведь модными считались крошечные ножки и плавная, тщательно отработанная походка.

Женским плащом называлась полукруглая накидка, застегивающаяся не на плече, как у мужчин, а на груди при помощи различных застежек и шнурков; их отделке уделяли особое внимание. Плащ оценивали по качеству раппе, то есть его мехового подбоя, и застежек. Более тонкую и мягкую одежду застегивали булавками, похожими на современные, но больших размеров, или на пуговицы. Пуговицы получили особое распространение в конце XII века, они были парными и продевались сразу в две петли. Пуговицы изготавливали из кожи, ткани, кости, рога, слоновой кости, металла, как объемными, так и плоскими.

Женщины носили очень длинные волосы, но сама прическа с возрастом изменялась. Молодые девушки и женщины разделяли волосы на пробор и, заплетая две косы, перекидывали их вперед. Причем косы, если верить имеющимся иллюстрациям, часто доходили до колен **5**, их иногда дополнительно удлинляли подвесками на концах. Тем, кого природа не наделила красивыми косами, скрыть недостаточную длину волос помогали ловко прикрепленные накладки. После 1200 года мода на длинные волосы почти исчезла, уступив место моде на более короткие, собранные обручем волосы, свободно ниспадавшие на плечи. Перед тем как выйти из дома или войти в церковь, голову покрывали накидкой из кисеи, льна или шелка. Женщины постарше собирали волосы в большой пучок (при необходимости искусственно увеличиваемый), надевали кувр-шеф (*К у в р - ш е ф (couvre-chef, фр.) — тонкая белая вуаль на аристократических головных женских уборах в эпоху Средневековья и Проторенессанса. Черная кувр-шеф покрывала головы вдов. В настоящее время во Франции так называется любой головной убор (Примеч. пер.)*), напоминавший шарф, и завязывали его двойным узлом под подбородком. Вдовы и монахини носили апостольник — головной убор из легкой ткани, полностью скрывавший волосы, виски, плечи и даже верхнюю часть груди.

Гербы

Костюм не был единственным способом выразить собственную индивидуальность или продемонстрировать свою принадлежность к какой-то определенной социальной группе. Аналогичную функцию выполняли многочисленные аксессуары, знаки отличия и эмблемы. Среди последних стоит особо выделить гербы, появляющиеся в XII веке. Для историка они дают одно из наиболее верных отражений средневекового менталитета.

Всем известно, что представляет собой герб, — это цветная эмблема, обычно на щите,

принадлежавшая отдельному лицу, семье или обществу (союзу, ордену и т.п.) и подчиняющаяся специальным правилам геральдики. Однако, вопреки распространенному мнению, гербы никогда не были достоянием одного только дворянства; они коренным образом отличаются от символических изображений античности, не имеют ничего общего с таинственным миром символов, а их появление никак не связано с Крестовыми походами. Самое древнее происхождение имеет герб Жоффруа Плантагенета, будущего графа Анжуйского: голубой щит с шестью золотыми львами. Согласно оспариваемой сегодня версии, Жоффруа Плантагенет получил его в 1127 году от своего тестя, короля Англии Генриха I, по случаю женитьбы на его дочери Матильде, вдове императора Генриха V. Как бы то ни было, во второй четверти XII века гербы появились в различных областях Западной Европы: в Анжу, Нормандии, Пикардии, Иль-де-Франсе, Южной Англии, долине Рейна. После 1150 года гербы распространяются не только в географическом, но и в социальном отношении. Если на первых порах ими пользовались лишь военачальники, то постепенно они стали приниматься их вассалами и вассалами их вассалов, так что к началу XIII века гербами оказалось снабжено уже все среднее и мелкое дворянство. Гербы настолько вошли в моду, что постепенно их стали присваивать себе женщины (еще до 1156 года), города (начиная с 1190 года), клирики (примерно с 1200 года), бюргеры (примерно с 1225 года) и даже крестьяне (начиная с 1234 года). Это длилось вплоть до XV века. Так что в Средневековье ношение герба нельзя назвать привилегией только одного особого сословия.

Заемствование традиции гербов с Востока или из какой-то другой определенной местности весьма спорно. Скорее всего, их появление связано с развитием военного снаряжения, особенно шлемов. Когда в начале XII века воины сделали труднее узнаваемыми в своих доспехах, у них появилась привычка вывешивать на больших полотнищах изображение своего щита с отличительными знаками, сначала непостоянными и меняющимися по воле их фантазии, а затем все более стабильными. Гербы возникают тогда, когда один и тот же человек начинает постоянно пользоваться одними и теми же знаками. Для составления гербов заимствовали: у знамен — цвета и геометрическое деление; у печатей (уже обладавших наследственным характером) — набор изображений (животные, растения, предметы); у щитов — треугольную форму и общее расположение. Таким образом, гербы создавались не стихийно, а явились результатом слияния в единую систему различных ранее существовавших элементов.

И произошло это совсем не внезапно. Так, например, наследственное употребление гербов внедрялось очень медленно. Во времена правления Людовика Святого у многих сыновей щиты коренным образом отличались от тех, что принадлежали их отцам. Правила составления герба также установились лишь с середины XIII века. Только одно из них соблюдалось с самого момента возникновения, возможно потому, что заимствовано из правил составления знамен. Оно предписывало порядок расположения эмалей и запрещало класть «металл на металл и цвет на цвет». Из металлов и цветов использовались: золото (желтый) и серебро (белый); из цветов — сабль (черный), червлень (красный), лазурь (голубой), синопль (зеленый) и позднее пурпур (фиолетово-коричневый). Считается неправильным располагать золото рядом с серебром, червлень рядом с лазурью, сабль рядом с синоплем и т. д. Язык герба также не отличается от обычной речи. Зеленый цвет, в классической геральдике называющийся «синопль», в XII—XIII веках был еще просто «зеленым».

Но технический аспект герба — далеко не главное. Потому-то самое интересное для историка — найти причины, определившие выбор тех или иных фигур какой-либо семьей или личностью. Причина могла быть политической: принимали то же изображение, что и сеньор или вождь группировки, к которой принадлежали. У многих фламандских семей на

щите присутствует лев, как на графских гербах. Людьюми могло руководить желание отразить в гербе родственную связь, историческое событие, географическое расположение или профессию. На гербе у каменщика мог красоваться мастерок, у мясника — бык, у рыбака — рыба; тот, кто принимал участие в Крестовом походе, мог сохранить в своем гербе изображение креста, а уроженец какого-нибудь города изображал на гербе то, что напоминало ему о родине. В гербе мог содержаться намек на имя отца, имя, полученное самим человеком при крещении, или прозвище. Так, некий Жан Лекок имел герб с изображением петуха (*Le coq (фр.) — петух (Примеч. пер.)*), а Гильом Легупиль — с изображением лисы (*Le goupil (фр.) — лиса (Примеч. пер.)*). В середине XII века многочисленное семейство Люси, обладавшее владениями и в Англии, и на континенте, приняло как эмблему изображение щуки, так как в древнефранцузском языке слово *lus* обозначало эту рыбу. Выбор герба мог быть, наконец, делом вкуса, возможно, связанным с символическими изображениями, но если геральдическая символика и существовала, она всегда оставалась очень примитивной: лев обозначал силу, ягненок — невинность, кабан — храбрость, крест — христианина и т. д.

Набор изображений, сначала ограниченный всего лишь несколькими животными (лев, орел, медведь, олень, кабан, волк, ворон) и несколькими геометрическими фигурами, стал более разнообразным, когда гербы распространились среди тех дворян и отдельных лиц, кто не участвовал в войнах. На их гербах можно уже встретить не только предметы военного снаряжения (щиты, знамена, кольчуги, попоны), но также и совсем бытовые вещи: мебель и одежду, печати, манускрипты, монеты, весы, витражи, надгробия, каменные плитки пола, верхнее и легкое платье, перчатки и различного рода домашнюю утварь, орудия труда. Литература не осталась в стороне. С начала XIII века у ее героев появляются гербы, похожие на те, что существовали в действительности. Авторы приписывают королю Артуру лазурный щит с тремя золотыми коронами, Ланселоту — серебряный щит с тремя красными полосами, его кузену Борсу — похожий щит с горностаевым мехом (в подражание настоящим бризюрам (*Бризюра — особый знак, указывающий на положение младшего члена рода (Примеч. пер.)*)), а доблестному Галахад, первому избранному на поиски Грааля, — серебряный щит с красным крестом, напоминавший знамена христианских рыцарей, отправлявшихся в Святую землю.

1. На это обстоятельство указывает, в частности, и Жак Ле Гофф: «Носить не ту одежду, которая подобала человеку по его положению, означало совершать грех гордыни или падения». Указ, соч., с. 334.

2. Chretien de Troyes. Erec et Enide. Trad, d'apres l'edition de M. Roques, Paris, 1952, vers. 1589-1601. Ср.:

Блюю нарядное свое
Достать велела для нее,
И плащ с пурпуровой каймой,
Что здесь кроили ей самой.
Все им принесено тотчас:
Вот нежный мех, парча, атлас,
Вот платья шелк лоснится гладкий
На горностаевой подкладке.
По вороту и обшлагам
Его — солгать себе не дам —
Нашиты бляшки золотые,
А в них каменья дорогие —
Зеленый, алый, голубой —
Чаруют пышною игрой.
Хотя и дорог был наряд,
Но плащ, роскошен и богат,
Не уступал ему нимало.
Завязок, правда, не хватало
На нем, но только оттого,
Что не закончили его.
И правда — поразил он всех:

У ворота — соболий мех,
 И тут же, ворот замыкая,
 Сверкала пряжка золотая
 С двумя бесценными камнями,
 Где алое горело пламя:
 Из этих двух камней один
 Был гиацинт, другой — рубин.
 Плащ горностаем был подбит,
 На ошупь мягче и на вид
 Красивей мало кто видал,
 А ткань повсюду украшал
 Узор из крестиков густой
 И многоцветный — голубой,
 Зеленый, красный, желтый, белый...

Пер. Н. Я. Рыковой, Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Указ изд., стихи 1589—1623

3. Бувине (Bouvines) — селение на юго-востоке Франции, неподалеку от города Лилля. 27 июля 1214 года французские войска Филиппа II Августа разбили войска союзников английского короля во главе с германским императором Отгоном IV

4. Большое разнообразие тканей, производимых в XII—XIII веках на территории Франции и Англии, на которое указывает М. Пастуро, естественно, нашло отражение в обилии и разнообразии их названий. Многие из них до сих пор не были введены в научный оборот на русском языке, что вынуждает переводчика здесь и ниже широко использовать прием простого калькирования.

5. Иногда косы были действительно очень длинные благодаря добавлению отдельных полосок ткани. Ширина кос достигала размера ладони за счет многопрядного плетения. Такие косы даже условно называют «рыцарскими». См.: Сыромятникова И. С. История прически. 2-е изд., доп. М.: Искусство, 1989, с. 71—72; здесь же приведены иллюстрации.

Глава 7. Время войны и время мира

Война — смысл жизни рыцаря. Конечно, будучи посвященным в это звание, он становился воином Божьим, и ему надлежало умерять свой вкус к войне, подчиняя его требованиям веры. Однако ни сам вкус, ни пристрастие к военным действиям от этого не исчезали, и подтверждением тому — литература. Литература увлекательная, описывающая героические сражения, где прекрасные рыцари в сверкающих доспехах совершают бесчисленные ратные подвиги до тех пор, пока их не постигнет славная гибель или пока они не одержат самую славную из своих побед. Литература воинственная, повествующая о справедливой войне и великодушном мире, воспевающая тех, кто сражается, дабы утвердить законное право сеньора, защитить слуг и достояние церкви, помочь тем, кто беден и слаб, кто нуждается в помощи.

Реальная жизнь, впрочем, текла по-иному, и отважным деяниям Говена, подвигам Ланселота места в ней не находилось. Как не существовало и никаких непробиваемых кольчуг; шлемов, украшенных драгоценными камнями; волшебных мечей, делающих непобедимыми своих владельцев. Война велась не из желания славы, а из жажды наживы. Заключение мира считалось не великодушным, а унижительным и подвергалось бесчисленным насмешкам. Крупные сражения происходили редко и вовсе не были такими кровопролитными; понятия славной гибели не существовало вообще. Здесь не было сияющего света мечты, но не было и заурядной серости повседневной жизни.

Частные войны и Божий мир

В середине XIII века право на ведение войны принадлежало еще всем. Оно воспринималось как один из двух способов осуществить свои права; второй же способ заключался в правосудии сеньора. Существовал выбор между путем действия и путем

права. Такое представление о частной войне, происходившее от существовавшего у германцев старинного понятия «файда» (право на месть), практически исчезло во времена Карла Великого и вновь появилось в период упадка централизованной власти, оставаясь вплоть до XIII века одной из основных черт феодального общества. Частная война имела свои собственные правила, ее следовало объявлять в определенной форме и продолжать до перемирия или окончательного мира. Она распространялась на всех членов рода вплоть до последующих поколений, пока, наконец, не признавалось возможным заключение брака между представителями воюющих сторон. В действительности далеко не каждый мог объявить войну, ведь это предполагало определенное могущество, как финансовое, так и политическое. А потому ее вели в основном владельцы феодов, особенно крупных, действуя во имя собственных интересов или, реже, во имя интересов своих вассалов.

Если не считать Крестовых походов, о которых речь пойдет позже, международных войн не существовало, а происходила лишь борьба между сеньором и вассалом, соперничество феодов, месть родов. Таким образом, нескончаемые распри между королями Франции и Англии — отнюдь не межгосударственные конфликты, а всего лишь частные войны могущественного вассала и сюзерена, в которых каждый искал способ заставить уважать то, что он сам считал своим законным правом. Так, Филипп Август, отправляясь на север Франции в 1214 году для ведения победоносной военной кампании (закончившейся битвой при Бувине), намеревался не столько выступить против международной коалиции (которую возглавлял император и король Германии Оттон Брауншвейгский), сколько наказать вероломного вассала и разорить феод человека, пренебрегшего вассальными обязанностями, — графа Фландрии Феррана.

Но помимо этого, а может, и в большей степени война являлась эффективным средством увеличения состояния и власти. В XII веке война — всегда поиск добычи. Впрочем, для могущественных сеньоров это не просто проявление обыкновенной жадности, а самая насущная необходимость: ведь полученные трофеи служили для оплаты наемников, укрепления замков, вознаграждения вассалов, о грядущей верности которых надлежало позаботиться заранее. Тем более что успех, достигнутый в ходе военной кампании одного года, неизбежно влек за собой агрессию со стороны проигравшего на следующий год. Сопровождавшие сеньора рыцари воспринимали добычу как справедливое вознаграждение за само свое присутствие, ибо оказание военной помощи (это мы увидим в дальнейшем) требовало от них не только времени, но и денежных затрат, поскольку каждый снаряжался за собственный счет. Жаждой наживы и грабежа жили все: аристократы и простолюдины, вассалы и наемники; и именно эта жажда являлась главной причиной участия в войне. Всем были абсолютно безразличны битвы, которые велись во имя каких-то совершенно чужих интересов.

Таким образом, цель войны заключалась не столько в том, чтобы убить или победить врага, сколько в том, чтобы захватить его в плен, ограбить, потребовать за него выкуп. Война представляла собой не ряд крупных сражений, а серию налетов, набегов, осад, грабежей и поджогов. Она тянулась долго, прерываясь короткими перемириями, вновь вспыхивала каждый год в конце марта и продолжалась до начала ноября, никогда не разрешая никаких проблем.

Поэтому те, кто хотел достигнуть какой-то определенной цели, охотнее использовали переговоры. Это и встречи воюющих сторон на границе, нейтральной территории или во время паломничества; и обмен посланниками, представителями высших светских или духовных рангов, пользовавшихся неприкосновенностью, с многочисленной свитой. Они передавали верительные грамоты и подарки, что сопровождалось торжественными церемониями. Также обращались к секретным посланцам, обычно клирикам, обладавшим

просто неограниченными полномочиями для ведения переговоров; прибегали к помощи третейского суда и посредников, в качестве коих могли выступать какие-либо влиятельные лица. Так, один из легатов, представлявший папу, могущественный сеньор граф Филипп Фландрский в течение всего своего правления — 1168—1191 годы — стремился быть великим посредником Запада. Могли приглашать коллегия третейских судей, которые затем представляли свой проект соглашения. Договоры заключались довольно часто, при этом старались получить как можно больше гарантий: клятвы на Священном Писании или святых мощах; назначение заложников на случай, если сеньор нарушал обязательства договора; угрозы отлучения от церкви или аннулирования верности сеньору, лишения феода. Тем не менее все это не давало большого эффекта.

Эти частные войны, как между низшими вассалами, так и между крупными землевладельцами, представляли собой нескончаемые раздоры, приводившие к опустошению деревень и перераставшие в откровенный разбой. Церковь первая выступила против этого бедствия. Она не только призывала к Крестовым походам и учреждала рыцарские ордена, предполагая направить боевой пыл воителей на службу Богу, но в течение всего XI века принимала различные назидательные меры, дабы уменьшить разрушительные последствия этих войн. В середине следующего века подобные меры объединялись в две большие группы: Божий мир и Божье перемирие. Предполагалось, что Божий мир должен защищать тех, кто не участвовал в военных действиях (священнослужителей, женщин, детей, землепашцев, паломников, торговцев), а кроме того, общественно значимое имущество (церкви, мельницы, рабочий скот, урожай), помещая их под свой покров и ограждая от нападения или разрушения. Божье перемирие запрещало ведение войн в определенные периоды года (Рождественский и Великий посты, Пасха) или дни недели (с вечера пятницы до утра понедельника), предназначенные для более интенсивной религиозной жизни. Нарушение Божьего мира или Божьего перемирия считалось особо тяжким преступлением, за него отлучали от церкви и привлекали к «трибуналу мира», в который входили прелаты и сеньоры. Этот суд всегда принимал крайне суровые меры.

Такие правила, сначала соблюдавшиеся и достаточно эффективные, потеряли свою былую силу, когда церковь чрезмерно расширила их, что произошло в начале XIII века: ее служители предприняли попытку навязать соблюдение Божьего перемирия с вечера среды до утра понедельника. В этом отношении показателен следующий факт: великое сражение при Бувине (27 июля 1214 года) состоялось именно в воскресный день.

Инициативу церкви поддержали светские власти и, в частности, суверены, стремившиеся ограничить ведение частных войн. Например, Филипп Август первым запретил войны простолюдинов. Кроме того, он издал множество законов I, подобные которым впоследствии появятся и в соседних королевствах: знаменитый «Закон о 40 днях короля» запрещал нападать на родственников соперника в течение сорока дней после объявления войны (чтобы избежать участвовавших в внезапных нападений); «королевская охранная грамота» давала возможность отдельному человеку, группе лиц или учреждению находиться под особой охраной короля. Нападение на тех, кто защищен такой грамотой, приравнивалось к нападению на самого короля. Наконец, «королевское подтверждение» — гарантия, даваемая сувереном при заключении соглашения о ненападении между сеньором и группой лиц.

Таким образом, в 1220—1230 годах война сделалась более редким явлением. Помимо ограничений, обусловленных временем года (зимой военных действий не вели), состоянием атмосферы (бой прекращался с началом дождя), дневными часами (ночью сражения не проводили), запретов, налагаемых церковью (Божий мир и Божье

перемирие), появились ограничения, исходившие от высочайшей королевской власти, которая становилась все могущественнее.

Отныне главным занятием рыцарей становится не война, а турнир.

Феодальная военная служба

Во второй половине XII века произошел некоторый упадок военных институтов. В отличие от суровости самих феодальных принципов реальная практика оказывалась более гибкой, а деньги зачастую значили больше, нежели вассальные обязательства.

В обмен на землю, получаемую в виде феода, вассал должен был выполнять определенные обязательства в отношении своего сеньора, в том числе оказывать ему военную помощь трех видов: служба в войске, конные походы, охрана замка. Участия в войске могли требовать только сеньоры, стоявшие на самом верху феодальной иерархии, — короли, герцоги или графы. Как правило, речь шла о дальнем наступательном походе, проводимом один раз в год и длившемся не более сорока дней. Каждый являлся с определенным количеством своих собственных вассалов (пропорционально значимости феода) и снаряжался за собственный счет (оружие, продовольствие, лошади). По истечении срока сеньор имел право продлить срок службы в войске, но в этом случае он обязывался взять на себя расходы на снаряжение и довольствие, а также возместить убытки тем, кто согласится остаться. Конная служба проходила в течение ограниченного времени (обычно около недели) и на ограниченном пространстве (равноценном одному дню похода). Такая помощь и требовалась чаще всего, а именно во время войн между соседями: кратковременные походы на территорию противника или налеты на его замок. Каждый сеньор мог требовать выполнения этой обязанности тогда, когда считал нужным. Наконец, охранную службу несли воины, располагавшиеся непосредственно в замке сеньора; и поскольку речь шла лишь о выполнении оборонительной функции, ее в основном исполняли вассалы преклонного возраста и инвалиды, остальные же, когда не велось военных действий, привлекались к ней только на короткое время.

Все вышеизложенное касается лишь людей, владевших землей. Военные обязанности простоллюдинов определялись сложнее и по-разному в зависимости от местности. В Северной Франции вилланы помогали только во время оборонительных мероприятий: охраняли замок и участвовали в защите сеньории от набегов. Впрочем, они довольно часто откупались от охранной службы, заплатив налог, позволявший содержать вместо них профессиональное войско; а при защите владений сеньора они оказывали лишь необходимую помощь в качестве часовых, землекопов, конвоиров. Однако король Франции в своем собственном домене иногда требовал службы простоллюдинов: каждая административная единица (резиденция прево, община, королевское аббатство) должна была предоставить войско из пеших солдат, количество которых определялось пропорционально числу дворов. Того, кто отправлялся на такую службу добровольно или по жребью, снаряжали в складчину все жители.

Наконец, наряду с обычными формами военной помощи, король или крупный землевладелец мог в случае крайней опасности провести массовый набор войска среди своих слуг, вассалов или вилланов (причем на неограниченное время): так называемый призыв ополчения, отголосок старинной общественной службы, которую у каролингских суверенов несли все свободные люди. В XII веке такой призыв ополчения произошел только один раз; его осуществил король Людовик VI, когда в августе 1124 года император

Генрих V попытался захватить Шампань.

Однако подобная организация в полном виде существовала лишь в теории. В реальной жизни феодальную службу несли весьма неохотно, а нередко и вовсе пытались от нее уклониться. Во время конной службы низшие вассалы не решались покидать свои земли и зачастую отказывались служить за пределами сеньории. Да и сами сеньоры также неохотно отправлялись в войско своего сюзерена. В Англии многие не соглашались следовать даже за собственным королем во время его походов на континент. Во Франции Людовик VII, а затем Филипп Август могли с уверенностью рассчитывать на помощь только незначительного числа землевладельцев, да и то лишь после проведения тяжелых переговоров с чередованием обещаний и угроз. Таким образом, в войско отправлялись обычно только те, кто жил недалеко от места проведения военных действий.

К этому можно добавить постоянные опоздания, недисциплинированность, распущенное поведение во время сражений и посредственную подготовку войска. Проблема существовала на всех уровнях феодальной лестницы, по крайней мере во Франции. Так, в начале XIII века Филипп Август располагал армией, не превышавшей трех тысяч человек, из которых две тысячи составляли пешие солдаты, набранные в королевском домине, 300 — наемники из Брабанта и 200 — арбалетчики. Даже во время войн ему редко удавалось собрать более 350—400 рыцарей. Документ под названием «*Milites regni Francie*» («Рыцари королевства Франция») сообщает, что в 1216 году, то есть через два года после победы при Буви-не, в королевскую армию входило только 436 рыцарей, причем все — уроженцы Северной Франции. Так, герцог Бретани Пьер Моклерк привел всего лишь 36 рыцарей, хотя для службы в собственном войске мог бы собрать их в десять раз больше; граф Фландрии — 46 рыцарей, а герцогство Нормандия, самое могущественное в христианском мире, — только 60 рыцарей.

Наемники

Подобные уклонения от несения военной вассальной службы послужили причиной появления наемных солдат (*Само слово «солдат» происходит от немецкого слова «sold» — жалование в наемной армии (Примеч. пер.)*). Постепенно деньги стали истинным «двигателем» войны. Уже в раннем Средневековье допускалась возможность уплаты особого налога вассалами низшего ранга, теми, кто достиг преклонного возраста, болен или отсутствовал (например, совершал паломничество), для того чтобы их можно было заменить кем-то другим. Со временем такая практика получает все более широкое распространение. В Англии, начиная с середины XII века, любой вассал имел право откупиться от службы в войске. Существовала даже тенденция обязать всех свободных людей платить налог, позволивший бы содержать королевскую армию. Во Франции немногим позже Филипп Август учредил так называемые «денежные феодалы»: те, кто ими пользовался, получали не саму землю, а ренту и должны были за это оказывать военную помощь королю, часто в качестве лучников или арбалетчиков. Эти меры позволяли суверенам лучше вознаграждать согласившихся сражаться на их стороне, нанимая на службу настоящих профессионалов военного дела, и, таким образом, закладывать основы постоянной армии.

Хотя попадались отдельные рыцари, продававшие свои услуги тем, кто предлагал большую цену, наемниками в основном становились люди неблагородного происхождения, чаще всего из самых бедных и малонаселенных районов Западной Европы: Уэльса, Брабанта, Фландрии, Арагона, Наварры. Для их обозначения обычно употребляли название местности, из которой они происходили (арагонцы, брабантцы), или более общие слова — простолюдины» и «кольчужники». В начале XII века наемные солдаты встречались еще довольно редко и в основном у королей Англии. Количество

наемников возросло начиная с 1160—1170 годов, когда они превратились в настоящее бедствие для всего Запада, поскольку не только произвели переворот в военном искусстве, используя новое оружие, которое убивает, а не просто помогает захватить врага в плен (ножи, крюки, арбалеты), но и стали организовывать банды, причем практически неистребимые, во главе с военачальниками, действовавшими исключительно ради собственной выгоды. С этими бандами приходилось постоянно вести переговоры и торговаться, потому что они оказывались еще более опасными в мирное время, чем в период военных действий. Ожидая начала очередной войны, они открыто жили за счет местных жителей, совершая разного рода незаконные поборы и бесчинства. Периодически на них организовывали гонения, устраивая настоящие крестовые походы. Но несмотря на суровые меры, принимаемые против тех, кого удавалось захватить в плен (в 1182 году Ричард Львиное Сердце приказал повесить половину пойманной им банды брабантцев, а остальных велел выслать, предварительно выколов им глаза), Западная Европа страдала от наемников, по меньшей мере, до середины XV века.

Снаряжение воинов

Снаряжение воинов известно нам относительно хорошо. Правда, его образцов сейчас практически не сохранилось, поскольку исходный материал, особенно железо, стоил в то время достаточно дорого, и оружие, изношенное или испорченное, использовали для изготовления нового. Зато изображения (миниатюры и особенно печати) и литературные свидетельства (эпические песни и рыцарские романы) представляют нам довольно обширные сведения. Прежде всего поражает крайнее разнообразие оружия и одежды, как у конных, так и у пеших воинов. Одни одеты так же, как участники битвы, изображенной на знаменитом ковре королевы Матильды из Байе, другие снаряжены подобно Людовику Святому и его соратникам. Основная причина этого заключалась в том, что каждый воин вооружался за свой счет. Снаряжение же стоило очень дорого; соответственно, число тех, кто владел всем необходимым, было невелико. Мы уже говорили о том, как некоторые кандидаты в рыцари откладывали время своего посвящения, потому что состояние их отца или же их самих не позволяло приобрести нужное снаряжение. Рыцарю полагалось иметь, по крайней мере, кольчугу, шлем, щит, меч и копье; конному воину (*Речь идет о «неблагородном» воине, простолюдине (Примеч. пер.)*) — стеганую куртку, подбитую волосом, шлем, меч или рогатину, лук или арбалет; пехотинцу — кожаную рубаху, кожаный или железный шлем, лук или арбалет и множество другого наступательного оружия, в том числе пращу, дубину, палки, ножи и разнообразные крючья.

Рассмотрим поподробнее отдельные элементы воинского снаряжения.

Кольчуга, или котт-де-май, — главная часть защитного снаряжения рыцаря. Она представляла собой своеобразную металлическую тунику из множества железных или стальных соединенных между собой колечек. Ее надевали так же, как рубашку, свисавшую до колен, и на поясе стягивали ремнем. Спереди и сзади у кольчуги имелись разрезы для удобства езды на лошади, сверху она заканчивалась капюшоном, закрывавшим шею, затылок и подбородок. Рукава сначала делали чуть ниже локтя, впоследствии они становились все длиннее и в конце концов к 1200 году, закрывали всю руку. Такая котт-де-май произошла от старинной брони воинов X и XI веков из кожи или толстой ткани, которую стали покрывать металлическими колечками. Собственно кольчуга появилась после того, как придумали продевать одно колечко в другое, чтобы таким образом создать целое полотно, и тогда кожа или ткань стали ненужными. В конце XII века обычная кольчуга состояла приблизительно из тридцати тысяч колечек, и ее вес достигал 10—12 килограммов. Она стала еще тяжелее в начале следующего века, когда некоторые части или всю ее научились делать из двойных или тройных колец, а

некоторые места (плечи, локти, колени) — укреплять железными или латунными пластинками, пришитыми прямо к металлическому полотну. Прочность увеличивалась за счет утраты гибкости. Колечки раскрашивали разноцветными лаками, чаще всего зеленым; некоторые значительные сеньоры даже покрывали их золотом или серебром и украшали вышивкой по краю рукавов и подолу туники. А Кретьен де Труа снабдил своего героя Эрека настоящей серебряной кольчугой из множества тройных колечек, никогда не ржавевшей и более легкой и удобной, чем шелковый плащ **2**.

В действительности, конечно, подобных кольчуг не существовало; даже обычная стоила баснословно дорого, и заплатить такую цену могли лишь очень богатые рыцари. Остальные довольствовались рубашкой с короткими рукавами, состоявшей из колечек, а то и обыкновенным нагрудником. Чтобы защитить ноги, рыцарь надевал своеобразные чулки из металлического полотна: шоссы, крепившиеся шнурком на бедре. Именно с них начиналось постепенное облачение рыцаря в военный костюм.

В конце XII века появилась **котт-д'арм** — просторная льняная или шелковая туника, надевавшаяся рыцарем поверх кольчуги, чтобы защититься от дождя или солнца. Сначала ее делали однотонной, затем стали окрашивать в самые невероятные цвета, а в начале XII века на ней появились изображения гербов.

Два других важных защитных элемента — **щит и шлем**. Шлем претерпел значительные изменения в продолжение изучаемого периода. В середине XII века он представлял собой своего рода стальную каску, состоявшую из шапочки полукруглой или остроконечной формы с плотным ободком, и прямоугольной железной пластинки для защиты носа. Постепенно задняя часть шлема стала закрывать затылок, передняя пластинка расширилась и прикрывала даже щеки. В 1210—1220 годах этот головной убор приобрел продолговатую форму из-за присоединения к нему боковых пластинок, закрывавших виски и уши. Это уже классический шлем XIII века с несколькими отверстиями для воздуха и прорезью для глаз. Поскольку он был тяжелым и громоздким, его надевали только во время боя; в остальное время рыцари предпочитали железную каску, закрывавшую только верхнюю часть головы, — шапель.

Хотя шлем и делали внутри мягким, его надевали не прямо на голову, а на капюшон кольчуги и завязывали дюжиной кожаных шнурков, продевавшихся через колечки. Нередко для смягчения ударов поддевали еще своеобразный колпак из шерсти или ткани. Иногда шлемы расписывали; чаще всего зеленой краской. Остальные части — верхушка, пластинка, закрывавшая нос, обод — более или менее изящно выковывали и украшали разноцветными стеклами, превратившимися в рыцарских романах в драгоценные камни или те самые сияющие карбункулы, что позволяли видеть в темноте.

Щит по форме напоминал большую миндалину; он был немного искривлен по вертикальной оси и заканчивался острым концом, позволявшим втыкать его в землю, чтобы защитить себя сзади. Размеры щита довольно значительны: около 1,5 метра в высоту и 50—70 сантиметров в ширину; он полностью прикрывал воина от подбородка до ног, а после сражения служил носилками. Щиты делали из соединенных между собой досок, укрепленных двойной железной основой, она шла по краям и соединялась в центре в виде восьмиконечной звезды. Внутреннюю часть щита набивали волосом, а внешнюю покрывали мехом, тканью или кожей, которые прибивали гвоздями. В наиболее выпуклом месте щита помещалась металлическая шишка, несколько выступавшая, изящной работы, иногда украшенная кусочками стекла или даже драгоценными камнями. Когда рыцарь не участвовал в военных действиях, он носил щит через плечо или вешал его на шею на ремне, длину которого можно было изменять по желанию. Во время боя он держал щит в

той же руке, что и поводья лошади, за более короткий ремешок в форме креста на предплечье или запястье. Правильное пользование щитом считалось довольно сложным искусством и требовало, если верить текстам, длительного обучения.

Если внешнюю сторону щита делали из ткани или кожи, то ее раскрашивали и украшали растительными, животными или геометрическими узорами, постепенно превращавшимися в настоящие геральдические эмблемы. По мере того как кольчугу стали укреплять металлическими пластинками (в частности, «крылышками» на плечах), защитная функция щита уменьшилась, и он начал служить в основном для представления герба. В первой четверти XIII века щит стал меньше и напоминал плоский равносторонний треугольник.

Миндалевидная форма щита, конечно, не единственная. Круглые щиты каролингских всадников еще полностью не исчезли в XII веке. Но обычно они все же предназначались для простых конных воинов и пехотинцев.

Таково защитное снаряжение той эпохи. Рассмотрим теперь орудия наступления.

Меч — главное рыцарское оружие. Он состоял из трех частей: клинка, рукояти и ее головки. Его размеры и формы могли быть самыми разными, однако чаще всего встречался нормандский меч длиной около метра и весом примерно два килограмма. Его широкий (от 7 до 9 сантиметров), крепкий и острый клинок делался из прочной стали с одной или двумя выемками на каждой плоской стороне (так называемыми каннелюрами), иногда его украшали золотой или серебряной насечкой. Однако им чаще пользовались как оружием рубящим, а не колющим, стараясь нанести противнику удар, но не убить его. Острие пускали в ход только для «протыкания щита» или «распускания колец кольчуги». Рукоять особенно богато украшали; узкая и длинная, она защищалась двумя дужками гарды, прямыми или загнутыми к лезвию. Головка рукояти представляла собой диск диаметром 6—10 сантиметров, иногда ее делали из драгоценных металлов, также она могла служить, по крайней мере в эпических песнях, реликварием. Например, у меча Роланда, называемого Дюрандалем, эта часть сделана из чистого золота, и хранились в ней

...кровь Василья, зуб Петра нетленный,
Власы Дениса, Божья человека,
Обрывок риз Марии Приснодевы **З**.

Причина в том, что довольно часто меч становился объектом настоящего литургического действия. Его считали самым благородным оружием, символом правосудия и власти. Каждый рыцарь стремился сохранить свой меч как можно дольше, а затем передать его своему сыну или «крестнику», посвящаемому в рыцари. Мечи литературных героев имели особые имена: меч короля Артура звали Эскалибор, Карла Великого — Жуайез, Оливье — Альтеклер, Ожье Датчанина — Куртен.

Ножны крепились слева у пояса, их изготавливали из дерева и обивали кожей или дорогой тканью. Иногда рыцарь пользовался двумя мечами, одним — во время конных сражений, другим — во время пеших; причем для второго специальных ножен не существовало. Второй меч делался длиннее и тяжелее первого, и его, как правило, носил оруженосец. Кроме того, его затачивали острее, ведь пешие сражения были намного опаснее, поэтому им старались как можно быстрее ранить противника, попав в прорезь для глаз или складку между кольчугой и шоссами.

Копье — колющее оружие, его длина (около 3 метров) и вес (от 2 до 5 килограммов) не позволяли использовать его для метания. Древко копья изготавливали из крепких пород дерева, чаще всего — из ясеня, иногда — из граба, яблони или сосны и раскрашивали. Внизу оно заканчивалось металлическим наконечником, позволявшим втыкать его в землю, что во время сражений символизировало желание вступить в переговоры. На боевой стороне копья крепился короткий и острый наконечник в форме конуса, ромба или лепестка. Там, где рыцарь держал копье рукой, делалась выемка, иногда обтянутая кожей. Во время пеших переходов копье несли в вертикальном положении, а в бою его держали горизонтально (на плече или под мышкой, на уровне головы или бедра) или наклонно; в этом случае древко укрепляли на войлочной подушке у седла. Основная задача состояла в том, чтобы выдержать удар и, стремительно атаковав, разоружить противника, проткнуть его щит и повредить кольчугу.

К верхней части древка, под самым острием, прибавляли кусочки ткани, выполнявшие роль эмблемы. В первой половине XII века они уже трансформировались в маленький прямоугольный флажок с несколькими острыми концами. Около 1150 года его заменила баньера — флаг также прямоугольной формы с большей осью, параллельной оси копья. Такой флаг использовали военачальники, прибывавшие в войска в сопровождении нескольких вассалов. Флаг украшался гербом, а во время сражения он служил сигналом всеобщего сбора. Рыцари попросту довольствовались узкой треугольной полоской ткани, окрашенной в цвета их сеньории.

Рассмотрим теперь наступательное снаряжение солдат. В качестве ручного оружия они использовали топор (длина рукояти примерно 1 метр, площадь лезвия — 30 на 15 сантиметров); кнут из нескольких кожаных ремешков без рукоятки; булаву, своеобразную дубину с верхушкой, утыканной острыми шипами; нож, особенно опасный в рукопашном бою; а также различные толстые палки, которыми вооружались самые бедные деревенские жители и вилланы. Копье заменяла пика или простая рогатина, ее древко заканчивалось широким и острым железным крюком, иногда двойным или тройным, предназначенным для того, чтобы стаскивать всадников и валить лошадей.

Говоря о метательном оружии, следует упомянуть пращу, состоявшую из ручки, двух ремешков и сетки, а также лук и арбалет.

Лук чаще делали из дерева (из тиса или ясеня), реже — из металла или рога; его размеры достигали одного-двух метров; впрочем, более распространен был короткий лук. Из него выпускали стрелы длиной около 30 сантиметров на расстояние более 200 метров; как и копье, стрелу иногда украшали флажком. Арбалет, хотя и известный на Западе довольно давно, широкое распространение получил только во второй половине XII века. Его считали коварным, слишком смертоносным и недостойным христианина оружием, поэтому долгое время употребление арбалета запрещалось церковью. Однако в 1139 году Латеранский собор позволил использовать его для борьбы с иноверцами. Западные воины пошли еще дальше, и, начиная со времен правления Генриха II, в английской армии существовал постоянный корпус арбалетчиков. Позже Ричард Львиное Сердце увеличил их число (по роковому стечению обстоятельств его самого смертельно ранил именно из арбалета); во Франции его дело продолжил Филипп Август, создавший целый отряд конных арбалетчиков.

В XII веке арбалет представлял собой тугий лук небольших размеров, перпендикулярно укрепленный на деревянной подставке. Его стрелы делались короче и толще, чем у обычного лука. Как и лук, арбалет иногда снабжали своеобразным стремянем, в которое продевали ногу, чтобы легче было натягивать тетиву. При этом тетиву держали обеими

руками и до спуска закрепляли в специальной прорези. Преимущество арбалета состояло в том, что при уже натянутой тетиве руки не уставали и воин имел возможность лучше прицелиться. Однако радиус и мощность действия арбалета оставались такими же, как у обычного лука, а обращение с ним, напротив, требовало гораздо большего времени: пока арбалетчик посылал две стрелы, лучник успевал выпустить десять, двенадцать, а то и пятнадцать стрел.

Конь

Лошадь, конечно, занимала большое место в военной деятельности рыцаря. Эпические песни, в отличие от куртуазных романов, представляли коня как верного спутника героя и персонифицировали его, наделяя именем: коня Карла Великого звали Тансан-дор, Роланда — Вельянтиф, Ганелона — Ташбрюн,

Пийома Оранжского — Босан, Рено де Монтабана — Баяр, а коня Ожье Датчанина, заплакавшего от радости, когда он вновь встретился со своим хозяином после семилетней разлуки, — Бройфор 4.

В зависимости от функции лошади авторы называют ее по-разному. Парадный конь — аристократическое животное; дамы и прелаты использовали его для всех видов поездок, а сеньоры — для выездов во время церемоний. Боевой конь участвовал в сражениях: рыцарь садился на него только с началом военных действий; в остальное время его вел оруженосец, ехавший верхом на толстой рабочей лошадке, больше привыкшей к полевым работам и упряжке. На вьючных лошадях перевозили грузы, багаж и различное снаряжение.

В действительности же столь тонких различий почти не существовало, хотя изучение конных изображений на печатях свидетельствует о значительном разнообразии коней, требовавшихся для военных действий в XII и XIII веках. Так, рыцарь, владевший необходимым снаряжением, должен был иметь как минимум дорожного коня для путешествий, вьючную лошадь для перевозки оружия и прочего снаряжения, а также одного или двух коней, предназначенных специально для участия в сражениях. Любопытно, что для выполнения последней функции кобылы считались непригодными.

Поэтами и романистами также очень подробно описаны конские масти. Лучшими считались чисто белые или абсолютно черные; затем шли лошади с крупными белыми пятнами, за ними — серые в яблоках. Гнедые кони не ценились.

Во второй половине XII века значительно изменилась конская сбруя. Ленчик (*Ленчик — деревянная основа седла (Примеч. пер.)*) седла стал шире, а его задняя лука образовывала нечто вроде маленькой спинки. Седло (в литературных текстах всегда богато отделанное) укладывалось на прямоугольный ковер, украшенный геральдическими узорами, — попону. К концу века этот ковер превратился в настоящий чехол, покрывавший в защитных целях шею, тело и ноги лошади. Поскольку попона изготавливалась в «комплекте» с рубашкой, надеваемой рыцарем под кольчугу, ее также украшали изображениями гербов. Кроме того, герб иногда помещали и на узкую кожаную или металлическую полосу, защищавшую голову животного. Вместо стремян полукруглой формы, изображенных на ковре в Байе, стали использовать треугольные. Они крепились на концах путлиц, широких кожаных лент, проходивших по бокам лошади над чехлом или попоной, ближе к голове. Поэтому требовались длинные шпоры, состоявшие из

металлического стержня с коническим острием. Первые шпоры с подвижным колесиком, почти не причинявшие боли животному, появились уже в начале XIII века, однако их распространение происходило довольно медленно.

Вопреки сложившемуся мнению, в действительности шпоры не были принадлежностью исключительно рыцарского сословия, хотя и служили его своеобразным символом. В день посвящения именно шпоры вручали молодому рыцарю сразу после меча; если же, совершив серьезное преступление (обычно предательство), он лишался своего рыцарского звания, их отбирали в последнюю очередь, разрубали топором и втапывали в землю.

Осадная война

В XII веке война носила преимущественно скрытый характер, боевые действия чаще всего заключались в том, чтобы опустошить земли соседа или совершить несколько налетов на его замок. Большие осады, как и крупные сражения, происходили редко. Но даже если осадные действия и не отличались интенсивностью, они все равно оставались главной составной частью войны и занимали важное место в повседневной жизни воинского сословия.

Осады всегда планировались заранее, обычно — за несколько недель, иногда даже — за несколько лет. Войска Филиппа Августа осаждали знаменитый замок

Шато-Гайяр в течение восьми месяцев (с сентября 1203-го по апрель 1204-го), а крестоносцы **5** смогли взять город Акру только после двух лет осады (октябрь 1189-го — июль 1191-го). Существовало множество видов «инженерных» сооружений, возводимых вокруг осаждаемой крепости: палатки, навесы, деревянные бараки (для размещения людей, продовольствия, животных и другого имущества), рвы и палисады вокруг крепости, препятствовавшие поступлению помощи, лестницы, башни, передвижные галереи (для того, чтобы приближаться к стенам).

Самим же стенам приходилось выдерживать не только натиск людей, но и настоящий артиллерийский огонь. Опыт Крестовых походов способствовал усовершенствованию военных орудий по образцу арабских и византийских. Их можно разделить на две группы: орудия с пружиной и орудия с маятником. К первым относились огромные катапульты; орудие таких размеров и сложности невозможно собрать непосредственно на месте сражения, поэтому их перевозили в готовом виде. Чаще всего использовали модель, напоминавшую гигантский арбалет; посредством него метали дротики, небольшие балки и зажигательные снаряды. Кроме этого, существовали баллисты, более легкие, похожие на те, что знали в античности. Под руководством «механика» плотники возводили их непосредственно перед сражением; эти орудия могли метать огромные камни, иногда размером «с четверть скалы», зажигательные снаряды, удушливые вещества (например, зажженную серу) и даже падаль (с целью вызвать в крепости эпидемию). Наибольшее распространение получила так называемая «требюше», представлявшая собой нечто вроде огромной рогатки. Из нее метали ядра весом 20—30 килограммов на расстояние не менее 200 метров.

Эти обстрелы предназначались не для того, чтобы разрушить стены, а для того, чтобы защитить тех, кто работал у подножия крепости. Сосредоточение метательных орудий на одной стороне должно было нейтрализовать противника. Тем временем землекопы прорывали рвы, по которым под прикрытием передвижных галерей продвигались минеры, чтобы постараться выбить нижние камни стены. Иногда они пользовались подземными ходами и, проделав значительные углубления в основании крепости, поджигали ее.

Именно эти работы, а не военные машины способствовали образованию проломов и обвалов в крепостной стене, через которые нападавшие проникали в крепость. Впрочем, сначала пытались сокрушить тараном ворота и проникнуть в крепость через них. Таран представлял собой огромную балку длиной 6—10 метров из твердого дерева, иногда с металлическим наконечником, подвешенную на канатах и наподобие маятника раскачиваемую двенадцатью воинами. Преодоление стен при помощи лестниц и следовавший за этим рукопашный бой, столь часто изображаемые на миниатюрах, в действительности случались гораздо реже.

Это связано с тем, что осажденные также располагали весьма эффективными средствами отражения вражеских атак. Они использовали не только всякие крючья и кипящую жидкость, предназначенные для тех, кто забирался на стену по лестнице, не только поспешно возведенные деревянные башни, обеспечивавшие преимущественное положение их лучникам и арбалетчикам, но главное — в распоряжении защитников имелись точно такие же баллисты и катапульты, как и у тех, кто осаждал замок. Главная задача осажденных заключалась в том, чтобы при помощи собственных орудий быстро разрушить орудия противника. Так, во время осады Тулузы (1218 год) знаменитый Симон IV де Монфор, один из организаторов Крестового похода против альбигойцев, был убит ядром, посланным из требюше, установленной в городе, в то время как он сам находился на расстоянии более 200 метров от крепостной стены.

И все же, несмотря на свои довольно впечатляющие размеры, эти орудия оставались малоэффективными. Чтобы зарядить их, требовалось весьма длительное время; например, из требюше можно было произвести лишь один выстрел за два-три часа. К тому же во время обычных осад редко использовали несколько орудий одновременно. Наконец, боевой пыл осаждавших далеко не всегда соответствовал тому, каким его представляют в рыцарских романах. Терпение порой значило больше, чем все боевые качества; следует признать, что в XII веке падение крепости чаще всего происходило из-за усталости, голода, эпидемии или предательства.

Сражение

Вплоть до XIV века война и сражение оставались двумя совершенно различными явлениями военной деятельности. В своей недавней книге Ж. Дюби удачно заметил, что война заканчивалась, когда начиналось сражение: оно было «мирной процедурой», настоящим «Божьим судом» ⁶. Дать или принять сражение означало положить конец запутанному конфликту, рискуя при этом за несколько мгновений утратить достижения многих месяцев или даже лет, полностью полагаясь на суд Божий, приговор коего будет уже невозможно оспорить. Таким образом, сражение возводилось в ранг священного, и сопровождавшие его обряды выглядели неким священно-действием: выбиралось особое, ровное и просторное место; проводились долгие торжественные приготовления (речи военачальников, церковные таинства покаяния и причащения); на протяжении всего сражения не прекращались настойчивые увещания священников с обеих сторон; наконец, войско побежденного противника в полном составе бежало с поля битвы, дабы обозначить всю полноту законного права победителя. Ведь победа делала законным все, предшествовавшее сражению, и все, что следовало за ним. В течение изучаемого периода крупные сражения между христианами случались редко, очень редко. Можно даже сказать, что всего однажды: при Бувине, в воскресенье 27 июля 1214 года. Факт весьма показательный: это было первое значительное сражение, данное королем Франции после поражения при Бре-мюле за сто лет до этого, в 1119 году, когда войско французского

короля Людовика VI потерпело сокрушительное поражение от солдат короля Англии Генриха I Боклерка. Ту же ситуацию мы найдем и в рыцарских романах. Средневековые авторы, в частности Кретьен де Труа, крупным битвам предпочитали дуэли, турниры, небольшие военные столкновения. И только в 1230 году в романе «Смерть короля Артура» появляется описание крупномасштабного сражения: битвы при Солсбери. Впрочем, оно щедро вознаградило все ожидания, поскольку речь шла о сражении поистине гигантском, «самом крупном из всех, когда-либо бывших», оно и положило конец приключениям Артура и его рыцарей, что повлекло за собой исчезновение королевства Круглого стола.

Так обстояло дело в литературе. Рассмотрим теперь, как же все происходило в реальной жизни.

Тактика тех времен довольно проста. Перед началом сражения войско строилось в три ряда. В первом, сидя на корточках, располагались копейщики, вооруженные рогатинами и крюками, о которых уже говорилось выше; во втором ряду стояли лучники и арбалетчики; в третьем ряду находились всадники: тяжеловооруженные (рыцари) — в центре, остальные — по флангам. Именно они и только они выполняли наступательную функцию. Выстроившись по одной линии, они должны были совершать последовательные нападения на врага при поддержке с флангов собственной пехоты, за ней они могли укрыться в случае не очень удачной атаки. Лучники и арбалетчики не двигались со своего места; их действия сводились к защитной функции: сдерживать натиск вражеской конницы и защитить свою. Единственное, что они могли сделать, — растянуться вдоль флангов (иногда даже замыкая круг), в том случае, если коннице со всех сторон угрожала опасность.

Довольно быстро, после двух-трех атак с обеих сторон, сражение становилось всеобщим и распадалось на ряд отдельных схваток. При этом каждый вассал или оруженосец старался не отдаляться от знамени своего сеньора и сражаться рядом с ним, что, впрочем, удавалось не всегда. После первого же столкновения опознавательные знаки (знамена, шпоры, рубашки с изображениями гербов) приходили в негодность. И это служило причиной многочисленных ошибок. Можно было, конечно, использовать боевые кличи, но они, скорее, устрашали врага и поднимали общий дух войска, нежели служили ориентирами в гуще сражения. Если эти кличи не являлись политическими или религиозными призывами — как, например, знаменитое «С нами Бог!» крестоносцев, то возглашались названия феодалов, иногда сопровождаемые определениями. Так, люди графа Генегаусского гордо восклицали: «Благородный граф Генегаусский!», а фламандские военачальники, намекая на герб своего предводителя, кричали: «Львиная Фландрия!»

Но даже когда в сражении все перемешивалось, каждый рыцарь старался сразиться только с одним рыцарем из противоположного лагеря. Причина этого не столько в соблюдении правил рыцарской чести, которых, в принципе, не существовало, сколько в стремлении к достижению корыстных целей: захватив пленника, следовало потребовать выкуп и тем самым насколько возможно обогатиться. Противников не убивали, а брали в плен и затем продавали. Таким образом, в самых ожесточенных рукопашных схватках постоянно совершались всевозможные сделки: стоило пленнику пообещать заплатить выкуп, его сразу же освобождали, и он снова брался за оружие, чтобы, в свою очередь, пленить того, чей выкуп возместит его собственный ущерб. К тому же суровая военная реальность иногда заставляла изменять даже самым нерушимым клятвам в верности и оказании помощи. Когда сражение становилось слишком жарким, а удача — неверной, сеньору вновь приходилось договариваться с сопровождающим его войском о поддержке! Деньги — вот основная движущая сила сражения. В реальной жизни не существовало воинской

доблести Говена, Ланселота и их соратников. Конечно, воины были достаточно храбрыми (в конце концов, кольчуга защищала практически от всех ударов), однако отвага еще не стала необходимой добродетелью. Каждый пытался выйти из боя невредимым, как в денежном, так и в физическом отношении: ловко увернуться от стрел, выпущенных из арбалета (единственного по-настоящему смертоносного оружия), постараться, чтобы тебя не выбил из седла кто-нибудь из пехотинцев противника, которым с началом всеобщей схватки полагалось валить лошадей и стаскивать всадников. В хрониках можно узнать о рыцарях «весьма осторожных» (читай «трусливых»), которые во время боя прятались один за другого.

В этих сражениях больше всего страдала пехота. Ее калечили всадники, топтали кони, и добивали свои в случае общего бегства. Если лучники и копейщики попадали в плен, за них не требовали выкуп у пехоты противника, их просто убивали на месте, чтобы ограбить. У рыцарей, наоборот, раны — многочисленны, смертельные же исходы — редкость. Если верить хроникам, возможно, такое случилось всего один раз, в битве при Бувине. Как бы то ни было, по приблизительным подсчетам, вероятность смертельного исхода составляла около двух процентов. Впрочем, сражение длилось не дольше двух часов, а участвовало в нем не так много войска. Недавние работы показали, что в своем распоряжении Филипп Август имел всего 1300 рыцарей, 1200 обычных конных воинов и около пяти тысяч пехотинцев, в рядах же англо-германской коалиции, возглавляемой Оттоном Брауншвейгским, насчитывалось такое же количество всадников и на одну-две тысячи больше пехотинцев. Эти цифры представляются довольно скромными и весьма далеки от размаха битвы при Солсбери, повлекшей упадок Круглого стола, где, как пишет Вас, сражалось около 100 тысяч воинов и, по свидетельству неизвестного автора «Смерти короля Артура» 7, после целого дня братоубийственной схватки погибли все рыцари легендарного короля.

1. См.: Lot F. et Fawtier R. Histoire des institutions francaises au Moyen Age, tome II, Paris, p. 421 —430 et tome III, Paris, 1962, p. 49—53

2. Chretien de Troyes. Erec et Enide. Trad, d'apres l'edition de M. Roques, Paris, 1952, vers. 2637 etc. Ср.:

Кольчугу подают — такой
Еще не видели: она
Не потеряет и звена,
Как ни руби, как ни коли, —
Так хорошо ее сплели.
Ни на изнанке, ни с лица
В ней нет железного кольца.
С искусством славным и умением
Тройным серебряным плетением
Сработана. Ей не ржаветь,
Такую только бы надеть;
Так невесома, так мягка,
Как будто нежные шелка,
Изделие заморской пряжи
Ты натянул поверх рубахи.

Пер. Н. Я. Рыковой. Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Указ, изд., стихи 2638—2652

3. La chanson de Roland. Trad, d'apres l'edition de G. Moignet, Paris, 1969, vers 2345 etc. Пер. со старофранцузского Ю. Б. Корнеева цитируется по кн.: Песнь о Роланде. Старофранцузский героический эпос. Издание подготовили: И. Н. Голенищев-Кутузов, Ю. Б. Корнеев, А. А. Смирнов, Г. А. Стратановский. М.; Л.: Наука, 1964, стихи 2346-2348. Ср.:

Ах, Дюрендаль, мой верный меч прекрасный!
На рукоятке у тебя в оправе
Святыня не одна заключена:
В ней вложен зуб апостола Петра,
Святого Дионисия власа,
Василия Святого крови капли,

Кусок одежды Матери Христа.

— В кн.: Зарубежная литература средних веков. 2-е изд., испр. и доп. Сост. Б. И. Пуришев. М.: Просвещение, 1974, с. 217. Пер. А. Сиповича.

4. La chevalerie d'Ogier de Danemarche. Edition de M. Barrois, Paris, vers 10688 etc.

5. Имеется в виду Третий крестовый поход.

6. Речь идет о книге Жоржа Дюби, посвященной битве при Бувине: Duby G. Le dimanche de Bouvines. Paris, 1973, p. 145—159.

7. Le mort le roi Artu. Edition J. Frappier, reimpr., Paris, 1964, p. 225-246.

Глава 8. Некоторые развлечения аристократии

Однообразная и унылая жизнь средневекового общества вместе с тем бывала и праздничной, и веселой даже для низших слоев населения, поскольку официально существовало время, предназначенное для труда, и время для развлечений. Каждый день им посвящались послеобеденные и долгие вечерние часы, а каждую неделю — день обязательного воскресного отдыха. Кроме того, любая важная церемония сопровождалась коллективными увеселениями, собиравшими рыцарей и вилланов, горожан и деревенских жителей. Литература дает нам, правда, несколько идиллическое, но довольно верное представление о том, как проходил праздник в конце XII века.

Так, по случаю свадьбы Эрека и Эниды «всех местных менестрелей, всех, кто был сведущ в искусстве развлечений, созвали ко двору Артура. В огромном зале царила атмосфера всеобщей радости. Каждый блистал своими талантами. Один прыгал, другой падал, третий фокусничал; этот пел, тот свистел; один играл на свирели, другой — на флейте, третий — на волынке, четвертый — на роте (*Рота — струнный музыкальный инструмент, первоначально возникший в кельтской среде и являвшийся непременной принадлежностью бретонских бардов. (Примеч. пер.)*). Девушки танцевали фарандолу. Все участвовали в общем веселье. Не жалели ничего, что могло бы послужить для увеселений (...). Весь день двери не закрывались. Войти в них могли все: и богатые, и бедные. Король Артур ни на что не скупился. Он приказал раздавать всем желающим мясо, хлеб и вино. Никому ни в чем не было отказа. Всех оделяли в изобилии...» 1.

Большинство развлечений являлись общими для всех социальных категорий: прогулки и зрелища (театр, жонглеры, животные), музыка и пение, танцы, но, кажется, любимое развлечение средневековых жителей — это азартные и домашние игры. Все они хорошо известны, и мы не будем на них останавливаться. Однако существовали развлечения, присущие лишь аристократии и не всегда правильно понимавшиеся историками. О трех из них и пойдет речь.

Турниры

Турниры служили основным развлечением рыцарей. В большей степени, чем война — где настоящие сражения были редкостью, — они составляли основу военной жизни и наиболее верный способ приобрести славу и состояние. Поэтому рыцарские романы и, в частности, цикл Круглого стола посвящают им значительную часть своего повествования. Происхождение турниров известно довольно плохо. Возможно, они связаны с воинскими обычаями германцев. Их средневековая форма получила распространение на территории между Луарой и Маасом во второй половине XI века. И с этого времени, несмотря на многочисленные запреты церкви и некоторых суверенов, популярность их неуклонно росла. Там, где из-за введения Божьего мира частые войны прекратились, турниры

предоставляли рыцарям единственную возможность реализовать свою излишнюю агрессивность, а также отличный предлог покинуть замок с его наскучившей монотонностью. Впрочем, на протяжении XII и XIII веков церковь порицала эти пустые встречи для игры в сражение, часто служившие причиной смерти, порождавшие упорную ненависть и ослаблявшие силы христианского рыцарства, единственной заботой которого должна быть защита Святой земли. Однако эти запреты не приносили ощутимых результатов. И если некоторые суверены, например, Генрих II Плантагенет или Людовик Святой, поддерживали их, то большинство оказывались более терпимыми, даже те, кто, как Людовик VII или Филипп Август, относился к самим турнирам без особого уважения. Ведь именно их вассалы становились инициаторами, организаторами, а иногда и главными участниками подобных развлечений. Действительно, во второй половине XII века именно Франция, ее северная и западная части, представляли собой поистине райское местечко для любителей турниров.

Но кто же участвовал в этих состязаниях? В основном молодые, неженатые рыцари, не имевшие феодалов, те, кто, объединившись в неугомонные банды, отправлялись на поиски приключений и богатых наследниц. Об этом мы уже говорили. Под предводительством какого-нибудь графского или княжеского сынка, они участвовали в турнирах на протяжении пяти, десяти, а иногда даже пятнадцати лет, ожидая возможности сделаться владельцем семейного феодала. Для Уильяма Маршала такая полная странствий «спортивная молодость» продолжалась целых двадцать пять лет.

Турнир действительно можно назвать видом спорта. Даже командным видом спорта, поскольку конных поединков, где сражались бы один на один, не существовало до начала XIV века. А турнир XII века — это противостояние не отдельных воинов, но нескольких, хотя их правильное построение перед началом сражения быстро превращалось в беспорядочную свалку, где, как и на настоящем поле боя, бились небольшими группами, активно используя при этом различные опознавательные знаки. Скорее всего, именно турниры, а не войны стали в XII веке главной причиной распространения гербов среди представителей знати. Этот командный вид спорта приносил и денежную прибыль. В этой области существовали свои профессионалы, продававшие собственные услуги тем группам участников, которые предлагали наиболее высокую цену. Некоторые из них, объединившись вдвоем или втроем, специализировались на каком-нибудь одном определенном виде боя. В этом случае они особенно ценились. Кроме того, турнир, возможно, в большей степени, чем война, служил источником обогащения участвовавших в нем рыцарей. Противника захватывали в плен, отнимали оружие, сбрую, коня. Множество сделок и взаимных обещаний совершалось как в пылу сражения, так и после его окончания. На этом делались целые состояния. Например, «История Уильяма Маршала» повествует о том, как за десять месяцев будущий регент Англии, участвуя в турнирах вместе со своим грозным напарником, фламандцем Роже де Гаити, сумел получить выкуп с трехсот рыцарей ²! Конечно, подобная доблесть сопровождалась определенным риском, ведь турнир — исключительно опасный вид спорта. Многочисленные раненые, убитые — не редкость, причем церковь зачастую отказывала им в христианском погребении. Использование «куртуазного» оружия с тупыми остриями и лезвиями и даже сделанного из дерева очень медленно получало распространение. Вплоть до середины XIII века вооружение участников турниров ничем не отличалось от оружия настоящих воинов.

Однако если турниры и напоминали войну, они не были ею. Турниры воспринимались как радостное событие. Кроме периода Великого поста, их устраивали с февраля по ноябрь каждые пятнадцать дней на территории своей же провинции, но не в крупных городах, а возле одиноких крепостей, на границе двух княжеств или феодалов. Их не проводили ни на

сельской площади, ни на подступах к замку, а выбирали ровное поле, ланды или луг, где пространство не ограничено. Самому турниру предшествовала серьезная подготовка. Сеньор, бравший на себя его организацию, за несколько недель должен был объявить по всей округе время и место его проведения. Также ему следовало послать гонцов в соседние провинции, обеспечить жилье участникам (иногда их съезжалось несколько сотен) и тем, кто их сопровождал, запастись продовольствием, подготовить трибуны, палатки, конюшни, светские развлечения и увеселения для народа. Каждый турнир становился праздником, собиравшим множество людей. И если в самом сражении участвовали только аристократы, то «поболеть» за них разрешалось выходцам из любых социальных слоев. Этот праздник служил, кроме того, и ярмаркой, за счет которой существовали целые толпы артистов, фокусников, поваров, торговцев, нищих и преступников.

Турнир продолжался в течение нескольких дней, обычно трех. Сражения начинались на рассвете, сразу после утрени, и заканчивались только вечером, перед церковной службой. Несколько лагерей — созданных по географическому или феодальному признаку, — сражались друг с другом, сначала по очереди, затем одновременно. На поле царила такая неразбериха, что герольдам, специальным глашатаям, приходилось вести для зрителей своеобразный репортаж: описывать основные воинские подвиги и выкрикивать имена тех, кто их совершил. Вечера посвящались перевязыванию ран, пирам, музыке, танцам, любовным интрижкам. На следующее утро все начиналось заново. Вечером последнего дня, когда каждый подсчитывал свои доходы, самая знатная дама вручала рыцарю, отличившемуся в бою особой доблестью и куртуазностью, символическое вознаграждение. В литературных произведениях в этом качестве выступает шука, обладавшая, как полагали, свойствами талисмана. Ланселот, когда он участвовал в турнирах, всегда выходил победителем. Если же он отсутствовал, приз доставался его кузену Борсу, реже — Говену. В целом, романы артуровского цикла как бы несколько опережали действительность: уже в конце XII века они описывали частные поединки, воспевали личную отвагу и предоставляли женщинам главную роль в определении победителей. А в реальности турниры станут приносить славу и приобретут куртуазный и утонченный оттенок только в следующем веке.

Охота

Охотой, в отличие от войн и турниров, занимались во все времена года. У большинства она превращалась в безграничную страсть, и ради нее многие рыцари решались терпеть любую непогоду и самые ужасные опасности. Так, Филипп Август, не падкий на иные развлечения, охотился каждый день после обеда, как в период войн, так и мира, как во Франции, так и в других странах, не делая исключения даже для Святой земли.

Впрочем, занятие охотой диктовалось не только страстью, но и необходимостью. Ведь круглый год стол сеньора следовало обеспечивать крупной и мелкой дичью, поскольку питались в основном мясным. Иногда же целью было уничтожение некоторых хищных зверей (лисиц, волков, медведей), угрожавших урожаю, домашней птице, а порой и крестьянам. Именно в таких случаях в полной мере раскрывался дикий, опасный и азартный характер охоты.

Особое место следует отвести соколиной охоте, появившейся на Западе в начале XI века и очень быстро ставшей одним из излюбленных развлечений аристократического общества. Занятие действительно в высшей степени благородное, жестокое и красивое одновременно, коим не пренебрегали даже дамы. Подобная охота представляла весьма сложное искусство, и будущему рыцарю приходилось посвящать ему не один час занятий. Он должен был знать, как поймать птицу, как ее кормить и ухаживать за ней, как научить

ее слушаться жестов и посвистываний, распознавать жертву и охотиться на нее. Этой тонкой науке, считавшейся самой изысканной в куртуазном воспитании, посвящены многочисленные трактаты, большинство из них составлены на Сицилии, а некоторые сохранились и до наших дней **3**. Они сообщают нам, как именно должна происходить выучка молодого сокола. Его брали из гнезда, желательно сразу после рождения. После первой линьки ему подрезали когти, привязывали к лапке колокольчик (на случай, если он потеряется) и зашивали веки (чтобы хорошо выучить птицу, ее нужно сделать временно слепой). И лишь затем начиналась собственно выучка: сокола приучали сидеть на специальной жердочке и на руке, обучали посвистываниям, которые он должен уметь различать; далее, освободив веки, заново приучали его к свету, дразнили при помощи искусственных жертв. На все это уходил почти целый год. Наконец наступало время первой охоты. Сокол, накрытый капюшоном, сидел на руке хозяина. Когда появлялась дичь, накидку снимали. Птица взмывала в небо, выслеживала жертву, бросалась на нее и терзала до тех пор, пока свист хозяина не приказывал вернуться обратно.

В большей степени, нежели собаке и коню, именно соколу выпала честь стать любимым животным рыцарей. Вилланам запрещалось владеть этой исключительно благородной птицей. К тому же на покупку хотя бы одного сокола требовалась значительная сумма, а подарок подобного рода расценивался как поистине княжеский. Смерть сокола становилась для хозяина горестной утратой. Не случайно трактаты, посвященные дрессировке этих птиц, содержали множество советов, как продлить их жизнь, хотя в отличие от описания техники обучения они оказываются недостаточно серьезными и зачастую противоречат друг другу. Вот несколько рецептов по уходу за простудившимся соколом из трех разных трактатов.

Первый скромно рекомендует: «Возьми горячего вина, смешанного с толченым перцем; влей эту смесь в глотку соколу и держи, пока тот ее не проглотит. Тогда он излечится» **4**.

Второй отдает предпочтение мясному средству: «Смесь воды с содой для стирки и золы от лозы виноградной сгоревшей влей ему в глотку. Подожди, пусть проглотит, затем ящерицу съесть ему предложи. И излечится он» **5**.

Третий, наконец, предлагает полный курс лечения: «Возьми четыре куска сала, обмазанного медом и посыпанного металлическими опилками; вложи их ему в глотку. Поступай так в течение трех дней, исключая всякую другую пищу. На четвертый день пусть он проглотит небольшого цыпленка, которого следует предварительно напоить большим количеством вина. После этого перед огнем разотри ему горячим молоком грудь. Остальные дни корми его воробьями и другой мелкой птицей. Он верно излечится» **6**.

Шахматы

Среди многочисленных домашних игр наибольшей популярностью пользовались кости. В ту эпоху они имели такое же значение, какое впоследствии приобретут карты. Представители всех социальных категорий в хижинах, замках, тавернах и даже монастырях предавались этой игре с губительной страстью, тщетно порицаемой суверенами и прелатами-реформаторами. Здесь проигрывались деньги, одежда, лошади и жилища. Многие, как, например, несколько позже поэт Рютбеф **7**, жаловались, что потеряли в этой игре все, чем владели. К тому же играть в нее было еще и опасно. Хотя игроки пользовались рожком, нередко встречались случаи мошенничества, особенно из-за поддельных костей: одни имели намагниченную поверхность, у других одна и та же грань воспроизводилась дважды, у третьих одна сторона утяжелялась за счет примеси свинца. В

результате возникали многочисленные распри, порой перераставшие даже в частные войны.

Гораздо более безобидной считалась игра «марель» («la marelle»), не столько азартная, сколько требовавшая размышлений: победителем считался тот, кто первым составлял геометрическую фигуру из перпендикулярных или наклонных линий при помощи трех (иногда пяти) пешек. Впрочем, это было не так уж сложно. Больших усилий требовала загадочная игра «табль» («tables»), литература придавала ей особое значение, однако ее правила практически неизвестны. В какой-то степени она напоминала игру в триктрак (*Европейская разновидность игры в нарды (Примеч. пер.)*), участвовали двое или четверо игроков, используя несколько костей и много жетонов. Иногда этим же словом обозначали игру в шашки, в них в XII веке играли точно так же, как и сейчас.

Однако лучшая домашняя игра, в отношении которой авторы просто неистощимы, — это шахматы. Во Франции они появились в XI веке, а вовсе не во времена Карла Великого, как это иногда утверждают. Очень скоро они сделались любимым времяпрепровождением аристократического общества. Умение играть в шахматы считалось одной из составных частей воспитания юного рыцаря. Чтобы достичь в нем совершенства, нужно, как говорится в «Песне о Ли де Нантейле», начать обучение в возрасте шести лет **8**. Возможно, именно так и произошло с Бедуайеном, коннетаблем короля Артура, ведь во всех романах Круглого стола он предстает как лучший игрок своего времени **9**. В литературе описание шахматных партий занимает значительное место. Это одновременно и забавный эпизод, и драматическое действие. Иногда эти партии начинались из-за столкновения серьезных интересов: в них могла разыгрываться судьба женщины, пленника, армии и даже целого королевства. Часто проигравший в ярости от своего поражения ранил или убивал противника. В «Рыцарстве Ожье» Шарло, сын Карла Великого, проиграв Бодине, сыну Ожье Датчанина, «схватил обеими руками шахматную доску, бросил ему в голову и проломил ее так, что брызнул мозг» **10**. Реальная жизнь менее жестока. В ней не разыгрывались ни человеческие жизни, ни королевства, ни даже деньги. Тем более что церковь это запрещала. Дамы и молодые женщины без малейших колебаний садились за шахматную доску и часто показывали себя более искусными игроками, чем мужчины.

По легенде Алиенора **11** заставила потерпеть поражение в шахматах самых влиятельных князей Англии и Франции.

Однако интересно выяснить, как именно играли? Как выглядели шахматные фигуры? В чем заключались отличия от современного варианта этой игры?

Шахматная доска из дерева или металла считалась предметом роскоши. Владелец демонстрировал ее с неизменной гордостью, даже если сам не умел пользоваться ею. Она делалась больших размеров и часто служила верхней частью богато украшенной шкатулки, внутри которой находилась табль, а на противоположной стороне — марель. До конца XII века шахматная доска была однотонной (обычно белой), и прорезанные (иногда отмеченные красным) линии делили ее на 64 клетки. Современный вид — чередование черных и белых клеток — доска приобрела только в начале правления Филиппа Августа. Это не изменило правил игры — и сегодня можно играть в шахматы на одноцветной доске — однако облегчило видение и проверку ходов. Сами ходы несколько отличались, поскольку фигуры имели несколько иной характер и правила передвижения. Прежде всего «ферзь» (от персидского слова, обозначающего визиря) двигался не во всех

направлениях, а только по диагонали и не больше, чем на одну клетку за ход. Сила этой фигуры на шахматной доске была невелика. Так же и «альфен» (alfin), заменявший современного слона, продвигался по диагонали на две клетки через две (и мог при этом перепрыгивать через другие фигуры). Зато король, ладья, конь (вместе с рыцарем на спине) и пешки ходили точно так же, как и в современной игре, если не считать некоторых незначительных отличий. Например, король и ладья могли делать рокировку в любом положении, а пешкам в начале игры разрешалось передвижение только на одну клетку, не допускалось также взятие на проходе. Цель игры, как и сегодня, — поставить мат королю противника, и так же, как и сегодня, говорили «шах», если ему угрожала непосредственная опасность.

Форма фигур зависела от местности и уровня игры. Для повседневных игр уже делали стилизованные фигурки из кости или дерева, и никаких правил их изготовления не существовало. Для парадных же игр фигурки вытачивали из слоновой кости, эбенового дерева, янтаря или яшмы. Каждая из них служила определенным символом. Три оставались практически неизменными: король всегда с короной на голове; конь — всадник верхом на коне; пешки — в виде легковооруженных солдат. Форма остальных трех фигур варьировалась. Ферзя мог представлять сидящий человек с лицом, как у короля, но без короны, иногда — под влиянием куртуазной культуры — вместо него выступала дама. Alfin изображался в Англии и Западной Франции как епископ, во Фландрии и Рейнской области — как граф; в других районах — как пожилой человек, дерево или животное. Наконец, ладья могла быть сделана в виде тяжеловооруженного солдата или животного с башенкой на спине, а чаще представлялась целой сценой с участием двух персонажей: Адама и Евы, святого Михаила, убивающего дракона; двух переплетенных чудовищ, двух рыцарей, сражающихся копьями. У каждого играющего имелось по 16 фигур, перед началом партии их расставляли так же, как и в современной игре. Причем с одной стороны выстраивались белые, а с другой — не черные, а красные. В области шахмат царили те же символы, как и во всем остальном: до XIV века в сознании западного человека белому цвету противопоставлялся не черный, воспринимавшийся отсутствием цвета, как такового, а красный — цвет цвета.

1. Chrétien de Troyes. Erec et Enide. Trad. d'après l'édition de M. Roques, Paris, 1952, vers. 1983—2014. Ср.:

Чтоб в замке поддержать веселье,
Искуснейшие менестрели,
Пленяя пеньем и игрой,
Собрались пестрою толпой.
Гостям готовят развлечения
По силе своего уменья
Певцы, рассказчики, танцоры,
И акробаты, и жонглеры.
Те принесли с собою ноты,
Те — арфы, дудочки и роты,
Тут звуки скрипки и виолы,
Там флейты голосок веселый,
А там девичий круг ведет
По залу легкий хоровод.
Все то, что веселит сердца,
Звучало в замке без конца:
Волюнки, барабаны, бубны,
Порой могучий голос трубный,
А то свирель поет опять.
Ну что же вам еще сказать?
В тот день не ведали заботы
О том, чтобы запирасть ворота.
И у распахнутых дверей
Впускали в замок всех гостей:
Входил и бедный, и богатый.

Король — хозяин тароватый.
Велел он кравчим, поварам
И пекарям, чтобы каждый там
Наелся и напился вволю,
Чтоб каждому пришлось на долю
За праздничным столом сполна
Дичины, хлеба и вина,
И что бы кто ни пожелал —
Тотчас же щедро получал.

Пер. Н. Я. Рыковой. Кретьен де Труа. ЭрекиЭнида. Указ, изд., стихи2035—2065.

2. Histoire de Guillaume le Marechal. Ed. P. Meyer, Paris, 1891 — 1901, tome I, vers 3414 etc.

3. Les plus anciens traites (Dancus rex, Guillelmus falconarius, Gerardus falconarius) ont ete edites par G. TOander dans Cynegetica, IX, Lund, 1963.

4. Guillelmus falconarius, op. cit., p. 148.

5. Dancus rex, op. cit., p. 80.

6. Guillelmus falconarius, op. cit., p.208.

7. Рютбеф (ок. 1230—1285), французский поэт, вероятно, родом из Парижа, принимал деятельное участие в политических событиях своего времени, в частности в знаменитом споре Парижского университета с монашескими орденами в 50-х годах XIII века.

8. La Chanson de Gui de Nanteuil. Ed. P. Meyer, Paris, 1893, vers 117-118.

9. Ср.: Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Указ, изд., стихи 1735— 1736:

... Бедуайен, что без промашки
Играет в шахматы и шашки.

Пер. Н. Я. Рыковой

10. La Chevalerie Ogier. Ed. J. Barrois, Paris, 1842, vers 3176—3180.

11. Имеется в виду знаменитая Алиенора Аквитанская.

Глава 9. Куртуазная любовь и эмоциональная сфера

В первой главе нашей книги мы рассказывали о бракосочетании, его религиозном, экономическом и юридическом аспектах. Мы намеренно не упоминали о любви. Во времена рыцарских романов, как и в любую другую эпоху, семейная жизнь и сердечные склонности — это две совершенно различные области, которые могут находиться между собой как в полной гармонии, так и в абсолютном разладе.

Говорить о любви в конце XII века — значит, вести речь о куртуазной любви, воспетой трубадурами, труверами и романистами, то есть о новой манере любить, в чем-то довольно современной. Действительно, литературные произведения представляют историку самую полную и самую пленительную картину эмоциональной жизни. Но насколько она верна на самом деле?

Литературный феномен

Выражение «куртуазная любовь» никогда не употреблялось средневековыми авторами; они предпочитали говорить «bonne amor, vraie amor» — прекрасная любовь, истинная любовь, и особенно «fine amor» — утонченная любовь. Термин «куртуазная любовь» является изобретением современной критики, причем довольно неудобным, поскольку включает в себя несколько различных понятий. В целом, можно сказать, что «куртуазная

любовь» обозначает любовь, основанную на преклонении перед дамой; подобную любовь нам представляют поэты и романисты XII—XIII веков. Однако даже сама литературная проблема гораздо сложнее. Здесь необходимо принимать во внимание и социальное положение автора, и жанр, к которому он обращается; помнить о его таланте и намерениях; и, главное, уметь различить сквозь тонкую пелену символов и иносказаний живую, полную нюансов, изменчивую и трудно поддающуюся определению материю — любовь.

Ее древнее происхождение практически неизвестно. Однако можно с уверенностью утверждать, что первые появления в литературе «куртуазной любви» в самом начале XII века явились своего рода реакцией на религиозную мораль и обусловлены желанием изменить нравы и, возможно, саму область чувств. Действительно, для церкви любовь являлась «опасным» чувством: как причина супружеских измен, она посягала на таинство брака и ставила под угрозу спасение душ, даже между супругами ей полагалось сохранять умеренность и стыдливость. Вместе со святым Бернаром церковь XII века опиралась на цитату из святого Иеронима: «К чужой жене всякая любовь постыдна; к своей она должна быть умеренна; тот изменяет, кто слишком горячо любит свою супругу» 1.

Первыми против этого учения выступили именно лангедокские поэты. Любовь для них не безумие, но мудрость. Она не обесценивала личность, а наоборот, укрепляла способности ума и сердца. С 1100 по 1280 год шесть поколений трубадуров утверждали, что любовь есть живительное начало, источник всяческих добродетелей, она делает человека великодушным и утонченным, покоряющим и покорным, радостным и чистосердечным одновременно. «Fin'amors» трубадуров не была только платонической, поэтому она требовала подчинения желаний строгой дисциплине. Влюбленный, полностью покоряясь даме, должен в течение длительного времени служить ей, не будучи при этом уверен в вознаграждении. Все свои силы ему следует посвятить тому, чтобы жить этой неопределенностью, совершенствуя свои моральные качества в соответствии с предписанным ему воздержанием и борясь со встречающимися препятствиями. Подобная этика покоилась на преклонении перед достоинствами дамы, неизменно всегда самой прекрасной и самой благородной. У некоторых поэтов она оказывается возведенной на абсолютную высоту: воздыхатель, находясь в состоянии, близком к религиозному созерцанию, влюблен в это собственное состояние влюбленности, или, в крайнем случае, он желает только желания. У других авторов влюбленный теряет всякую волю и индивидуальность, он не более чем ребенок, с которым любимая женщина делает все, что захочет: «Ради нее я готов быть лживым и искренним, полным верности и готовым к изменам, грубым и любезным, трудолюбивым и праздным, ведь именно ей дана власть унижать и возвышать меня» 2.

У романистов Северной Франции куртуазная любовь имеет менее возвышенную форму. Плотское наслаждение, хотя и не являлось главным, тем не менее занимало у них значительно большее место. Неуловимое сладострастие лирических поэтов превращается у них в настоящую чувственность. К тому же знание психологии становится подробнее и глубже, а персонажи — в частности женские образы — приобретают более отчетливые черты. Если трубадуры смогли заново изобрести любовь, то северные авторы всемерно способствовали возвышению женщины в литературе.

Однако любовь в рыцарских романах еще очень похожа на ту, что воспевали провансальские поэты. В ней также видели источник радости, доблести и добродетелей. Хотя иногда она и основывалась на супружеской верности (как в «Эреке» или «Ивейне» Кретьена де Труа), любовь чаще всего связывалась с понятием измены. То, чем владели, любили редко, поэтому супружеским узам противопоставляли пылкое преклонение

влюбленного перед дамой. В более поздних произведениях часто встречается сравнение Ланселота, совершенного любовника, остающегося верным Геньеvre даже когда ему угрожает бесчестие, и его антипода Говена, галантного кавалера, ветреного соблазнителя, неизменно пускавшего в многочисленные любовные авантюры. Наконец, любовь, как у провансальских поэтов, так и у авторов рыцарских романов, развивается только в том случае, если сталкивается с различными трудностями: замужество дамы и ревность мужа, разница в социальном положении (воздыхатель всегда находится ниже дамы на социальной лестнице), дальние расстояния, злословие ненавистников, непонимание друзей.

Однако в литературе популярность этой манеры любить продержалась недолго. Еще в первой половине XIII века она начинает выходить из моды. Романы приобретают более реалистические черты в угоду вкусам новой читательской аудитории, более «мещанской», которая, видимо, дороже ценила домашние качества законной супруги, нежели невыразимые чары капризной и недоступной любовницы.

Физическое влечение и критерии красоты

Если дама, перед которой преклонялись трубадуры, чаще существо эфемерное, идеальное, возвышенное, то героиня северных романистов — это всегда создание из плоти и крови. По крайней мере, рыцарь очаровывается не только ее моральным совершенством, но и плотской красотой. Любовь рождается на основе физического влечения. Сам Говен, солнце всего рыцарства, частенько предпочитал хорошенькое личико красоте души. Впрочем, во второй половине XII века большинство авторов и, вероятно, читателей были искренне убеждены в том, что красивое равносильно хорошему. Прекрасная наружность лишь отражает глубокие внутренние красоты. И только в 1220—1230 годах это совершенно платоническое представление исчезает из куртуазных романов. Взамен появляется так называемая тема «дьявольской красоты». Теперь привлекательность считается неразрывно связанной с пороком лицемерия. Так, «Ланселот в прозе» повествует о том, как блестящие рыцари ведут себя низко и коварно, а слишком хорошенькие девушки оказываются «дьявольскими девами», что на пятьдесят лет раньше было совершенно немыслимо. Возможно, это изменение связано с антифеминистическим движением монахов и развитием культа Богородицы. Идеальная женщина вновь становится таинственной и менее реальной. Кроме того, умильная снисходительность романистов к неверной жене под влиянием богословского учения о браке сменяется воспеванием строгой добродетели.

Однако мы заглянули далеко вперед, в конец XIII века. Вернемся же к нашей эпохе, когда красота еще равнялась доброте, что, впрочем, приносит историку некоторое разочарование. Действительно, авторы описывают красоту своих персонажей довольно условно. Это связано с тем, что читатели вовсе не стремились представить точный физический облик рыцарей и дам. Чтобы вызвать симпатию, достаточно обладать красотой, а для этого нужно лишь соответствовать модным стереотипам. У куртуазных героинь всегда светлые волосы и кожа, удлинённый овал лица, маленький рот, голубые глаза и красиво очерченные брови. Мария Французская в лэ 3 о Ланвале так представляет самую красивую на всей земле девушку: «Она хорошо сложена, у нее узкие бедра и шея белее снега. У нее серо-голубые глаза, светлая кожа, приятный рот и правильный нос. У нее темные брови, чистый лоб и светлые волнистые волосы. При свете дня они переливаются подобно золотым нитям» 4.

Такие описания, составленные из одних штампов, нередки у Кретьена де Труа и его подражателей. Следовательно, нам важно понять, насколько эти клише действительно

отражают вкусы времени. Если предположить, что между ними есть некое соответствие, то были ли они реальными жизненными критериями, оказавшими влияние на литературу, или же, наоборот, эта мода началась с появлением литературных представлений? Естественно, ответить на этот вопрос довольно трудно. Поэты и романисты всегда отражают действительность, но ведь они одновременно и создают ее!

Авторы очень редко описывают женское тело, обычно изображая только лицо. Большинство целомудренно лишь слегка бросают взгляд на то, что находится ниже шеи. Изучив отдельные исключения из этого правила, можно сделать такой вывод. В XII веке мужчины любили женщин стройных, с тонкой талией, длинными ногами и высокой маленькой грудью. Впрочем, романы следующего века отличаются более подробными и реалистичными деталями, отражающими некоторое изменение общих вкусов: в это время ценят более пышные формы, «позволяющие полнее вкусить любовные игры» 5.

Критерии мужской красоты определить еще труднее. Куртуазный рыцарь уже значительно отличается от эпического героя, привлекательность которого заключалась в физической силе и презрении к страданиям и смерти. Говена и Ланселота нельзя сопоставлять с Роландом и Кшомом. Они притягивают не силой мускулов, а изяществом юности, изысканностью нарядов. Романисты чаще описывают не сильное тело, а роскошную одежду. Блестящий рыцарь — тот, кто молод, любезен, изыщен и хорошо одет. Об остальном умалчивается.

Описание реальной красоты встречается довольно редко, зато авторы очень часто изображают уродство, приводя, как правило, множество подробных деталей, причем не прибегая ни к штампам, ни к повторам. Чаще всего такими предстают портреты вилланов. И не имея точного понятия об эстетических нормах фигуры, мы хорошо знаем, каких изъянов следует избегать рыцарю, если он надеется выглядеть привлекательным: большая голова, огромные уши, рыжие или слишком черные волосы, длинные брови, поросшее щетиной лицо, глубоко посаженные глаза, маленький и сплюснутый нос, развитые ноздри, большой рот, мясистые губы, желтые и неровные зубы, мощная и короткая шея, сгорбленная спина, выступающий живот, короткие руки, тонкие ноги, узловатые пальцы и толстые ступни.

Эти черты присущи не только мужскому уродству. Кретьен де Труа в «Повести о Граале» изображает самую уродливую девушку из всех, когда-либо живших: «Ее шея и руки были чернее самого черного металла (...) Глаза ввалившиеся и маленькие, как у крысы. Нос как у обезьяны и кошки одновременно; уши, как у осла или быка. Зубы желтее яичного желтка, а на подбородке росла борода, как у козла. И на груди, и на спине ее торчал горб. Действительно, ее плечи и талия были созданы, чтобы заправлять балом!» 6

Плотские удовольствия

Куртуазную любовь, рожденную из физического влечения, нельзя назвать только духовной и платонической. Союзу душ сопутствовало и единение тел. Две недавние работы показали, что даже у трубадуров, чье восторженное поклонение представляется самым бесплотным, целью служения даме тем не менее являлось физическое обладание. Некоторые, например, Бернар де Вентадур, этого нисколько не скрывали:

Если б она только осмелилась
Провести меня ночью
Туда, где скинет с себя одежды,
И в этом укромном уголке заключить меня в свои объятья. 7

Другие говорят о желаемом вознаграждении более сдержанно. Пейре де Валерья очень изящно пишет:

И когда мои глаза созерцали ее,
Я молил Бога продлить мне жизнь,
Дабы мог стать я слугою ее благородного, дивного стана... 8

Впрочем, оба надеются на одно и то же. Однако оригинальность и одновременно сложность большинства лангедокских поэтов заключаются именно в том, что они гораздо больше значения придавали самому желанию, а не его реализации. О плотских удовольствиях чаще мечтали, нежели переживали их в действительности. И, следуя запутанному и искусному развитию мысли, некоторые теоретики доходили даже до того, что допускали все чувственные радости физической любви, кроме финального удовольствия, якобы противоречащего понятию «fin'amors».

Северные авторы оказываются менее щепетильными. Трувер Конон де Бетюн откровенно говорит, что его тело «всегда желает греха». Часто романисты без стеснения намекают на плотское завершение описываемых ими страстей. Хотя большинство, конечно, ограничиваются изображением взаимных поцелуев и со скромностью или иронией умалчивают о «дальнейшем». Так, автор романа «Жофруа», сообщив о том, что королева Англии оказалась в постели своего героя, пишет, прикидываясь неосведомленным:

«Я ничего не скажу о том, что произошло с графом и его подругой. Меня не было ни под кроватью, ни где-нибудь поблизости, и, следовательно, я ничего не слышал» 9.

Однако находились, особенно в XIII веке, и такие авторы, которые без колебаний описывали конкретные детали придумываемых ими эротических сцен. Приведем дословный отрывок из «Книги Артура»: «Он положил ей руку на грудь и на живот и ощутил ее мягкое и белое тело» 10. Впрочем, этот случай является исключительным. В куртуазных романах автор редко выходил за рамки приличий. Если же плотские удовольствия и упоминаются, они не выглядят ни вульгарными, ни похотливыми, ни двусмысленными. Тем более что близость тел, как правило, становилась результатом близости сердец.

Эмоциональная сфера

Куртуазная любовь представляла собой литературную тему, доступную лишь узкому кругу читателей. Сами авторы признавали, что она служила проявлением чувствительности, предназначенным лишь для элиты. Допустить, как это порой случалось, что такая любовь оказывалась реальным жизненным переживанием, довольно трудно. Даже в аристократическом обществе она была не более чем светской игрой. Из-за этого историку практически невозможно найти верный источник для изучения реальной любви в XII — начале XIII века. Воображение слишком часто берет верх над достоверным свидетельством. Любому источнику нужно дополнять и исправлять, используя для этого другие материалы: хроники, фаблио (*Фаблио (стар-фр. fabliau, лат. fabula — история, приключение) — французское название небольших, чаще всего юмористических рассказов; один из основных жанров буржуазной литературы в Средние века (Примеч. пер.)*), частные и общественные записи, юридические и теоретические тексты, произведения изобразительного искусства, демографические документы и т. д. Но если они и могут пополнить наши знания о проявлениях любовной жизни, они не сообщают ничего о реальных чувствах. Как и всегда, когда пытаешься найти в истории правду души и сердца, документы молчат. Литература

предлагает свои лучшие версии, но это всего лишь версии.

Недоступными оказываются многие области жизни. В том числе и внебрачные любовные связи. С одной стороны, по многим признакам можно предположить, что супружеской привязанности не существовало вообще: разница в возрасте супругов, роль родителей в заключении брака, значение денег, равнодушие к детям, частое вдовство и второй или третий брак. Однако, с другой стороны, существуют документы, свидетельствующие о том, что довольно часто заключались «внеплановые» браки — без согласия родителей, семьи или сеньора. Они получили такое распространение, что в 1215 году четвертому Латеранскому собору пришлось вынужденно ввести предварительное оглашение перед предстоящей церемонией. Таким образом, если были союзы по расчету, точно так же существовали и те, что заключались по любви. Почему бы в этом случае не предположить, что в XII веке складывалась такая же ситуация, как и сегодня: супружеские пары отличались друг от друга: одни семьи искусственно связывались юридическими или экономическими обстоятельствами, а другие объединялись узами искренней привязанности? Почему супружеские отношения тогда должны отличаться от тех, что существуют сейчас? Народные сказки и фэблио часто высмеивают те семьи вилланов, где муж относится к жене как к выючному животному или где жена — «мужик в юбке». Конечно, следует избегать анахронизмов, учитывать материальные условия, продолжительность жизни, особенности сознания, но почему нельзя допустить, что семейные пары в XII веке испытывали такие же чувства, какие всегда питают друг к другу муж и жена: страсть или прохладность, нежность или равнодушие, любовь или презрение?

Картина нравов, известных лучше, нежели сердечные склонности, дает представление о любовной жизни, весьма далекое от морали святого Иеронима. Несмотря на церковное осуждение измены, супружеская верность не служила главным жизненным правилом. Измены случались на всех социальных уровнях. Таким образом, многочисленны были внебрачные дети, однако общество не желало выделять им место в своих рядах. Поскольку основой семьи служил брак, то дети, рожденные вне брака, юридически не имели ни семьи, ни рода, ни сословия (кстати, внебрачный ребенок из семьи сервов считался свободным). К тому же теоретически они не могли ни получить наследства от родителей, ни стать священнослужителями, ни занять гражданский пост. Некоторые обычаи даже запрещали им передавать своим собственным детям накопленное имущество. Однако в действительности положение такого ребенка зависело только от его происхождения. Внебрачного сына короля никто не посмел бы приравнять к побочному сыну виллана, и в княжеских семьях дети, рожденные вследствие «шалостей дворянства», имели те же права, что и законные наследники. Им даже не отказывали в почестях. Вильгельм Длинный Меч, вероятно, сын Генриха II и его постоянной любовницы, красивой и загадочной Розмонды Клиффорд, стал графом Солсбери и одним из самых влиятельных баронов Англии; так же и Пьер Шарло, сын Филиппа Августа и «девушки из Арраса», получил епископство Нуайона, одно из самых значительных в королевстве.

Таким образом, воздержание нельзя назвать самой распространенной добродетелью. Хотя церковь и проповедовала его, но, похоже, следовали этой проповеди далеко не все. Несмотря на грегорианскую реформу, немногие священники, жившие среди мирян, соблюдали обет безбрачия. В конце XII века некоторые тексты с восхищением сообщали о священниках, сохранивших целомудрие до самой смерти.

Однако на этом картину нравов того времени еще нельзя считать завершенной. Сладострастие трубадуров, чувственность романистов, грубость голиардов **11** и, напротив,

гнев проповедников и угрозы богословов заставляют усомниться в распространенных штампах и их достаточности для создания точной картины, необходимой историку. Относительно использования контрацептивов и практики аборт, известных уже в XIV и XV веках, сведений о рассматриваемом периоде практически не сохранилось. Также никогда серьезно не изучалась проблема гомосексуализма, который каноническое право расценивало как высший грех. Есть некоторые литературные намеки, но, видимо, гомосексуализм не имел тогда широкого распространения. Однако какова причина его зарождения? Существовавшие семейные структуры? Религиозные запреты? В любом случае, если богословы и считали его самым тяжким пороком, следует отметить, что князья-гомосексуалисты — например, английские короли Вильгельм Рыжий и, возможно, Ричард Львиное Сердце — никогда не обращали внимания на религиозные санкции, предаваясь противоестественным удовольствиям. Что это: пренебрежение или привилегия?

1. Цитируется по кн.: Badel P. Y. Introduction a la litterature francaise du Moyen Age. Paris, 1969, p. 84.

2. Jeanroy A. Les poesies de Cercamon. Paris, 1922, 1, vers 51—56.

3. Лэ, один из жанров куртуазной литературы, — небольшие ли-рико-эпические рассказы о необычайных приключениях, сюжеты которых большей частью заимствованы из кельтских преданий (отсюда и название жанра — *lais bretons*). Лэ Марии Французской, поэтессы, жившей при английском дворе во второй половине XII века, являются одними из первых образцов этого жанра.

4. Marie de Prance. Lai de Lanval. Trad, d'apres l' edition de J. Ruchener. Paris, 1973, p. 89-90, vers 563-570.

5. Gerbert de Montreuil. La continuation de Perceval. Ed. M. Williams, Paris, 1922, vers 400.

6. Chretien de Troyes. Conte du Graal. Trad, d'apres l' edition de F. Lecoy. Paris, 1975, tome I, vers 4596—4608.

7. Trad, d'apres l' edition de C. Appel, Galle, 1915, № 27, vers 42—45.

8. Цитируются по кн.: Lasar M. Amour courtois et fin'amors dans la litterature du XII siecle. Paris, 1964, p. 71.

9. Trad, d'apres l' edition de W.O. Streng-Renkonen, Turku, 1930, vers 4332-4335.

10. Цитируется по кн.: Menard P. Le Rire et le Sourire dans le roman courtois en France au Moyen Age (1150-1250). Geneve, 1969, p. 264.

11. Голиарды (*goliards*) — в Средние века во Франции — бродячие актеры (беглые монахи, недоучившиеся студенты), исполнители песен, участники сатирических представлений. См.: Доби-аш-Рождественская О. А. Коллизии во французском обществе XII—XIII вв. по студенческой сатире этой эпохи. — В кн.: Культура западно-европейского Средневековья. М.: Наука, 1987. С. 115—143.

Глава 10. Область мечты

Люди XII века, будь то клирики, рыцари или крестьяне, редко оставались довольны своей жизнью. Слишком тяжелой, мрачной, суетной и обманчивой была повседневная реальность, а окружающий мир — печальным. Все мечтали о чем-то ином: о новом королевстве, где человек свободен от капризов природы и общественных обязанностей; о земном Иерусалиме, где мир и покой установлены на многие тысячи лет; о таком удаленном и идиллическом месте, где слова, люди и вещи обретают свое истинное значение, совсем другое, чем они имеют в этом мире.

Эту потребность в истине, жажду забвения и ностальгию по «золотому веку» каждый выражал по-своему. Существовало достаточно способов бегства от реальности. Литература и фольклор изобилуют повествованиями о чудесных краях, населенных необыкновенными животными и сказочными существами, о странах, в которых власть и

богатство доступны каждому, и каждый по собственной воле может стать императором, героем или волшебником. К тому же маги и чародеи водились не только в литературе: множество шарлатанов, ересиархов и ясновидцев странствовали по всему Западу, предлагая вилланам, монахам и сеньорам различные снадобья, реликвии, идеи и новые мечты. В целом, общество всегда проявляло готовность поддержать тех, кто умел тронуть его чувства. Каждый, вне зависимости от социального положения, стремился убежать от жестокой реальности, чтобы найти по ту сторону бытия скрытый смысл собственной судьбы.

Перемещения и путешествия

Путешествие — вот главная и наиболее осуществимая мечта в обществе, еще не ставшем до конца оседлым. На самом деле не стоит думать, что жители XII века были привязаны к своим феодам, замкам или деревням. Напротив, все постоянно перемещались. В первую очередь суверены — самые неутомимые европейские странники. Королевское правление представляло собой лишь очень долгое путешествие по собственным доменам, феодам вассалов, соседним королевствам, а иногда и странам за пределами христианского мира. Наиболее показателен пример Ричарда Львиное Сердце. Установлено, что из 117 месяцев своего правления (6 июля 1189 года — 6 апреля 1199 года) он 6 месяцев провел — в Англии, 7 — на Сицилии, 1 — на Кипре, 3 — в плавании по различным морям, 15 — в Святой земле, 16 — в тюрьмах Австрии и Германии, 68 — во Франции, из которых 61 — в собственных феодах. Таким образом, английский двор находился не в Лондоне или Йорке, а там же, где и король: в Бордо или Линкольне, в Кентерберии или Руане. Этому правилу постоянного передвижения подчинялись и подданные Артура в литературных произведениях. Он и его соратники непрерывно «курсировали» по королевству Логров от Карлиона до Винчестера, от Кардуэла до Эскалота, от Тинтангеля до Камелота.

Впрочем, не только короли странствовали из города в город, из замка в замок. Крупные землевладельцы следовали за ними и подражали их примеру, точно так же в пределах своих феодов и сеньорий поступали бароны более низкого ранга. Да и вилланы не считали себя раз и навсегда прикрепленными к выделенному им участку земли; они могли его покинуть и поселиться на вновь раскорчеванной земле в соседней деревне или даже сеньории. Причина этих перемещений не столько в собственных прихотях людей, сколько в требованиях экономической деятельности и политической жизни. На любом уровне земельная собственность являлась лишь временной уступкой более сильного и могущественного.

Кроме периодической смены места жительства следует упомянуть и повседневные перемещения людей. Несмотря на то, что качество дорог оставляло желать лучшего, самих дорог все же не хватало: королевские экипажи, посланники и чиновники, военачальники и солдаты, рыцари, жаждавшие приключений, крестьяне, искавшие новые земли, торговые караваны, группы ремесленников, каменщики, плотники, землекопы, дровосеки, студенты, монахи и клирики, покинувшие свои церкви и монастыри, простолюдины и разбойники, прокаженные, нищие, так называемые «деклассированные элементы» — все беспрестанно двигались во всех направлениях из конца в конец христианского мира. Границы тогда еще не были точно установлены, и они не воспринимались существенным препятствием. Границы, проходившие по водным путям, чаще всего оказывались зонами взаимопроникновения двух властных соседей. А некоторые границы было вообще невозможно определить из-за множества анклавов и запутанности феодально-вассальных отношений, как, например, границу между Бургундским герцогством и Бургундским графством. Другие границы зависели от рельефа местности и изменялись, если раскорчевывали лес, осушали пруд или прорывали канал.

Более того, не всегда совпадали границы королевств и церковных епархий и диоцезов, а главное, феодалов и сеньорий. Так, земли, принадлежавшие графам Фландрии и Шампани, располагались на территории и Франции, и Германской империи. То есть Запад представлял собой некую огромную целостность, и ее внутренние границы оказывались условными для людей, товаров и, конечно же, идей. Поэтому настоящие приключения начинались только за пределами христианского мира.

Впрочем, трудности возникали гораздо раньше, так как между высокой подвижностью населения и низким уровнем развития средств передвижения существовал значительный контраст. Зачастую путешествие становилось лишь непрерывной чередой сменяющих друг друга препятствий, помех и опасностей. Несмотря на то, что строительство множества каменных мостов в конце XII века несколько улучшило положение, в целом, дорожная сеть не соответствовала «транспортным» требованиям. Во Франции вместо превосходных римских дорог, в конце первого тысячелетия большей частью уже заброшенных, постепенно начали использоваться новые дороги, проложенные паломниками, торговцами или сеньорами, а центром их стал уже не Лион, а Париж. И чаще всего это лишь небольшие дорожки или даже тропинки, немощеные, извилистые, узкие, непроходимые зимой и довольно неточные. Впрочем, существовало также несколько более прямых и широких, даже кое-как мощеных дорог, возникших в связи с возведением крупных соборов для доставки камня из карьеров, находившихся в 20, 30, а то и 50 километрах от места строительства. Однако их было слишком мало, и они требовали постоянного ухода, расходы на который покрывались за счет взимания с проезжающих высокой пошлины. В Англии римская дорожная сеть сохранилась несколько лучше, зато там не хватало маленьких тропинок, и путешественникам приходилось брести наугад через ланды, леса и луга.

Помимо неудовлетворительного состояния самих дорог, необходимо также учитывать небезопасность их окрестностей и обилие пошлин, взимавшихся по любому возможному случаю: при переправе через мост, брод, перевал, пересечении долины и даже леса, вход в город или сеньорию. В результате маршруты приобретали весьма запутанный характер: главную дорогу обычно стремились обойти, чтобы избежать уплаты слишком высоких пошлин, грабительских вымогательств владельцев замков или встреч с разбойничьими шайками. Для большей безопасности путешествовали только в светлое время суток, объединившись в группы и избирая обходные пути. Вперед продвигались очень медленно. Люди ехали верхом или шли пешком; товары перевозили на вьючных животных или повозках. С XI по XIII век в обиход широко вошли конские хомуты и подковы, а также четырехколесные тележки, что позволило увеличить пусть не скорость передвижения, но, по крайней мере, вес перевозимых грузов.

Когда позволяли время года и особенности ландшафта, в основном старались пользоваться водными путями, более безопасными и дешевыми. Реки, в частности, превосходно подходили для торговых перевозок, по ним транспортировали такие товары, как вино, соль, зерно, лес и шерсть. В этих случаях сухопутные дороги лишь соединяли реки, а во Фландрии для этой цели уже существовали каналы. По возможности путешествовали по морю, что позволяло не платить пошлин. Но только по Ла-Маншу и Балтийскому морю суда курсировали во всех направлениях, а в других местах боялись выходить в открытое море и ограничивались прибрежным плаванием, иногда на довольно дальние расстояния. Вплоть до появления в 1220 году больших судов корабли имели незначительное водоизмещение, будь то парусники в водах Ла-Манша и Атлантики или галеры с веслами и парусами на Средиземном море.

Итак, люди и товары путешествовали много. Однако, несмотря на интенсивность

движения, скорость оставалась очень низкой. По сухопутной дороге обоз мог проехать за день от 25 до 40 километров в зависимости от особенностей местности и возможных препятствий. Один из документов конца XII века сообщает, что для перевозки товаров из Труа в Монпелье по расчетам некоего возчика необходимо было 23 дня. Гонец, совершавший свой путь в одиночку, двигался быстрее, преодолевая в день до 60—70 километров. Известно, правда, что в 1197 году посланник Филиппа Августа смог добраться от Парижа до Орлеана за один день, но это исключительный случай. Как правило, в 1200 году требовалось не меньше трех дней, чтобы попасть из Парижа в Руан, около 10 дней — из Парижа в Лондон, две недели — из Парижа в Бордо и более 20 дней — из Парижа в Тулузу; одна неделя — чтобы добраться от Йорка до Лондона, более месяца — от Лондона до Рима и, в зависимости от попутного ветра, 20—50 дней, чтобы по морю дойти из Венеции до Святой земли. Однако все это не ослабляло страсти к путешествиям. Люди XII—XIII веков не спешили. Если же им действительно нужно было двигаться быстрее, то они находили способ это сделать. Следует также заметить, что вышеупомянутая средняя продолжительность поездок оставалась неизменной вплоть до середины XVII века.

Паломничество и почитание святых

Паломничество служило основным предлогом, чтобы, покинув повседневную рутину, отправиться в более или менее удаленные места на поиски идеалов, недостижимых ни в замке, ни в деревне. Однако чаще всего речь шла о наказании, а не о развлечении. Главным мотивом совершения паломничества являлось стремление принести покаяние. Даже предпринимаемое добровольно, оно было вызвано желанием, высказанным или тайным, получить прощение за совершенные грехи, которые могли помешать спасению души. Причем чем дальше отправлялись паломники, тем большую духовную пользу они получали. Цель же паломничества к близлежащим святыням заключалась в том, чтобы снискать милость того или иного святого, дабы преуспеть в своем начинании, или получить его чудесную помощь в разрешении безвыходной ситуации.

В XII веке маршруты паломничеств постепенно стали охватывать всю территорию христианского мира. Во Франции чаще всего посещали святыне, связанные с поклонением Божьей Матери или особо почитаемым святым: святому Мартину — в Туре, святому Фуа — в Конке, Богоматери — в Пуи, Марии Магдалине — в Везле, Рокамадуре, Мон-Сен-Мишеле, святому Марциалу — в Лиможе, святому Сернему — в Тулузе. В Англии паломники, как правило, отправлялись к могилам святого Кутберта в Дереме, Эдуарда Исповедника — в Вестминстере и Фомы Бекета в Кентерберии, после его канонизации в 1173 году. Кроме того, в конце XII века появилось паломничество особого рода — с целью посещения аббатства Гластонбери, находившегося на границе Уэльса, где в 1191 году были якобы обнаружены могилы короля Артура и королевы Геневры.

Кроме того, существовало множество других, менее значимых объектов поклонения в отдельных местностях или районах. Действительно, для большинства населения культ святых составлял основу всей их религиозной жизни. В любом диоцезе самыми важными считались праздники, связанные с перенесением мощей какого-либо святого. Поэтому каждая церковь стремилась обзавестись собственными реликвиями, пусть даже путем не слишком честных сделок, впрочем, осуждаемых современниками. После того как в 1204 году Константинополь был разграблен участниками Крестового похода, христиане, обосновавшиеся на Востоке, регулярно снабжали Запад разнообразными реликвиями весьма сомнительной подлинности. Так, Филипп Август получил от императора Бодуэна I частицы голгофского креста и плащаницы, волосы самого Иисуса и мощи (зуб и ребро) святого Филиппа. Известно также, что в 1239 году Бодуэн II продал Людовику Святому

«подлинный» терновый венец за 20 тысяч фунтов чистого серебра, в то время как неподалеку от Парижа уже имелось два экземпляра этой «уникальной» реликвии: один находился в Сен-Жермен-де-Пре, второй — в Сен-Дени. Если верить сообщению Ригора, последний был хорошо известен парижанам, поскольку в период правления Филиппа Августа использовался при проведении довольно интересной церемонии: «В следующем месяце, 23 июля (1191), Людовик, сын французского короля, был поражен весьма тяжелой болезнью, которую врачи именуют дизентерией. Казалось, что он в безнадежном состоянии, и тогда решили прибегнуть к следующему средству. После долгих молитв и поста монахи из Сен-Дени, взяв почитаемые реликвии: гвоздь распятия, терновый венец Спасителя и руку святого Симона, босиком, обливаясь слезами, в сопровождении огромной толпы верующих и клириков направились к церкви Сен-Лазар, расположенной в окрестностях Парижа; епископ Морис, каноники, духовенство, клирики и просто жители также пришли туда босиком, в слезах, с мощами многих святых. Собравшись в единую процессию, с пением и плачем они подошли к королевскому дворцу, где при смерти лежал Людовик. Перед народом была произнесена проповедь, после которой все со слезами принялись молиться Спасителю о выздоровлении юного принца. Затем ребенок приложился к святыням, принесенным из Сен-Дени, посредством которых его живот был осенен крестным знамением. Вскоре после этого опасность, угрожавшая его жизни, миновала. Более того, в этот же день и час отец его, Филипп, находившийся в Святой земле, был исцелен от той же болезни» 1.

Однако истинным паломничеством, требовавшим определенного героизма и готовности к трудностям, считалось путешествие на весьма далекие расстояния: в Рим, Компостелло или Святую землю. Отдельные богословы утверждали, что каждый достойный христианин должен приложить все усилия, чтобы хотя бы раз в жизни совершить одно из этих паломничеств. Во всяком случае, именно в эти места суды отправляли преступников для искупления наиболее тяжелых провинностей. Чаще всего паломники шли в Компостелло, где в IX веке якобы открылись мощи святого Иакова Старшего, так как эти паломничества были организованы лучше других. Впрочем, не менее привлекательным местом считался Рим, куда приезжали поклониться могилам апостолов Петра и Павла, а также первых христианских мучеников.

Паломники отправлялись в путь небольшими группами. Их легко узнавали по таким отличительным признакам, как широкополая войлочная шляпа, мешок, перекинутый через плечо, и посох — большая палка с набалдашником, которым они обычно пользовались при ходьбе. Накануне отъезда паломники обращались к священнику с просьбой благословить их дорожную одежду, при этом к головным уборам и капюшонам все прикрепляли особые знаки — кресты из ткани или металла, ракушки или какие-либо другие особенно дорогие предметы, которые они хотели бы приложить к святыням. На протяжении всего пути паломники могли бесплатно останавливаться в аббатствах и храмах, расположенных вдоль основных маршрутов. Нередко их приглашал к себе какой-нибудь гостеприимный владелец замка с просьбой украсить семейный вечер рассказом об увиденных странах и пережитых злоключениях. Ведь, несмотря на то, что личность и имущество паломников защищались законом, они, как и другие путники, не могли избежать дорожных опасностей. Всякого рода нежелательные встречи и неприятные истории случались довольно часто, тем более что к благочестивым странникам нередко примыкали искатели приключений всех мастей, причем не только безобидные клирики и монахи, покинувшие монастырь, но и жестокие разбойники с большой дороги.

Самым трудным, но в то же время самым эффективным считалось паломничество в Иерусалим. Впрочем, оно требовало денег, определенных средств защиты и было доступно не каждому. Именно поэтому оно считалось в основном привилегией

аристократов, хотя в Англии, Франции и особенно Италии уже появлялись первые организации, устраивавшие паломничества в Святую землю для людей всех сословий. Надо отметить, что на протяжении всего XII века именно эти паломничества в значительно большей степени, нежели Крестовые походы, способствовали появлению западных рыцарей в Святой земле. В этих далеких и загадочных местах они мечтали осуществить свое истинное предназначение, казавшееся им слишком высоким и поэтому невозможным для реализации в условиях рутинной и монотонной жизни на Западе. И хотя идея Крестовых походов уже не пользовалась такой популярностью, а крупные военные экспедиции во главе с суверенами оканчивались лишь жалкими поражениями, Восток продолжал столь сильно воздействовать на мысли и чувства рыцарей, что это напоминало своего рода коллективный психоз.

Очарование Востока и чудеса географии

Очарование Востока не оставляло равнодушными и тех, кто не имел возможности отправиться в путь. Его влияние мы обнаружим в любой области творчества: литературной, художественной, фольклорной, научной. Оно повлияло и на бытовавшее в то время представление о мире в целом. На некоторых сохранившихся европейских картах земля представлена в виде круга, центром его является Иерусалим, а «вершиной» (там, где в наше время изображается Северный полюс) — место, откуда приходит свет, — Восток в виде высокой горы, на вершине которой лежит земной рай. Мир, как и общество, представлялся состоящим из трех частей. Соответственно, существовало и три континента: Европа, Африка и Азия, территория которой равнялась примерно двум другим вместе взятым, и три водных пространства: Средиземное море, расположенное в центре, Индийский океан — между Азией и Африкой и «кругообразный» океан, охватывающий планету со всех сторон. Наиболее верно, конечно же, изображались контуры Западной Европы и Средиземноморского бассейна.

Книги по географии, в частности, многочисленные «Картины мира», составленные в XII—XIII веках по различным источникам, служат еще одним подтверждением распространенности этих ложных для современного человека знаний. Территории по другую сторону Дании, Сахары, Кавказа и Каспийского моря были, можно сказать, неизвестны и служили источником самых причудливых описаний и фантастических легенд. К тому же вкус читателей к чудесному поощрял фантазию и наивность авторов, способствуя постоянным преувеличениям уже и без того невероятных рассказов предшественников.

Из всех удаленных стран наиболее привлекательной и таинственной считалась Индия. Каждый год здесь бывало по две зимы и два лета. В высоких, достававших до самых облаков лесах росли удивительные деревья: у одних — листья шириной с дом и даже больше, у других — огромные и красивые с виду плоды, внутри полные пепла, третьи снабжали необыкновенным углем, горевшим целый год без перерыва. Орехи там росли величиной с человеческую голову, а виноградные гроздья — такие тяжелые, что за один раз можно унести не больше одной. У змей вместо глаз — драгоценные камни. А все реки, кроме Ганга, выкатывали на берег золотые самородки; Ганг же славился огромными угрями длиной более 300 футов (100 метров). Кроме того, Индию населяло множество народов, один чуднее другого. Некоторые из них были людоедами и поедали своих родителей; другие, обросшие волосами, питались одной сырой рыбой и соленой водой, третьим для продолжения жизни требовалось вдыхать аромат свежего яблока. Одни обладали единственным красным глазом посреди лба; другие имели по шесть пальцев на ногах; у третьих рот помещался на груди, а глаза — на плечах; у четвертых была только одна нога, но зато такая широкая, что ею можно легко воспользоваться в качестве зонтика

или щита. Эфиопию, по мнению большинства авторов, располагавшуюся на юге Азии, между Индией и Египтом (последний обычно представляли как часть азиатского континента), населяли существа не менее удивительные. Так как там все животные обходятся без ушей, а некоторые — и без глаз, источником драгоценных камней служат не змеиные глаза, а мозг драконов, но их, впрочем, не так-то легко поймать. Люди там питаются мясом львов и пантер, по причине чего рычат, как хищные звери; одежды они совершенно не носят и абсолютно ничего не делают; у одних королем считается пес, у других — гигантский циклоп, что же касается тех, кто живет на востоке в пустыне рядом с антиподами, то они едят исключительно сушеных кузнечиков и потому доживают лишь до 40 лет.

В большей степени, чем эти дидактические компилятивные работы, предназначенные для более или менее сведущих читателей, распространение получили легенды, основанные на географических мифах, заимствованных и переработанных народной культурой. Такова, например, история о пресвитере Иоанне (первые упоминания о ней появились в середине XII века), повествующая о некоей сказочной стране, якобы расположенной в Центральной Азии, где королем является священник по имени Иоанн, который, будучи христианином несторианского обычая и великим противником ислама, мог бы оказаться весьма ценным союзником в завоевании Святой земли. В XIII веке многие западные суверены отправляли своих послов в эту воображаемую страну, но, не найдя ее в Азии, в следующем веке решили перенести ее в Африку.

Другая, не менее распространенная легенда, влиявшая на географические традиции вплоть до конца Средних веков, повествует о святом Брендане. Она связана уже не с Азией, а восходит к кельтскому христианскому фольклору первобытной Ирландии. Святой Брендан, настоятель одного ирландского монастыря, в VI веке якобы отправился за моря искать земной рай вместе с 14 другими монахами. В течение семи лет он плыл на весьма утлом суденышке и пережил за время этой одиссеи приключения еще более необычайные, нежели те, что выпали на долю самого Одиссея. Например, встречу с гигантским китом, чью спину он принял за остров и высадился на ней со своими спутниками в день Пасхи, чтобы отслужить праздничную мессу. Конечным пунктом его плавания стал остров Счастья, расположенный в стране, где никогда не заходит солнце. Там ему явился ангел с повелением вернуться обратно и рассказать о виденных чудесах. «Плавание Св. Брендана», безусловно, наиболее популярная в Средние века книга о путешествиях. Ее латинский текст, составленный в X веке, постепенно перевели на все языки Западной Европы 2.

Животные и чудовища

С географическими чудесами тесно связаны описания чудесных животных, причем их можно найти у авторов всех социальных категорий. Действительно, животный мир оказался той идеальной областью, куда без риска могли устремляться любые верования, надежды и фантазии людей, для которых мечта являлась просто насущной жизненной необходимостью.

Впрочем, человек XII века общался с животными довольно близко и постоянно, но окружавшая его фауна не представляла собой ничего фантастического. Домашние животные были практически те же, что и у нас сегодня, хотя кошки еще редко жили в домах, а для охоты на крыс и мышей частенько использовали более или менее прирученных ласок. Кроме того, приручали ворон и галок примерно так же, как позднее попугаев. Зато собаки, похоже, не привлекали к себе особого внимания вплоть до середины XIII века; в дома их не пускали и часто использовали при совершении не самых

благородных действий. Например, Сугерий рассказывает о том, как убийцу графа Фландрии Карла Доброго привязали к столбу вместе с собакой, которую истязали, и она от боли впивалась в лицо преступнику **3**. Наибольшим уважением среди животных пользовались конь и сокол; а с научной точки зрения лучше других была изучена свинья: поскольку вскрытие человеческого тела запрещалось церковью, именно это животное, считавшееся наиболее похожим по строению на человека, медики использовали для изучения анатомии. Диких зверей знали не хуже домашних. И если в Англии в X веке волков уже полностью уничтожили, то на континенте они встречались практически повсюду, иногда даже поблизости от городов. Также во всех лесах Европы во множестве водились медведи и кабаны. Да и крупные хищники были знакомы средневековой публике. Многие монархи владели собственными зверинцами с животными, вывезенными из Азии или Африки, и в дни увеселений открывали их для народа. В частности, сохранились сведения о зверинце английского короля в Кане и Филиппа Августа в Венсене. Наконец, нередко встречались люди, водившие из деревни в деревню для показа гепардов, обезьян, змей и экзотических птиц.

Однако такое конкретное знание животного мира ничуть не уменьшало массового интереса к произведениям на зоологическую тему, где чудесное явно преобладало над реальным, — бестиариям. Эти трактаты, под видом описания нравов и повадок животных, как неизвестных, так и хорошо знакомых, стремились внушить читателю определенные религиозные символы и моральные предписания. И хотя им несколько не хватало оригинальности (поскольку по большей части их составители заимствовали содержание у античных писателей и авторов раннего Средневековья), такие произведения пользовались большой популярностью и оказывали значительное влияние и на более сложные формы художественного творчества, и на наивные истории народной мифологии. Эти небылицы о животных были вполне способны поразить воображение крестьянина, очаровать рыцаря, пленить художника и вдохновить проповедника.

Ниже мы приведем некоторые отрывки из книг Гуго Сен-Викторского и Гуго из Фольето, романских бестиариев Филиппа Танского, Гийома Леклерка и Пьера из Бовэ, а также работы «*Liber de propnetatibus rerum*» («Книга о пророчествах») Варфоломея Английского **4**.

Сначала о волке, по мнению средневекового человека, наиболее жестоком и хитром животном. Он всегда ходит по ветру, чтобы его след не могли учуять собаки, а когда начинает выть, то подносит лапу к пасти, чтобы создать впечатление, будто бы он не один. Его укус страшно ядовит, поскольку он питается жабами и, как собаки, часто подвержен бешенству. Этот зверь обладает такими дьявольскими свойствами, что даже трава не растет там, где он когда-либо проходил. У человека, встретившего волка на своем пути, есть один шанс уйти от него: заметить волка первым, тогда зверь теряет свою агрессивность и убегает. Однако если более зорким окажется волк, человек останется парализованным и, скорее всего, будет съеден, а если же по счастливой случайности этого не произойдет, он будет немым до конца жизни.

Следующим идет медведь, хорошо известный людям того времени. Это животное с сильными лапами. Причем считалось, что большей силой обладает медведица: поймать ее практически невозможно, к тому же от нее идет отвратительный запах. Медведя же, наоборот, можно приручить, если выколоть ему глаза и до отвала кормить медом. Чем больше его бить, тем толще и сильнее он станет, и тогда он отлично годится для использования в качестве тяглового скота. А после смерти медведя из него можно получить жир, который, если прикладывать его к голове, представляет собой лучшее средство от облысения. Медведица вынашивает своих детенышей всего лишь 30 дней, и

поэтому они появляются на свет мертвенькими. По величине они не больше крысы и не имеют ни глаз, ни шерсти. К жизни их возвращает сама мать путем многодневного тщательного вылизывания.

Подобное воскрешение из мертвых имело, по всей вероятности, христологическое значение. Аналогичные примеры можно найти в разделах, посвященных львам или пеликанам: в первом случае животное оживляет мертворожденных детенышей собственным дыханием, а во втором — птенцов убивает их отец, а мать, клювом пронзая себе грудь, собственной кровью возвращает их к жизни.

Однако чаще всего символом Христа считался олень. Он ненавидит змей — порождение дьявола, поэтому охотится на них и поедает. Но если в течение трех часов после этого он не выпьет воды из источника, то его ждет верная смерть. Если же ему удастся это сделать, он обретает не только жизнь, но и молодость, что является причиной его долголетия.

Наделяя это животное необыкновенно долгой жизнью, авторы, однако, расходятся в более точном определении ее продолжительности. Самый великодушный из всех, Гуго Сен-Викторский, полагает, что олень доживает до 900 лет. Кроме того, он никогда не болеет и не подвержен лихорадке, и тот, кто каждый день ест его мясо, в конце концов, приобретает такое же здоровье. Это животное очень любит музыку, и при помощи мелодичного посвистывания его можно привлечь и поймать, но только в том случае, если его уши подняты; если же они опущены, он абсолютно ничего не слышит. Наконец, когда оленя окружают охотники, он не защищается, а проливает горькие слезы, что иногда спасает ему жизнь.

Среди экзотических животных самым необычным, конечно, представляется хамелеон. У него тело ящерицы, спина и чешуя рыбы, голова обезьяны и лапы сокола. Он очень пуглив и поэтому часто меняет окраску, причем может принимать любой из существующих цветов, кроме красного и белого. Он никогда не ест и не пьет, его единственная пища — воздух. По этой причине его тело абсолютно бескровно. А его желудок обладает магическими свойствами: если туда поместить огонь, то вскоре пойдет дождь или начнется гроза.

Лучше других был известен крокодил, которому авторы приписывали весьма любопытные душевные качества. Это огромная желтая змея с четырьмя мощными лапами, без языка, с довольно непостоянным характером: не умея ограничить себя в еде, крокодил ест до тех пор, пока ему не станет плохо; тогда он растягивается на песке и в течение нескольких дней не двигается, переваривая пищу. Также при виде чело века он не может удержаться от того, чтобы не поймать его и не съесть, хотя обладает натурой в некоторой степени доброй и чувствительной. Именно поэтому после завершения своей зловещей трапезы он начинает сожалеть о столь низком поступке и плачет много часов подряд.

Бестиарии рассказывают не только о реальных животных. Часто они посвящают целые главы описанию чудовищ или химер. Мы не станем уделять здесь внимание дракону, грифону, василиску и сиренам (уже в XIII веке их фантастический характер был несколько опошлен), а в качестве заключения упомянем о некоторых других существах, не столь известных, но не менее удивительных.

Самым кровожадным созданием является мантикора, о чем свидетельствует ее кровавый цвет. У нее тело льва, хвост скорпиона и голова человека. Ее челюсти снабжены тройным рядом зубов. Убежать от этого существа невозможно, так как мантикора — самое быстрое в мире животное. Его не боится только лев. Зато царь зверей в свою очередь страдает от

левтофоноса, самого мелкого из грызунов, одного запаха которого достаточно, чтобы лишить льва жизни. Более безобиден таранд — огромный бык с головой оленя и шкурой медведя. Он обитает в холодных краях, очень боязлив и, как хамелеон, часто меняет окраску. Левкрутта является потомком львицы и самца рыси, что, впрочем, не мешает ей иметь ослиное тело, оленьи ноги, львиную гриву, верблюжью голову и иногда разговаривать человеческим голосом. Однако самое ужасное существо — это морской монах, подводное чудовище, что водится у берегов Норвегии: тело у него, как у рыбы, а голова, как у человека, постриженного в монахи, на плечи же спадает капюшон, подобный монашескому.

Бретонское чудо и мир Грааля

В отличие от бестиариев и дидактических произведений, в рыцарских романах фантастическое чаще оказывается феерическим, а не устрашающим. Вместо чудовищного в них появляется чудесное и странное. Смена обстановки происходит, как правило, лишь частично. Загадочные существа и сверхъестественные явления здесь больше завораживают, а не тревожат, тем более что в самой их странности всегда сохраняется хотя бы некоторая видимость реальности. Кроме того, их частое вмешательство в повседневную жизнь всегда имеет причину, обычно это знаки предупреждения или послания из потустороннего мира. В средневековом сознании жила искренняя вера в существование своего рода посредников между миром Божественным и человеческим: душ умерших, ангелов, демонов, духов и фей, проявляющих себя через те или иные вещи чудеса.

Именно поэтому историки и авторы хроник никогда не упускают случая отметить все отклонения от обычного порядка вещей накануне великих событий: чудеса, сны, видения, кометы или затмения: «Года 1187 от Рождества Христова, 4 сентября, произошло затмение Солнца в 18 градусе созвездия Девы, длившееся около двух часов. На следующий день, в субботу 5 сентября, в 11 часов утра родился Людовик, сын Филиппа Августа, знаменитый король Франции» 5.

В литературных произведениях толкованием этих чудес занимаются особые люди; авторы выделяют среди них волшебников, использующих, подобно Мерлину, свое знание исключительно в благородных целях, и колдунов и ведьм, заключивших договор с нечистой силой и стремящихся каким-либо образом повредить людям. И те и другие обладают способностями астрологов и «физиков»: им известны свойства растений, и они умеют изготавливать любовные напитки. Так же, как и Фессала, ловкая и преданная служанка Фениссы, они сведущи во всех магических искусствах и точно так же могли бы заявить: «Я могу излечить водянку и подагру, астму и жабу; разбираюсь в качестве мочи и умею щупать пульс, лучшего врача вам не найти. Кроме того, я понимаю в волшебстве и магии, действенность которых не нуждается в доказательствах. Самой Медее не было известно что-либо подобное» 6.

Но авторы романов о рыцарях Круглого стола не ограничиваются только такой формой чудесного, довольно распространенной в литературных произведениях. Они привносят в нее новые черты, черпая вдохновение в кельтских сказках Ирландии и Уэльса. Из слияния этих разнородных элементов и рождается так называемое «бретонское чудо» — то ощущение необычности, двусмысленности и очарования, придающее неповторимую прелесть литературе Арту-ровского цикла. В ней нет излишних описаний, ее атмосфера словно соткана из намеков и недосказанности. И важнее любых слов оказываешься ты сам. Эти произведения не стремятся вызвать восхищение слушателя, их главная цель — увлечь за собой его воображение. И чтобы встретиться с чем-то необычным, совершенно

не нужно отправляться в Индию: потусторонний мир умерших повсюду соседствует с миром живущих, а граница между ними легко преодолима. Странствующему рыцарю достаточно проехать через лес, ланды или реку, чтобы незаметно для себя попасть в царство сказочных божеств и фей; стоит взойти на заброшенный корабль, и он оказывается в загадочной стране, где его ждет сама судьба. На этом, полном приключений пути ему встречаются задиристые и коварные карлики, уродливые и деспотичные гиганты; герою приходится сражаться за освобождение прекрасной девушки, впоследствии оказывающейся капризной или похотливой; он останавливается на ночлег в замках с привидениями, где, не смыкая глаз, отражает нападения сверхъестественных сил, исчезающих с первыми лучами солнца; он проезжает через такой лес, где звери заговаривают с ним, предлагая исповедать грехи; наконец он попадает на мрачное кладбище и, заглядывая в будущее, видит свою могилу и на надгробном камне читает рассказ о собственной предстоящей смерти.

Очарование этой литературе придают также всевозможные противоречия и неясности. Темы и мотивы из ирландских и галльских преданий, принадлежащие мифологии кельтов, явно не всегда понятны самим авторам рыцарских романов. Стремясь их приукрасить или хотя бы придать видимость объяснения, но, зачастую, изменяя и искажая первоначальный смысл, они тем самым создают некий таинственный ореол, пленяющий как самих романистов, так и читателей и не утративший своей привлекательности даже до наших дней. Порой творения превосходят своих творцов, очарованных собственным повествованием не меньше, чем те, для кого они предназначены.

Лучшим примером здесь, пожалуй, является «Повесть о Граале», последнее, незаконченное произведение Кретьена де Труа, написанное им по просьбе графа Фландрского Филиппа. Во многих местах романа возникает ощущение, что писатель сам восхищен и даже ослеплен этим предложенным ему грандиозным сюжетом, напряженность которого ему не всегда удается подчинить своему мастерству. И уж если его таинственность до такой глубины взволновала автора, то что тогда говорить о многочисленных продолжателях и подражателях, пытавшихся довести роман до конца или переписать его заново.

Похоже, после смерти Кретьена де Труа все рыцарское общество действительно увлеклось темой Грааля. Но секрет ее так и не удалось разгадать, несмотря на все усилия многих поколений поэтов и романистов. В качестве отправного момента для своих творений они использовали центральную сцену романа Кретьена де Труа. Юный Персеваль, лишь недавно посвященный в рыцари, однажды вечером попадает в незнакомый замок, где его принимает некий сеньор, благородный и куртуазный, но, к сожалению, очень больной. Пока они беседуют в ожидании ужина, в зале появляется необычная процессия: «Из соседней комнаты вышел какой-то юноша с необыкновенным копьем в руках, держа его посередине рукояти. Он прошествовал между очагом и кроватью, на которой расположились сотрапезники. Все присутствовавшие могли увидеть, как на острие копья блестела капля крови, которая затем стекала на руку юноши. (...) Потом прошли еще два необычных юноши, каждый из них держал золотой, богато украшенный канделябр с десятком зажженных свечей. Следом за ним появился Грааль, его несла красивая благородная девушка в прекрасной одежде. Когда она внесла Грааль в зал, стало удивительно светло, так, что даже свет свечей показался тусклым, так обычно при восходе солнца бледнеют луна и звезды. За первой последовала еще одна девушка, державшая серебряный поднос. Грааль, который несли впереди, был сделан из чистейшего золота и украшен множеством драгоценных камней, самых лучших из тех, что только есть на земле и под водой. Так же, как и юноша с копьем, обе девушки прошествовали мимо кровати и скрылись в какой-то комнате» 7.

Это странное зрелище вызвало любопытство юного Персеваля. Он хотел было расспросить своего хозяина о том, что означает кровоточивое копьё и кому предназначены Грааль и его содержимое. Однако он не решается этого сделать: ведь доблестный Горнеман де Гур, у которого он недавно гостил, научил его, что совершенный рыцарь не должен задавать нескромных вопросов. И Персеваль сохраняет молчание, не зная, что находится на пороге удивительного приключения, одного из самых чудесных, какие могли когда-либо представиться юному рыцарю. Ведь если бы он задал вертевшийся у него на языке вопрос, его гостеприимный хозяин был бы излечен, страна — освобождена от ужасных бедствий, а он сам получил бы высшее вознаграждение. Но все это станет ему известно гораздо позже, он также узнает, что имя владельца замка Король-Рыбак (его зовут так потому, что из-за раны рыбалка осталась единственным доступным ему развлечением) и что содержимое Грааля состоит из одной гостии (*Гостия — одна порция причастия, облатка. (Примеч. пер.)*), предназначенной для поддержания жизни старика, отца больного сеньора.

Больше Кретьен де Труа не сообщил ничего. Однако он сумел оставить будущим поколениям не просто странную незаконченную сказку, а неистощимый миф, с которым еще долго будут связаны мечты и стремления значительной части европейского общества. Появится обширная литература, которая уточнит болезнь Короля-Рыбака, определит личность его отца, выяснит значение кровоточивого копьё и самого Грааля. И то, что в романе Кретьена де Труа представляло собой обычное блюдо, будет поочередно превращаться в вазу, чашу, дароносицу, блюдо, из которого в Святой четверг вкушал сам Христос, сосуд, в который Иосиф Аримафейский на следующий день после распятия собрал кровь из ран Иисуса, и даже, в произведении немецкого автора Вольфрама фон Эшенбаха **8**, в драгоценный камень, дарующий власть и богатство и охраняющий от смерти.

Головокружительная пустота, оставленная молчанием Персеваля, позволит поэтам и романистам создать свое видение мира и общества, а среди читателей породит самые необычные надежды и иллюзии. Если бы юный рыцарь заговорил и задал роковой вопрос, средневековая литература лишилась бы своей самой волнующей легенды, всемирная литература — самой поэтической и неисчерпаемой темы. Это был день свидания Персеваля с Судьбой, однако по воле гениального автора это свидание не состоялось.

1. М. Пастуро использует здесь сведения из биографии французского короля Филиппа II Августа по публикации, изданной еще в первой четверти прошлого века знаменитым французским историком Франсуа Гизо: Rigord. *Gesta Pgilippi August!*. Trad. de F. Guizot, Paris, 1825, p. 100-101.

2. См.: O'Donoghue D. *Brendaniana. Saint Brendan the voyager in stori and legend*. Dublin, 1893

3. Suger. *Vita Ludovici grossi regis*. Ed. H. Wagnet, 2-e ed., Paris, 1964, chap. XXX, p. 246-248.

4. См.: Hugues de Saint-Victor, *De Bestiis*, ed. dans J.-P. Migne, *Patrologie latine*, t. CLXXVII, Paris, 1854, col. 12—163. — Philippe de Thaun, *Le Bestiaire*, ed. par E. Walberg, Lund et Paris, 1900. — Pierre de Beauvais, *Le Bestiaire*, ed. par C. Cahier dans *Melanges d'archeologie...*, Paris, 1847-1856, t. II, p. 109-292, t. III. p. 203-288, t. IV, p. 55 -187. — Guillaume le Clerc, *Le Bestiaire*, ed. par R. Reinsch, Leipzig, 1890. — Barthelemy l'Anglais, *Liber de proprietatibus rerum*, ed. par G. B. Braitenberg, Francfort, 1609- — В нашем распоряжении имеется издание английского рукописного бестиария конца XII века, хранящееся в Санкт-Петербурге в отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: *Средневековый бестиарий*. Ст. и коммент. К. Муратовой. М.: Искусство, 1984. Здесь же приведены поэтические переводы со старофранцузского сочинений Филиппа Танского и Гийома Нормандского, превосходно выполненные В. Б. Микущевицем.

5. Здесь снова цитируется биография Филиппа II Августа: Rigord, *op. cit.*, p. 70—71, см. выше, примеч. 1 к наст. главе.

6.Chretien de Troyes. Cliges. Trad, d'apres l'edition de A. Micha, Paris, 1957, vers 2983—2991. Cp.:

... Боль вашу можно утолить.
 Сумею вас я исцелить.
 Подагру, астму я врачую,
 Излечиваю водяную;
 Могу исследовать мочу,
 Как полагается врачу.
 В мои обширные познания
 При этом входят заклинания.
 Моя наука такова.
 В хитросплетеньях ведовства
 Не уступлю самой Медее.
 Пер. В. Б. Микушевича. Кретъен де Труа. Кпижес. Указ, изд., стихи 3022—3031

7.Chretien de Troyes. Le conte du Graal. Trad, d'apres l'edition de A. Gilka, Galle, 1932, vers 3191-3242.

8.Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170—ок. 1220), немецкий поэт, автор известного рыцарского романа «Парцифаль» (1198—1210), где, пожалуй, в наиболее полном виде среди романов Артуровского цикла представлена тема Грааля